

ФРАНЦ КАФКА
ПРОЦЕСС

НОВЫЙ ПЕРЕВОД

Процесс
Франц Кафка

Аннотация
Франц Кафка. Процесс
От издателя
Предисловие переводчика
Арест. Разговор с г-жой Грубах, потом с г-жой Бюрстнер
Первое заседание
В пустом зале заседаний. Студент. Канцелярия
Подруга г-жи Бюрстнер
Порщик
Прокурор
К Эльзе
Дядя. Лени
В соборе
Адвокат, фабрикант, художник
Борьба с заместителем директора
Торговец Блок. Увольнение адвоката
Поездка к матери
Здание
Конец
Страницы черновика романа «Процесс»

Аннотация

Роман о последнем годе жизни Йозефа К., увязшего в жерновах тупой и безжалостной судебной машины, – нелицеприятный портрет бюрократии, знакомой читателям XXI века не хуже, чем современникам Франца Кафки, и метафора монотонной человеческой жизни без радости, любви и смысла. Банковского управляющего К. судят, но непонятно за что. Герой не в силах добиться справедливости, не отличает манипуляции от душевной теплоты, а добросовестность – от произвола чиновников, и до последнего вздоха принимает свое абсурдное состояние как должное. Новый перевод «Процесса», выполненный Леонидом Бершидским, дополнен фрагментами черновиков Франца Кафки, ранее не публиковавшимися в составе романа. Он заново выстраивает хронологию несчастий К. и виртуозно передает интонацию оригинального текста: «негладкий, иногда слишком формальный, чуть застенчивый немецкий гениального пражского еврея».

Франц Кафка
Процесс

Franz Kafka
DER PROCESS

© Перевод. Бершидский Леонид, 2021
© Издание на русском языке, перевод. ООО «Альпина Паблишер», 2021

От издателя

Издание «Процесса» в новом переводе дополнено черновиками глав, отброшенных душеприказчиком Кафки Максом Бродом, а также фрагментами, которые вычеркнул сам автор. Публикация одного из важнейших романов мировой литературы XX века именно в таком виде позволяет глубже раскрыть авторский замысел и лучше понять это многоплановое, неоднозначное, но актуальное по сей день произведение. Впервые опубликованный в 1925 году, спустя 10 лет после написания и через год после смерти Кафки, «Процесс» создавался, когда в жизни писателя происходили радикальные перемены, а Европу ждала кровопролитная Первая мировая война, переломившая судьбу континента. Мы переиздаем роман в надежде на то, что знакомство с ним предостережет новое поколение читателей от бездумного принятия действительности, которое может оказаться в буквальном смысле опасным для жизни.

Предисловие переводчика

«Процесс» Кафки известен большинству русскоязычных читателей в блестящем переводе Риты Райт-Ковалевой. Браться за перевод после нее было бы самонадеянно и, пожалуй, нелепо — если бы речь не шла именно о «Процессе». Моя выдающаяся предшественница имела дело с редакцией Макса Брода, друга и душеприказчика Франца Кафки, которому писатель вообще-то наказал сжечь все незавершенные рукописи. Брод ослушался; судить его за это не повернется язык, но для того, чтобы издать «Процесс», ему пришлось, по сути, придумать недописанному роману структуру (Кафка расположил главы не по порядку и не нумеровал их) и выбросить большие куски текста, показавшиеся ему наименее законченными.

Иными словами, Брод по праву своей дружбы с автором принял, с одной стороны, важное решение сохранить для потомков великий роман, а с другой — еще ряд решений, не всегда оправданных именно с точки зрения сохранности текста «Процесса».

Специалисты по творчеству Кафки выделяются въедливостью даже среди литературоведов. Одно из материальных свидетельств этой въедливости — издание «Процесса», вышедшее в 1997 году (почти через восемь лет после смерти Райт-Ковалевой) и подготовленное Роландом Ройсом и Петером Штенгле. Коробка с шестнадцатью не сшитыми между собой тетрадями, не считая вступительной — в каждой по главе, — весит больше четырех килограммов. В тетрадях — факсимиле черновиков и их расшифровка.

Немалая часть сохранившегося в рукописи текста была недоступна Райт-Ковалевой. Я перевел не только главы, отброшенные Бродом как недостаточно законченные, но и те части текста, которые Кафка зачеркнул и ничем не заменил. Они особым образом выделены в книге, которую вы держите в руках (вновь включенные главы переводились и в более ранних изданиях, но публиковались как приложения к основному тексту). Раз уж мы вслед за Бродом исходим из того, что рукописи не горят, то неподвластны пламени и зачеркнутые места — тем более что Кафка вымарывал их не слишком старательно и, возможно, вернул бы в текст, если бы ему довелось завершить работу над «Процессом».

Переводчики и исследователи, работавшие над «Процессом» в последние десятилетия, часто переставляли главы местами. Порядок глав в моем переводе — попытка восстановить хронологию событий: как прожил свой последний год банковский управляющий Йозеф К. Я следовал указаниям на времена года и логике сюжета. Из-за появления дополнительных глав — в самом тексте, а не в виде приложения к нему — расстановка смысловых акцентов несколько сместилась по сравнению с каноническим переводом. Например, без предпоследней главы «Здание», на мой взгляд, «Процесс» становится другим романом.

Важно понимать, впрочем, что мой, вероятно, упрощенный подход к структуре книги — не единственно возможный. Попробуйте рассказать себе историю Йозефа К. в разной последовательности; оно того стоит — ведь для русскоязычного читателя 20-х годов XXI века эта история актуальнее новостей. Злоключения Йозефа К. — не то, от чего стоит зарекаться.

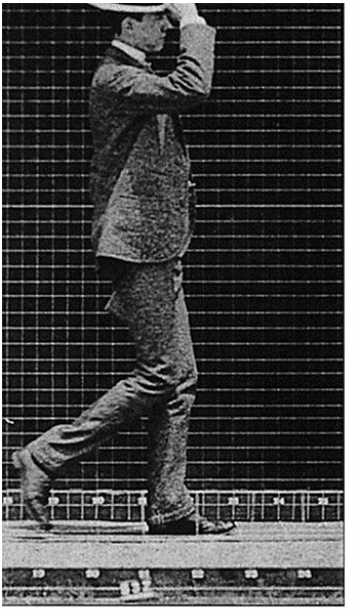
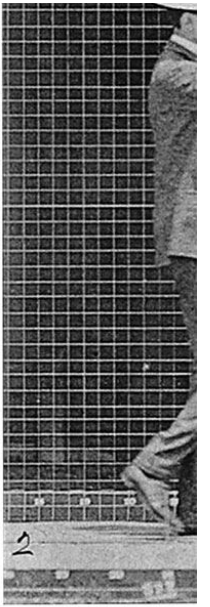
Мне же, как иммигранту в немецкоязычном мире, близок не только сюжет, но и негладкий, иногда слишком формальный, чуть застенчивый немецкий гениального пражского еврея. Надеюсь, что русский текст адекватно передает мои

ощущения.

А в самом конце книги вас ждет сюрприз — описка Кафки, от которой у меня на глаза навернулись слезы. Сумеете удержаться — значит, что-то у меня (а заодно и у блестящего редактора этой книги Любови Макариной) не вышло.

Л. Бершидский
Берлин, 2021 г.

Арест. Разговор с г-жой Грубах, потом с г-жой Бюрстнер

Видимо, кто-то оклеветал Йозефа К., потому что, не сделав вроде бы ничего дурного, однажды утром он попал под арест.

Кухарка его квартирной хозяйки, г-жи Грубах, приносившая ему завтрак ежедневно около восьми, на этот раз не пришла. Такого до сих пор не бывало. К. подождал еще немного, посмотрел, не поднимая головы с подушки, в окно на живущую напротив старуху, которая сегодня наблюдала за ним с совершенно не свойственным ей любопытством, затем, чувствуя одновременно недоумение и пустоту в желудке, позвонил в колокольчик.

В дверь тут же постучали, и вошел мужчина, которого К. в этой квартире еще ни разу не видел. Сухощавый, но крепко сбитый, он был одет в плотно прилегающий, подпоясанный ремнем костюм на манер дорожного, со множеством карманов, пряжек и пуговиц; хотя было непонятно, какая от всего этого польза, платье вошедшего выглядело чрезвычайно практичным.

— Вы кто? — спросил К., приподнимаясь в постели.

Вошедший, однако, уклонился от ответа, словно его появление следовало принять как должное, и сказал только:

— Звонили?

— Мне Анна должна принести завтрак, — сказал К. и попытался собраться с мыслями, чтобы определить, кто, собственно, таков этот человек. Но тот не дал себя долго разглядывать, а повернулся к двери и, приоткрыв ее, сказал кому-то, явно стоявшему прямо у входа:

— Хочет, чтобы Анна принесла ему завтрак.

В соседней комнате тихонько засмеялись — непонятно, один голос или несколько. Хотя этот смех вряд ли содержал для чужака какую-либо доселе неизвестную информацию, он словно бы доложил К. об ответе:

— Это невозможно.

— Вот еще новости, — сказал К., соскочил с кровати и проворно натянул штаны. — Ну-ка, посмотрим, кто там в соседней комнате и как г-жа Грубах объяснит мне подобное вторжение.

Ему тут же пришло в голову, что не обязательно было говорить это вслух и что он тем самым как бы признал право чужака надзирать за ним, но сейчас это показалось ему неважным. Незнакомец, однако, так и воспринял его слова, потому что сказал:

— Может, лучше вам остаться здесь?

— И не останусь, и слушать вас не буду, пока не представитесь.

— Я же как лучше хотел, — сказал чужак и без возражений открыл дверь. В соседней комнате, куда К. вошел медленнее, чем собирался, все было на первый взгляд почти так же, как вчера вечером. В гостиной г-жи Грубах, забитой мебелью, салфетками, фарфором и фотографиями, казалось, освободилось немного места, но точно сказать было невозможно. Главное изменение состояло в присутствии мужчины, сидевшего у открытого окна с книгой, от которой он теперь оторвался.

— Вам следовало оставаться в вашей комнате. Вам что, Франц не сказал?

— Так что вам от меня нужно? — спросил К., переводя взгляд с нового знакомца на Франца, все еще стоявшего у двери, и обратно.

В открытое окно К. снова увидел соседку, со старушечьим любопытством перебравшуюся к другому окну, прямо напротив, чтобы ничего не пропустить.

— Мне надо к г-же Грубах, — сказал К. с таким движением, будто хотел вырваться из рук обоих мужчин, хоть их и не было рядом, и собрался идти дальше.

— Нет, — сказал человек у окна, швырнул книгу на столик и встал. — Уходить вам нельзя, вы же

все-таки арестованы.

— Похоже на то, — сказал К.*, улыбаясь. Он не чувствовал тревоги, скорее облегчение, что теперь невероятное сказано, отчего невозможность ситуации стала лишь очевиднее.* — За что же?

— Сообщать вам это у нас приказа нет. Идите в свою комнату и ожидайте. Производство по делу только началось, в свое время все узнаете. Я и так выхожу за пределы полномочий, разговаривая с вами этак по-свойски. Надеюсь, никто не услышит, кроме Франца, а он и сам ведет себя с вами доброжелательно против всех инструкций. Если вам и дальше так будет везти, как при назначении надзирателей, волноваться вам не о чем.

К. хотел было сесть, но заметил, что во всей комнате для этого годится только кресло у окна.

— Еще увидите, как он прав, — сказал Франц, подступая ближе к К. одновременно с другим визитером. Тот, все похлопывая его по плечу, особенно нависал над ним. Вдвоем они ощупали ночную рубашку К., говоря, что теперь ему придется носить рубаху куда похуже, но что эту, как и прочее его белье, они сохранят и при благоприятном исходе дела вернут.

— Лучше отдайте вещи нам, чем на склад, — говорили они. — На складе вечно случаются

недостачи, к тому же оттуда все регулярно распродают, неважно, завершено дело или нет. А ведь такие процессы часто затягиваются, особенно в последнее время! Вы бы, конечно, получили на складе компенсацию, но, во-первых, она сама по себе мизерная, потому что распродают не по самой высокой цене, а за взятки; во-вторых, по нашему опыту, сумма с годами тает, переходя из рук в руки.

К. едва слушал эти разговоры: право распоряжения имуществом, вроде бы пока у него не отобранным, он ценил невысоко, важнее для него было прояснить ситуацию; в присутствии этих людей, однако, он не мог даже думать. Второй надзиратель — ну да, никем, кроме надзирателей, они быть не могли — все время пихал его, как бы по-дружески, пузом, но К., поднимая глаза на его худое, не подходящее к жирному телу лицо со свороченным на сторону носом, видел, как тот перемигивается с другим надзирателем.

Что же это за люди? О чем они вообще? В каком учреждении служат? В конце концов, К. живет в правовом государстве в мирное время, закон есть закон и кто осмелился напасть на него в собственном доме?

Он всегда старался не принимать ничего слиш-

ком всерьез, в худшее верить, только если и правда станет худо, и не тревожиться о будущем, чем бы оно ему ни грозило. Но сейчас такой подход казался ему неправильным. Да, все происходящее можно было принять за шутку — сегодня ему исполнялось тридцать лет, вполне вероятно, что коллеги по банку решили над ним так грубо подшутить и ему достаточно расхохотаться в лицо надзирателям, чтобы они тоже засмеялись. Может, это просто посыльные с соседнего угла, даже сходство какое-то есть, — но К. с самого первого взгляда на надзирателя Франца решил не поступаться преимуществом, которым, возможно, обладал перед этими людьми. Обвинений в отсутствии чувства юмора К. особо не опасался, зато помнил — хоть и не имел обыкновения учиться на собственных ошибках — несколько случаев, в целом незначительных, когда он не проявил, в отличие от более сознательных друзей, достаточного чутья на последствия, повел себя неосторожно и в итоге поплатился. С него довольно: уж в этот раз, если с ним разыгрывают комедию, он подыграет.

Как только его отпустили, он произнес «Позвольте» и проскользнул между надзирателями в свою комнату.

— Вроде разумный человек, — услышал он за спиной.

В комнате он торопливо выдернул ящики из письменного стола. В них все было разложено в образцовом порядке, но как раз удостоверяющие личность бумаги, которые он сейчас искал, не попадались ему на глаза. Наконец он обнаружил велосипедные права и хотел было идти с ними к надзирателям, но документ показался ему недостаточно внушительным и он продолжал искать, пока не наткнулся на свидетельство о рождении. Едва он вернулся в соседнюю комнату, дверь напротив приоткрылась и в комнату заглянула г-жа Грубах, но лишь на мгновение. Завидев К., она, очевидно смутившись, извинилась и исчезла, с подчеркнутой осторожностью закрыв за собой дверь.

— Входите же, — только и успел сказать К.

Он так и остался стоять со своими бумагами посреди комнаты, уставившись на дверь, которую больше никто не пытался отворить. Лишь окрики надзирателей вывели его из оцепенения. Те сидели за столиком у открытого окна и, как теперь заметил К., уплетали завтрак.

— Почему она не вошла? — спросил он.

— Не положено, — сказал высокий охранник. —

Вы же арестованы.

— Но как же я могу быть арестован, да еще и таким вот образом?

— Только не начинайте опять, — сказал надзиратель, обмакнув намазанный маслом ломтик хлеба в баночку с медом. — На такие вопросы мы не отвечаем.

— Придется отвечать, — сказал К. — Вот мои документы, а теперь покажите мне ваши, и первым делом ордер на арест.

— Господи ты боже мой, — сказал надзиратель. — Что ж вам, невдомек, в каком вы положении? Да еще понапрасну на нас огрызаетесь, а ведь ближе, чем мы, у вас сейчас никого на свете нет!

— Так и есть, уж поверьте, — сказал Франц и не стал подносить ко рту чашку кофе, которую держал в руке, а вместо этого посмотрел на К. долгим и, видимо, многозначительным взглядом, смысл которого остался К. непонятен. Сам того не желая, К. ввязался в обмен красноречивыми взглядами с Францем, но все-таки сразу протянул бумаги:

— Вот мои документы.

— Нам-то что до них? — воскликнул высокий надзиратель. — Напрашиваетесь на неприятности, совсем как ребенок. Чего вы добиваетесь?

Думаете, ваш треклятый многомесячный процесс тут же и закончится, если вы устроите с нами, надзирателями, дискуссию об удостоверениях и ордерах на арест? Мы мелкие служащие, в удостоверениях разбираемся плохо, а по вашему делу только и должны десять часов в день приглядывать за вами да получать за это жалованье. Вот с нас и весь спрос — с чего вы взяли, что важные чины, наши начальники, станут с нами обсуждать причины ареста и личность арестованного? Ошибки тут быть не может. Наше учреждение, насколько я знаю — а знаю я только самый нижний уровень, — не ищет виноватых среди населения, а, как сказано в законе, вина притягивает его внимание и тогда оно высылает надзирателей. Таков закон. Где же тут может быть ошибка?

— Я такого закона не знаю! — сказал К.

— Тем хуже для вас, — сказал надзиратель.

— Он существует только у вас в голове, — сказал К.

Ему хотелось найти способ проникнуть в мысли надзирателя и как-нибудь вывернуть их в свою пользу или хотя бы освоиться с их ходом. Но надзиратель лишь равнодушно произнес:

— На своей шкуре испытаете.

Тут вмешался Франц:

— Смотри-ка, Виллем, он сознается, что закона не знает, и тут же заявляет, что невиновен.

— Ты совершенно прав, да только попробуй ему втолковать, — сказал второй надзиратель.

К. больше не отвечал; нельзя же, думал он, чтобы эти нижние чины — ведь они сами говорят, что ниже некуда, — сбили меня с толку своей болтовней. Они ведь и правда рассуждают о том, чего не понимают. Их уверенность — лишь от глупости. Стоит мне перемолвиться словом с тем, кто мне ровня, это прояснит неизмеримо больше, чем сколь угодно долгие беседы с этой парочкой.

Он несколько раз прошелся взад-вперед по пустому пространству комнаты и снова увидел старуху напротив, которая притащила к окну еще более дряхлого деда и стояла с ним в обнимку — *~~может быть, чтобы согреть его, а может быть, чтобы тихонько делиться с ним наблюдениями~~*. К. решил, что хватит их развлекать.

— Отведите меня к вашему начальнику, — сказал он.

— Только когда он этого захочет, не раньше, — сказал надзиратель по имени Виллем и добавил:

— А теперь я вам советую отправляться в свою комнату, вести себя спокойно и ждать, какое

постановление вынесут по вашему делу. Мы вам советуем не мучить себя бесполезными мыслями, а собраться: у вас впереди серьезные испытания. С нами вы повели себя не так, как мы того заслужили, пойдя вам навстречу, — вы забыли, что, в отличие от вас, мы, кем бы вы нас ни считали, сейчас свободные люди, а это немалое преимущество. Несмотря на это, мы готовы, если у вас есть деньги, принести вам скромный завтрак вон из той кофейни.

Не отвечая на это предложение, К. постоял еще немного на месте. Что, если открыть дверь в соседнюю комнату или в прихожую: вдруг эти двое не осмелятся ему помешать? Возможно, самое простое решение — предельно обострить ситуацию. Но что, если его схватят и бросят на пол? Тогда конец благосклонному отношению, которое они все же в некотором смысле к нему выказывают. Так что К. предпочел безопасный вариант — довериться естественному ходу событий, и вернулся в свою комнату, не проронив ни слова; молчали и надзиратели.

У себя он рухнул на кровать и подхватил с ночного столика румяное яблоко, которое еще вчера вечером заготовил к завтраку. Теперь оно и представляло собой весь завтрак — во всяком случае,

более приятный, уверил он себя, откусив первый большой кусок, чем еда из грязной ночной забегаловки, которой он мог бы довольствоваться по милости надзирателей. К. ощутил приятную уверенность в себе; хоть он сегодня утром и не явился на службу в банк, его положение там было достаточно высоким, чтобы легко оправдаться. А и надо ли оправдываться? Он решил, что да. А если ему не поверят, что было бы неудивительно, он может привлечь в свидетели г-жу Грубах или даже стариков из дома напротив — скорее всего, они и сейчас бдят у окна.

К. не мог понять — по крайней мере когда ставил себя на место надзирателей, — почему они загнали его в комнату и оставили одного: ведь здесь у него уйма возможностей покончить с собой. Одновременно он задавался вопросом — опять-таки ставя себя на их место, — с чего бы ему так поступать. Не из-за того же, что эти двое устроились в соседней комнате и перехватили его завтрак. Убивать себя было так нелепо, что в силу этой совершенной нелепости он оказался бы к этому неспособен, даже появись у него такое желание. Если бы не очевидная умственная ограниченность надзирателей, можно было бы предположить, что и они руководствовались той

же логикой, когда решили, что оставлять его в одиночестве безопасно. Теперь они могли бы, если бы пожелали, наблюдать, как он подходит к настенному шкафчику, где хранилась добрая бутылочка шнапса, и опрокидывает сперва стаканчик вместо завтрака, а за ним и второй для храбрости — на тот случай, если она ему, против ожиданий, понадобится.

Тут К. вывел из равновесия окрик из соседней комнаты, такой резкий, что его зубы лязгнули о край рюмки.

— Вас вызывает старший, — услышал он.

К. напугала именно военная, рубленая резкость окрика, на которую до этого надзиратель Франц казался ему совершенно неспособным. Самому же приказу он был рад.

— Наконец-то! — крикнул он в ответ, запер настенный шкаф и поспешил в соседнюю комнату. Но надзиратели, словно ничего иного и не ожидали, снова загнали К. в его спальню.

— Это еще что? В ночной рубашке к старшему собрались? Да он вас выпороть прикажет — и нас вместе с вами!

— Да оставьте же меня, черт возьми! — крикнул К., которого уже прижали к самому платяному шкафу. — Хватаете прямо с постели, так не ждите,

что я буду в парадном костюме.

— Этим вы делу не поможете, — откликнулись надзиратели, которые всегда, когда К. кричал, принимали спокойный и даже немного грустный вид, чем смущали его и отчасти приводили в чувство.

— Смешно, этакие церемонии, — проворчал он, но все же подцепил со стула пиджак и подержал его немного на вытянутых руках, словно представляя его на суд надзирателей. Они покачали головами:

— Пиджак должен быть черный.

Тогда К. швырнул пиджак на пол и сказал, сам не вполне понимая, что имеет в виду:

— Это ведь не основное слушание дела.

Надзиратели улыбнулись, но продолжали стоять на своем:

— Пиджак должен быть черный.

— Если это ускорит дело, пусть будет так, — сказал К. и сам открыл гардероб.

К. долго рылся среди всяческого платья, выбрал свой лучший черный пиджак, сильно приталенный и оттого в свое время вызвавший чуть ли не фурор среди знакомых К., натянул другую рубашку и стал тщательно одеваться. Про себя он радовался, что все выходит быстро, потому

что надзиратели забыли заставить его принять ванну. Он поглядывал на них с опаской, — вдруг вспомнят? — но им и в голову не пришло; зато Виллем не забыл отправить Франца к начальнику с донесением, что К. одевается.

— Мне еще долго, — крикнул ему К. без всякой причины, хотя на самом деле он торопился как только мог.

Полностью одевшись, он — а по пятам за ним Франц — должен был пройти через нежилую соседнюю комнату, где уже были распахнуты обе створки двери, в следующую. Эту комнату, как было известно К., занимала с недавних пор г-жа Бюрстнер, незамужняя машинистка, уходившая на работу совсем рано, а возвращавшаяся поздно, так что он успел лишь пару раз ее поприветствовать. Теперь ночной столик был переставлен от ее кровати на середину комнаты и за ним, закинув ногу на ногу, а руку на спинку стула, сидел старший~~, человек совсем не пугающего вида.~~

~~Старший молча, испытующе смотрел на него. «Допрос, похоже, ограничивается взглядами, — подумал К. — Ну, пускай себе поглядит чуток. Знать бы, что за учреждение из-за меня — то есть по малозначительному для этого учреждения делу — поднимает такой переполох. Ведь~~

~~иначе как переполохом все это не назовешь. Целых три человека тратят на меня время, в двух чужих комнатах устроили беспорядок~~».

В углу три молодых человека разглядывали фотографии г-жи Бюрстнер, приколотые к настенному коврику. На ручке открытого окна висела белая блузка. В окне напротив снова появились старик и старуха, но теперь к ним присоединился мужчина — гораздо выше их ростом, в расстегнутой на груди рубахе. Он оглаживал и накручивал на палец острую бородку.

— Йозеф К.? — спросил старший, видимо, чтобы привлечь к себе рассеявшееся внимание К. Тот кивнул.

— Вы, наверное, сильно удивлены событиями сегодняшнего утра? — спросил старший, одновременно отталкивая от себя лежавшие на столике предметы — свечу, спички, книгу и подушечку с булавками, будто представлявшие собой необходимый антураж допроса.

— Безусловно, — сказал К., и его охватило приятное чувство, что наконец-то он оказался лицом к лицу с разумным человеком и может обсудить с ним свои обстоятельства. — Безусловно, удивлен, но не так чтобы сильно удивлен.

— Не сильно удивлены? — переспросил стар-

ший, поставил свечу на середину столика, а остальные предметы сгруппировал вокруг нее.

— Возможно, вы меня неверно понимаете, — поспешил исправиться К. — То есть… — тут он осекся, перевел взгляд на стоявший рядом стул и спросил: — Мне ведь можно сесть? — спросил он.

— Так не принято, — ответил старший.

— Ну то есть, — продолжал К., больше не отвлекаясь, — вообще-то удивлен я сильно, но когда тебе тридцать, а в жизни пришлось пробиваться самому — такая уж мне выпала доля, — становишься не слишком восприимчивым к сюрпризам и не очень-то из-за них беспокоишься, тем более из-за сегодняшнего. *Я от кого-то слышал — уже не помню, от кого, — что вообще-то очень странно, когда, проснувшись рано утром, ты находишь все непотревоженным, на тех же местах, что и вечером. Ведь когда спишь и видишь сны, находишься в совершенно ином состоянии, нежели когда бодрствуешь, и требуется, как совершенно верно сказал мне тот человек, определенное хладнокровие или, вернее, находчивость, чтобы все подхватить с того же места, где оставил вечером. Так что момент пробуждения самый рискованный, и только если ты его пережил и никуда со своего прежнего места не сдвинулся,*

~~можешь весь день чувствовать себя уверенно. К этому выводу человек, который мне это рассказал, — я как раз вспомнил, как его зовут, но это неважно...~~

— Что значит — тем более из-за сегодняшнего?

— Не могу сказать, что все это мне кажется розыгрышем, — для этого, по-моему, слишком уж серьезный поднят переполох. Ведь, похоже, все жители нашего пансиона принимают участие, да и вы все, для розыгрыша это уже чересчур. Стало быть, вряд ли это розыгрыш.

— Совершенно верно, — сказал старший и заглянул в коробок, чтобы выяснить, сколько в нем спичек.

— Но с другой стороны... — продолжал К., обращаясь ко всем присутствующим, чтобы и те трое возле фотографий к нему прислушались. — С другой стороны, это дело не может быть настолько уж важным. Такой вывод я делаю из того, что меня в чем-то обвиняют, а я не знаю за собой ни малейшей вины. Но и это не так существенно, главный вопрос — кто меня обвиняет? Какое учреждение ведет разбирательство? Вы должностные лица? Все вы не в форменной одежде, если не считать ваше платье, — тут он повернулся к Францу, — униформой, хотя это ведь просто

дорожный костюм. В этих вопросах я требую ясности, и я убежден, что, когда она наступит, мы с вами сможем с самыми добрыми чувствами распрощаться.

Старший стукнул спичечным коробком по столу.

— Вы пребываете в глубочайшем заблуждении, — сказал он. — Эти господа — и я сам — имеем к вашему делу лишь опосредованное отношение, да и не знаем о вас почти ничего. Мы могли бы явиться в форме установленного образца, но ваше положение от этого стало бы не лучше и не хуже. Я не имею никакой возможности сообщить вам, обвиняетесь ли вы в чем-то, и, более того, я этого не знаю. Возможно, надзиратели наболтали вам о чем-нибудь еще — но это не более чем болтовня. ~~*Вы же знаете — подчиненные всегда осведомлены лучше начальника*~~. И хотя на ваши вопросы ответить я не могу, зато могу посоветовать поменьше думать о нас и о том, что с вами будет дальше, и побольше — о своем поведении. И не шумите так о том, что не чувствуете себя виновным, это разрушает достаточно неплохое впечатление, которое вы в целом производите. Вам также стоило бы быть сдержаннее в словах — все, что вы до сих пор

сказали, и без того видно по вашему поведению, даже если бы вы ограничились всего парой слов, к тому же болтовня не пойдет вам на пользу.

К. смерил старшего взглядом. Возможно, тот даже моложе — и смеет его поучать, будто школьника? Распекать за открытость? Да к тому же умалчивать, за что и по чьему приказу он арестован? Разволновавшись, он прошелся взад-вперед по комнате, в чем никто ему не мешал, подтянул манжеты, набрал в грудь воздуха, пригладил волосы, подошел к трем господам в углу, произнес: «Экая бессмыслица!» — те обернулись к нему и посмотрели сочувственно, но серьезно — и, наконец, снова остановился перед столиком начальника.

— Я хотел бы позвонить моему другу, прокурору Хастереру.

— Конечно, — сказал старший, — только не знаю, какой в этом смысл, разве что вы хотите обсудить с ним какое-нибудь личное дело.

— Какой смысл? — воскликнул К., скорее ошарашенный, чем рассерженный. — Да кто вы вообще такой? Смысл вам подавай — а сами вы творите самую что ни на есть бессмыслицу! Хоть плачь! Сперва эти господа накинулись на меня, а теперь собрались тут и глазеют, как я скачу

перед вами, будто конь на манеже. Какой смысл звонить прокурору, когда я якобы арестован? Ладно, не буду звонить.

— Отчего же, — сказал старший, махнув в сторону передней, где был установлен телефон. — Пожалуйста, звоните, конечно.

— Нет, уже не хочется, — сказал К. и подошел к окну. Компания напротив была все еще на месте, и только появление К. непосредственно у окна, казалось, немного встревожило зрителей. Старики хотели было ретироваться, но стоявший между ними мужчина их успокоил.

— Смотрите, зеваки собрались, — громко сказал К. старшему, указывая на них пальцем. — Пошли вон! — крикнул он, чтобы напротив было слышно.

Троица сразу подалась на несколько шагов назад, причем старики укрылись за широкой спиной мужчины. Тот что-то сказал — видно было, как шевелятся его губы, — но что именно, К. не расслышал. Впрочем, совсем уходить они не спешили, а, казалось, поджидали момента, чтобы снова незаметно приблизиться к окну.

– Выясню, кто такие, и испорчу им забаву! Назойливые, бестактные людишки! — сказал К., отвернувшись от окна. Краем глаза он заметил —

или ему так показалось, — что старший согласно кивает. *«Покажи ему, кто ты такой, — сказал себе К. — Тогда он недолго сможет тебе перечить. В банке же ты умеешь вертеть людьми как захочешь — справишься и с этими господами».*

Впрочем, не менее вероятно было, что старший вовсе его не слушал: положив руку на столик, он, казалось, сравнивал длину пальцев. Два надзирателя сидели на сундуке, укрытом вышитым покрывалом, и потирали колени. А три молодых человека, подбоченившись, скучливо поглядывали по сторонам. Было тихо, как в какой-нибудь пыльной конторе *ближе к обеду*.

— Что ж, господа, — обратился к ним К., и на мгновение ему показалось, что все сейчас зависит от него. — Судя по вашему виду, разбирательство закончено. Не будем обсуждать оправданность или неоправданность ваших действий, а лучше пожмем друг другу руки и распрощаемся к общему удовольствию. Если и вы того же мнения, то прошу вас.

Он подошел к столику старшего и протянул ему руку. Старший поднял глаза, пожевал губами и посмотрел на вытянутую руку. К. еще казалось, что сейчас он ее пожмет. Старший, однако, встал, взял с кровати г-жи Бюрстнер шляпу-котелок и

аккуратно, словно примеряя новую, надел ее.

— Вот как у вас все просто, — сказал он К. — Значит, распрощаемся к всеобщему удовольствию? Нет-нет, так не пойдет. С другой стороны, не стоит и отчаиваться. С чего бы? Вы просто арестованы и ничего более. Я должен был вам об этом сообщить, что я и сделал — и увидел, как вы это восприняли. На сегодня достаточно, и мы можем попрощаться, но только на время. Вы ведь сейчас пойдете в банк?

— В банк? — переспросил К. — Я думал, я арестован.

Он сказал это несколько вызывающе — несмотря на несостоявшееся рукопожатие, с того момента, когда старший встал со стула, К. чувствовал себя все более и более независимо. Теперь он играл с этими людьми. Он намеревался, если они уйдут, проводить их до самой двери подъезда и предложить, чтобы они его арестовали. Поэтому он повторил:

— Так как же мне идти в банк, раз я арестован?

— А, вот вы о чем, — сказал старший, уже собиравшийся выйти из квартиры. — Вы меня не так поняли. Вы арестованы, это верно, но это не должно мешать вам выполнять ваши профессиональные обязанности. И вашему обычному

образу жизни препятствовать тоже не должно.

— Тогда быть арестованным не так уж плохо, — сказал К. и подошел к старшему ближе.

— А я вам и не говорил, что плохо, — ответил старший.

— В таком случае и сообщать мне об аресте было не так уж необходимо, — сказал К. и подошел еще ближе. Приблизились и остальные, так что все собрались в узком пространстве перед дверью.

— Это была моя обязанность, — сказал старший.

— Дурацкая обязанность, — не сдавался К.

— Возможно, — ответил старший, — но не будем тратить время на подобные разговоры. Насколько я понял, вы собираетесь в банк. Добавлю для ясности: я вас не заставляю идти в банк. Я лишь принял к сведению, что вы этого хотите. Чтобы облегчить вашу задачу и чтобы ваше прибытие в банк не слишком бросалось в глаза, я предоставил в ваше распоряжение этих трех господ, ваших коллег.

— Что?! — воскликнул К., обратив взгляд на троицу.

Эти странно анемичные для своего возраста молодые люди, в которых он до этого видел лишь чужаков, изучающих фотографии на стенах, и в

самом деле оказались служащими его банка. Не коллегами — это было слишком громко сказано и выдавало пробел в познаниях старшего, — но все-таки нижестоящими сотрудниками. Почему К. этого не заметил? Он, похоже, так сосредоточился на старшем и двух надзирателях, что даже не узнал этих троих. А ведь это Рабенштайнер с его деревянными жестами, Куллих, блондин с глубоко посаженными глазами, и Каминер с отвратительной ухмылкой из-за хронической судороги лицевых мышц.

— Доброе утро, — сказал, помолчав, К. и протянул вежливо поклонившимся господам руку. — И как я вас не узнал! Ну что ж, пойдемте на работу?

Трое заулыбались и закивали с таким рвением, будто только этих слов и ждали, а когда К. хватился шляпы, оставленной в комнате, кинулись за ней все втроем, что говорило о некотором смущении. К. остался стоять и смотрел им вслед сквозь открытые двери двух комнат. Последним был, разумеется, флегматичный Рабенштайнер, поспешавший элегантной рысцой. Каминер протянул К. шляпу, и тот вынужден был напомнить себе, как часто бывало в банке, что ухмыляется Каминер не нарочно и что он вообще неспособен

улыбнуться по собственной воле.

В передней г-жа Грубах, вовсе не выглядевшая виноватой, открыла всей компании входную дверь, и К., по обыкновению, обратил внимание на пояс ее фартука, слишком глубоко врезавшийся в ее мясистое тело.

Уже на улице взглянув на карманные часы, К. решил не увеличивать и без того уже получасовое опоздание и взять авто. Каминер побежал на угол, чтобы остановить машину, а остальные двое явно пытались развлечь К.: Куллих вдруг показал пальцем на дверь дома напротив, из которой появился мужчина с острой бородкой и, словно устыдившись в первое мгновение, что показался им во весь свой немалый рост, отступил на шаг и прислонился к стене. Старики, конечно, еще спускались. К. почувствовал досаду на Куллиха за то, что тот попытался привлечь его внимание к незнакомцу, которого он сам заметил раньше и даже заранее ожидал встретить.

— Не смотрите туда, — процедил он сквозь зубы, не замечая, насколько странно было обращаться таким образом к самостоятельным взрослым людям. Однако объяснять не пришлось, поскольку как раз подъехала машина; они уселись и поехали.

Только тогда К. вспомнил, что не заметил, как ушли надзиратели во главе со старшим: их заслонили три сотрудника банка. О хладнокровии это упущение не свидетельствовало, К. пообещал себе впредь проявлять больше самообладания, однако невольно обернулся и перегнулся через спинку заднего сиденья в надежде все-таки увидеть старшего и надзирателей. Впрочем, даже не попытавшись никого разглядеть, он тут же снова произнес: «О господи!» и уселся поудобнее в своем углу.

Именно сейчас он нуждался в ободряющих словах, хоть и не подавал вида. Попутчики, однако, выглядели усталыми. Рабенштайнер смотрел направо, Куллих налево, и только Каминер был к его услугам со своей всегдашней ухмылкой, подшучивать над которой, к сожалению, было жестоко.

* * *

Этой весной К. старался, когда позволяла работа — в банке он обычно засиживался до девяти вечера, — по вечерам выходить на прогулку, один или с кем-нибудь из знакомых, а затем заглядывать в пивную, где он и оставался до одиннадцати за столом для завсегдатаев, в обществе людей по

большей части пожилых. Из этой привычки случались, впрочем, исключения, например когда директор банка, весьма ценивший профессиональные качества и надежность К., приглашал его проехаться на авто или отужинать у него на вилле. Кроме того, раз в неделю К. посещал девушку по имени Эльза, которая всю ночь до десяти утра работала официанткой в винном баре, а днем принимала гостей исключительно в постели.

Впрочем, этим вечером — день пролетел незаметно в напряженной работе и многочисленных почтительных и дружеских поздравлениях с юбилеем — К. хотелось прямиком домой. В перерывах между работой ему только об этом и думалось: почему-то, не вполне осознавая почему, он чувствовал, что утренние события все взбаламутили в квартире г-жи Грубах и теперь именно он должен навести порядок. А как только порядок будет восстановлен, все следы происшествия сотрутся и жизнь вновь пойдет своим чередом. Трех банковских сотрудников точно нечего было опасаться: они растворились среди множества служащих банка и в их поведении не произошло видимых изменений. К. несколько раз вызывал их к себе в кабинет, всех сразу и

поодиночке, с единственной целью понаблюдать за ними, и всякий раз оставался доволен. ~~*Мысль, что таким образом он, может быть, облегчает им наблюдение за собственной персоной, которое, вероятно, им поручено, показалась ему такой дурацкой фантазией, что он закрыл лицо руками и несколько минут просидел, пытаясь прочистить голову. «Еще немного таких мыслей, — сказал он себе, — и я вовсе тронусь рассудком».*~~

В полдесятого вечера он наткнулся у входа в свой подъезд на молодого человека, который стоял в дверном проеме, широко расставив ноги, и курил трубку.

— Вы кто? — спросил К., заглядывая парню прямо в лицо: в полутьме коридора было ничего не разглядеть.

— Дворника сын, ваша милость, — ответил парень, вынул изо рта трубку и отодвинулся.

— Сын дворника, значит? — переспросил К., нетерпеливо постукивая по полу тростью.

— Не угодно ли чего вашей милости? Может, позвать отца?

— Нет, нет, — сказал К. таким тоном, будто парень сделал что-то дурное, но заслуживает прощения. — Все в порядке, — добавил он и прошел мимо, но, прежде чем подняться по лестнице,

еще раз обернулся.

Он мог бы пройти прямо в свою комнату, но хотел сперва поговорить с г-жой Грубах и, постучавшись к ней, застал ее за штопкой шерстяного чулка. На столе перед ней лежала еще куча старых чулок. К. смущенно извинился, что зашел так поздно, но г-жа Грубах была с ним очень приветлива, извинений же и слышать не хотела: ему, мол, всегда к ней можно, он ведь отлично знает, что он ее лучший и любимый жилец. К. огляделся и нашел комнату в прежнем виде. Посуда, стоявшая во время завтрака на столике у окна, была уже прибрана. Вот ведь женские руки, подумал он: сам-то он наверняка все перебил бы, пытаясь вынести. Он благодарно посмотрел на г-жу Грубах.

— Что же вы в такой поздний час еще трудитесь? — спросил он.

К. подсел к ней за стол и во время разговора время от времени лез рукой в гору чулок.

— Все дела, дела, — сказала она. — Днем-то я все время отдаю жильцам, а на свои дела только вечер и остается.

— Вот и я вам сегодня добавил работы.

— Вы о чем? — насторожилась она и опустила шитье на колени.

— О тех людях, что приходили сегодня утром.

— А, вот в чем дело, — сказала она, успокаиваясь. — Это мне никаких особых хлопот не доставило.

И она снова принялась за чулок. К. молча наблюдал за ней. «Кажется, удивлена, что я об этом заговорил, — подумал он. — Ей это, похоже, кажется неуместным. Тем важнее этот разговор. Ведь ни с кем, кроме пожилой дамы, такое не обсудишь».

— Ну конечно же, доставило, — наконец заговорил он. — Но это больше не повторится.

— Да, такое больше повториться не может, — подтвердила она и улыбнулась чуть задумчиво.

— Вы правда так думаете? — спросил К.

— Да, — сказала она тихо, — но главное, не принимайте все так близко к сердцу. Чего только не делается на свете! Раз уж у нас такой доверительный разговор, г-н К., признаюсь, что немного послушала за дверью, да и надзиратели мне кое-что рассказали. Тут уж как вам повезет, и я о вас очень беспокоюсь, может быть даже сильнее, чем следует, я ведь всего лишь квартирная хозяйка. Так вот, кое-что я услышала, но ничего, пожалуй, особенно ужасного. Вы хоть и арестованы, но не как вор какой-нибудь. Вот когда арестовывают

как вора — это ужас. А ваш арест — это, выходит, как-то по-ученому. Простите, если я глупость говорю, но так уж мне видится — по-ученому, мне и не понять, да и понимать-то, пожалуй, ни к чему.

— Никакой глупости вы не сказали, г-жа Грубах, и я отчасти того же мнения, только сужу обо всем этом резче, чем вы, — на мой взгляд, это не по-ученому, а вообще ни по-какому. Меня просто застали врасплох, вот и все. Если бы я, проснувшись, не отвлекся на отсутствие Анны, а встал бы и, не обращая внимания на того, кто стоял у меня на дороге, направился прямо к вам, если бы я в порядке исключения позавтракал на кухне и попросил бы вас принести мне из спальни одежду, — словом, если бы я повел себя разумно, то больше ничего бы не случилось и все происшествие было бы пресечено на корню. Но к такому никто не готовится. В банке, к примеру, я ко всему готов, там бы со мной ничего подобного случиться не могло, у меня там есть помощник, на столе передо мной и городской телефон, и внутренний, в кабинет все время заходят люди — контрагенты и сотрудники. Но кроме того, и это главное, там я на работе и потому сохраняю хладнокровие, так что там мне даже приятно бы-

ло бы столкнуться с чем-то подобным. Теперь все позади, и я вообще-то не хотел больше ничего об этом говорить, мне просто хотелось узнать ваше мнение — мнение разумной дамы, вот что я хотел услышать, и очень рад, что наши мысли сходятся. Дайте же мне вашу руку — такое согласие надо скрепить рукопожатием.

«Пожмет ли она мне руку? Старший-то не пожал», — подумал он, глядя на собеседницу иначе, чем раньше, — испытующе.

Она встала со стула, потому что и он встал. Ей было неуютно: не все, что сказал К., было доступно ее разумению. Из-за этого неуютного ощущения у нее вырвались слова, которых она говорить не хотела, совершенно к тому же неуместные:

— Не принимайте все так близко к сердцу, г-н К., — сказала она, прослезившись и, естественно, вовсе забыв о рукопожатии.

— Я и не думал, что принимаю, — сказал К., вдруг чувствуя сильную усталость и понимая, что одобрение этой женщины не имеет для него никакой ценности.

Уже уходя, он спросил напоследок, дома ли г-жа Бюрстнер.

— Нет, — сказала г-жа Грубах и улыбнулась, скрасив таким запоздалым участием свой сухой

ответ. — Она в театре. Вы хотели о чем-то у нее спросить? Что ей передать?

— Ах, нет, я только хотел перемолвиться с ней парой слов.

— Я, к сожалению, не знаю, когда она придет. Из театра она обычно возвращается поздно.

— Это все равно, — сказал К., понуро поворачиваясь к двери, чтобы идти. — Я только хотел перед ней извиниться за то, что сегодня воспользовался ее комнатой.

— В этом нет необходимости, вы слишком предупредительны — она и не знает ничего, потому что с утра не была дома, а в комнате все уже привели в порядок, сами посмотрите.

И она отворила дверь в комнату г-жи Бюрстнер.

— Спасибо, я вам верю, — сказал К., но все же подошел к открытой двери. Только луна слабо освещала комнату. Насколько он смог различить, все было на своих местах, а блузка больше не висела на оконной ручке. В глаза бросались разве что подушки на кровати — на них падал лунный свет.

— Эта девушка часто приходит домой поздно, — сказал К. и посмотрел на г-жу Грубах так, будто она за это отвечала.

— Дело молодое, — сказала г-жа Грубах извиняющимся тоном.

— Конечно, конечно, — сказал К. — Но ведь так можно и слишком далеко зайти.

— Это точно, — сказала г-жа Грубах. — ~~*К сожалению, я много такого повидала.*~~ Как вы правы, г-н К.! Может быть, даже в этом случае. Не хочу клеветать на г-жу Бюрстнер, она милая, хорошая девушка, вежливая, аккуратная, пунктуальная, работящая, я все это очень ценю, вот только надо бы ей держаться построже, поскромнее. Я ее в этом месяце уже два раза видела на улице ~~*под ручку*~~ с двумя разными господами. Стыдно говорить — вот как на духу, рассказываю только вам, г-н К., — но, тут уж некуда деваться, придется поговорить и с ней самой. И это не единственное, что мне кажется в ней подозрительным.

— К чему вы все это говорите? — К. так рассердился, что с трудом скрывал досаду. — И, кстати, вы неверно истолковали мое замечание по поводу этой девушки, я имел в виду совсем не то. Я искренне прошу вас воздержаться от любых бесед с ней, вы заблуждаетесь, я хорошо ее знаю, а все, что вы сказали, неправда. Хотя, возможно, я слишком много на себя беру — не хочу вам мешать, можете говорить ей что хотите. Доброй

ночи.

— Господин К., — просительно начала г-жа Грубах, поспешив проводить К. до самой его двери, которую он уже открыл. — Я и не собираюсь пока разговаривать с этой молодой дамой, конечно же, я понаблюдаю за ней еще — я одному вам доверила то, что знаю. В конце концов, это в интересах всех жильцов, чтобы в пансионе соблюдались приличия, я только ради этого и стараюсь.

— Приличия! — воскликнул К., почти закрыв за собой дверь. — Если хотите блюсти приличия в пансионе, сперва выселите меня!

Он захлопнул дверь. Г-жа Грубах еще тихонько стучалась к нему, но он не обращал внимания. Спать, однако, совершенно не хотелось, и он решил проследить, в котором часу вернется домой г-жа Бюрстнер. Может быть, тогда удастся, как бы это ни было неуместно, перекинуться с ней парой слов. Облокотившись о подоконник и потирая усталые глаза, он даже задумался было, не наказать ли г-жу Грубах, убедив г-жу Бюрстнер съехать с квартиры одновременно с ним. Но тут же это показалось ему ужасным перебором, и он даже заподозрил себя в том, что подсознательно хочет сменить квартиру из-за утренних событий. А ведь это было бы не только на редкость

нелепо и бессмысленно, но и достойно презрения. *«Впрочем, презрения я не боюсь», — про себя заключил К.*

Перед домом размеренным, четким шагом часового расхаживал взад-вперед солдат. К. был вынужден далеко высунуться из окна, чтобы его увидеть: солдат ходил прямо у стены дома.

— Здравствуйте! — крикнул ему К., но недостаточно громко, чтобы тот расслышал. Скоро, впрочем, стало ясно, что солдат дожидался служанку, которая ходила в заведение напротив за пивом и теперь появилась в ярко освещенном дверном проеме. К. прислушался к себе: не показалось ли ему на миг, что часовой приставлен к нему? — и не смог ответить на этот вопрос.

Устав глядеть в окно на пустую улицу, он лег на кушетку, предварительно чуть приоткрыв дверь в переднюю, чтобы и лежа увидеть, когда кто-то войдет в квартиру. Примерно до одиннадцати он пролежал на кушетке, мирно покуривая сигару. Потом не выдержал и вышел ненадолго в переднюю, как будто мог таким образом ускорить появление г-жи Бюрстнер.

У К. не было никакой особой надобности ее видеть, он даже не помнил толком, как она выглядит, но сейчас он хотел с ней поговорить

и его раздражало, что она своим поздним возвращением вносит даже в концовку этого дня беспокойство и беспорядок. Это она была виновата в том, что он сегодня не поужинал и пропустил запланированный визит к Эльзе. Впрочем, и то и другое упущение он мог наверстать, зайдя в винный бар, где Эльза работала. Так он и собрался сделать, но позже, после разговора с г-жой Бюрстнер.

Минула уже половина двенадцатого, когда на лестнице послышались шаги. К., погруженный в размышления, еще расхаживал по прихожей, как по собственной комнате, но тут же ретировался к себе. В квартиру вошла г-жа Бюрстнер. Запирая за собой дверь, она зябко кутала худые плечи в шелковой шали. В следующее мгновение она должна была исчезнуть в комнате, куда К., естественно, не полагалось заходить в полуночный час; значит, заговорить с ней следовало немедленно. Однако, к несчастью, К. забыл включить в своей комнате электрический свет и его появление из темноты смахивало бы на нападение и уж точно могло бы ее напугать. Оказавшись в безвыходном положении и не желая упустить момент, он шепотом позвал сквозь приоткрытую дверь:

— Г-жа Бюрстнер!

Это прозвучало как просьба, а не как оклик.

— Кто здесь? — спросила г-жа Бюрстнер и огляделась, широко открыв глаза.

— Это я, — сказал К. и выступил вперед.

— А, г-н К.! — с улыбкой сказала г-жа Бюрстнер и протянула ему руку. — Добрый вечер!

— У меня к вам небольшой разговор, вы позволите?

— Сейчас? — спросила г-жа Бюрстнер. — В такой час? Это довольно необычно, правда?

— Я с девяти часов вас дожидаюсь.

— Но ведь я была в театре и знать об этом не знала. *~~Если вы хотели что-то со мной обсудить — хотя не могу себе представить, что бы это могло быть, — у вас часто бывали для этого и более удобные случаи.~~*

~~— Повод для разговора возник только сегодня.~~

— В сущности, я ничего против не имею, только вот падаю с ног от усталости. Что ж, зайдите на минуту-другую в мою комнату. Здесь в любом случае разговаривать нельзя, мы всех перебудим, и тогда мне будет очень неудобно — не из-за них, а из-за нас. Подождите, пока я не включу свет у себя, и тогда выключите здесь.

К. сделал, как она велела, и даже больше — дождался, пока она тихонько позовет его еще раз,

уже из своей комнаты.

— Садитесь, — сказала она и указала на кушетку, а сама, хоть только что и жаловалась на усталость, осталась на ногах у изголовья кровати и даже не сняла маленькую, но обильно украшенную цветами шляпку. — Так о чем вы хотели говорить? Сгораю от любопытства.

Она скрестила ноги.

— Вы, возможно, подумаете, что дело не такое срочное, чтобы обсуждать его прямо сейчас, но…

— Предисловия я всегда пропускаю, — сказала г-жа Бюрстнер.

— Это облегчает мне задачу. Сегодня утром в вашей комнате, в некотором смысле по моей вине, немного похозяйничали посторонние люди — против моей воли, но, как я уже сказал, по моей вине. Я бы хотел за это извиниться.

— В моей комнате? — спросила г-жа Бюрстнер и вместо того, чтобы оглядеть комнату, вопросительно посмотрела на К.

— Именно так, — сказал К., и они впервые посмотрели друг другу в глаза. — А как это случилось, не заслуживает описания.

— Отчего же, это как раз интересно, — сказала г-жа Бюрстнер.

— Нет, — сказал К.

— Что ж, выпытывать чужие тайны я не собираюсь, — сказала г-жа Бюрстнер. — Раз вы настаиваете, что это неинтересно, не стану возражать. А ваши извинения охотно принимаю, тем более что не нахожу никаких следов постороннего присутствия. — Она обошла комнату по кругу, чуть наклонившись, чтобы внимательно все рассмотреть, и остановилась у коврика с фотографиями. — Глядите-ка, мои фотографии и правда все перепутаны. Как это гадко. Значит, кто-то побывал в моей комнате без разрешения.

К. кивнул, проклиная про себя служащего Каминера, вечно неспособного совладать со своей дурацкой, бессмысленной жестикуляцией.

— Как странно: я вынуждена запрещать вам то, что вы сами должны были бы себе запретить, — а именно входить ко мне в комнату в мое отсутствие.

— Я же вам объяснил, — сказал К. и тоже подошел к коврику, — что это не я потревожил ваши фотографии. Но раз вы мне не верите, придется мне признаться, что следственная комиссия привела с собой трех служащих моего банка, которых я при первой возможности выгоню со службы: вероятно, это они трогали снимки. Да, здесь была следственная комиссия, — добавил К. в ответ на

вопросительный взгляд девушки.

— Из-за вас? — спросила она.

— Да, — ответил К.

— Не может быть! — воскликнула девушка и улыбнулась.

— И тем не менее, — сказал К. — Так вы считаете, что я ни в чем не виноват?

— Ну, не то чтобы прямо ни в чем… — сказала девушка. — Я бы не хотела делать выводов, возможно чреватых последствиями, к тому же откуда мне знать, но ведь нужно быть прямо-таки серьезным преступником, чтобы по вашу душу прислали целую следственную комиссию. Впрочем, вы ведь на свободе — по вашему спокойному поведению я вижу, что вы не сбежали из тюрьмы, — так что, выходит, вы не могли совершить ничего такого уж преступного.

— Да, — сказал К., — но ведь следователи могли обнаружить, что я невиновен или не так виновен, как они думали.

— Конечно, могли, — сказала г-жа Бюрстнер самым любезным тоном.

— Вот видите, — сказал К. — У вас мало опыта в делах судебных.

— И правда, совсем мало, — сказала г-жа Бюрстнер, — но я всегда об этом жалела, потому что мне

хотелось бы во всем разбираться, и вот именно дела судебные особенно меня интересуют. Есть в судах какая-то притягательная сила, вы не находите? Но скоро мои познания в этой области сильно расширятся — в следующем месяце я перехожу на службу секретарем в адвокатское бюро.

— Это очень хорошо, — сказал К. — Вы тогда сможете помогать мне на процессе.

— Может быть, — сказала г-жа Бюрстнер. — Почему бы и нет? Я всегда рада найти применение своим знаниям.

— Я, кстати, серьезно, — сказал К. — Ну, или полусерьезно, как и вы. Чтобы привлекать адвоката, дело слишком мелкое, но советчик мне может понадобиться.

— Да, но если уж я в роли советчика, мне нужно знать, в чем суть дела, — сказала г-жа Бюрстнер.

— В том-то и загвоздка, — сказал К. — Я и сам этого не знаю.

— Все-таки вы меня разыгрываете, — сказала заметно разочарованная г-жа Бюрстнер. — Да еще почему-то в такой неурочный час. — И она отошла от стены с фотографиями, где она довольно долго простояла вместе с К.

— Конечно же, нет, сударыня! — сказал К. — Я не разыгрываю, просто вы никак не хотите мне

поверить. Все, что я знаю, я вам уже рассказал. Может быть, даже больше, чем знаю, и это была никакая не следственная комиссия. Я так ее называю лишь потому, что не могу придумать никакого другого названия. Расследования-то никакого не было, меня просто арестовали — вот за мной и пришла какая-то комиссия.

Г-жа Бюрстнер села на кушетку и снова улыбнулась:

— Какой вы несносный, никак не пойму, серьезно вы говорите или шутите.

— Вы в чем-то правы, — сказал К., которому приятно было болтать с хорошенькой девушкой. — Вы в чем-то правы, я человек не слишком серьезный и что к серьезным делам, что к развлечениям стараюсь относиться легко. Но арестовали меня всерьез.

— И как же это было? — спросила она.

— Ужасно, — сказал К. Однако сейчас он вовсе не об этом думал, а был увлечен разглядыванием г-жи Бюрстнер, которая, облокотившись на подушку кушетки, подперла голову одной рукой, а другой слегка поглаживала бедро.

— Это слишком туманно, — сказала г-жа Бюрстнер.

— Что туманно? — не понял К. Потом вспомнил

и спросил:

— Показать вам, как это было? — ему хотелось двигаться и не хотелось уходить.

— Я так устала, — сказала г-жа Бюрстнер.

— Вы поздно пришли, — сказал К.

— Ну вот, все кончается упреками. Не стоило мне вас пускать — к тому же, как выяснилось, в этом не было никакой необходимости.

— Очень даже была, сейчас увидите, — сказал К. — Можно я отодвину ночной столик от кровати?

— Что это вы задумали? — сказала г-жа Бюрстнер. — Конечно, нельзя!

— Тогда я не смогу вам показать, — возбужденно сказал К., будто ее отказ мог нанести ему непоправимый вред.

— Ну, раз дошло дело до представления, то двигайте, только тихо, — сказала г-жа Бюрстнер и добавила ослабевшим голосом:

— Я так устала, что позволяю вам больше, чем следует.

К. переставил столик на середину комнаты и уселся за него.

— Вы должны точно представить себе, как они все расположились, это очень интересно. Я — старший, вон там, на сундуке, сидят два над-

зирателя, возле фотографий стоят три молодых человека. На оконной ручке висит — упоминаю об этом лишь вскользь — белая блузка. *Показали бы мне, как она на вас сидит.* Вот, а теперь начинается. Да, я забыл, самый-то важный персонаж, то есть я, — так вот, я стою перед столиком. Старший расселся с комфортом, нога на ногу, рука перекинута через спинку стула вот так — этакая деревенщина. Ну, вот теперь и вправду начинается. Старший выкрикивает, словно ему нужно меня разбудить, — прямо-таки орет; к сожалению, и я вынужден перейти на крик, чтобы вы себе представили, — выкрикивает всего лишь мое имя.

Г-жа Бюрстнер, внимавшая ему с улыбкой, приложила палец к губам, чтобы удержать его от крика, но опоздала — К. уже слишком вошел в роль.

— Йозеф К.! — крикнул он протяжно и тише, чем грозился, однако внезапный возглас все же разнесся по всей комнате.

В дверь настойчиво, громко и коротко постучали. Г-жа Бюрстнер побледнела и схватилась за сердце. К. всполошился еще сильнее — ведь он уже несколько минут был не способен думать ни о чем, кроме утренних событий и девушки, перед

которой он их разыгрывал. Едва придя в себя, он подскочил к г-же Бюрстнер и взял ее за руку.

— Не бойтесь, — прошептал он, — я все улажу. Но кто же это может быть? Ведь за стеной только гостиная, в которой никто не спит.

— Вообще-то спит, — прошептала г-жа Бюрстнер. — Со вчерашнего дня там живет племянник г-жи Грубах, армейский капитан. Другой свободной комнаты не нашлось. Я совсем забыла, а вы еще так раскричались! Какая я невезучая.

— Для этого вовсе нет причин, — сказал К. и поцеловал ее в лоб, когда она снова опустилась на подушку.

— Сейчас же прочь, — сказала она, выпрямляясь. — Уходите, уходите же, он слушает у двери и все слышит. Зачем вы меня мучаете!

— Я уйду не раньше, — сказал К., — чем вы немного успокоитесь. Пойдемте в другой угол комнаты, там он нас не услышит.

И она позволила отвести себя в угол.

— Ну подумайте, — сказал он. — Речь идет лишь о неловкости, а не об опасности. Вы же знаете, как меня уважает г-жа Грубах, а ведь решение в этом деле за ней, тем более что капитан ее племянник. Она верит всему, что я ей говорю. К тому же она мне обязана, потому что взяла у

меня взаймы крупную сумму денег. Если она потребует объяснений, почему мы оказались вместе в комнате, я все возьму на себя — и могу обещать, что г-жа Грубах не только сделает вид, что поверила, но и на самом деле поверит моим объяснениям. Вам ни в коем случае не следует меня щадить. Если вы решите всем рассказать, что я к вам приставал, г-же Грубах так и будет доложено, и она в этом не усомнится, но все равно не потеряет доверия ко мне. Вот как она ко мне относится.

Г-жа Бюрстнер сидела неподвижно и понуро смотрела под ноги.

— Да и почему бы г-же Грубах не поверить, что я к вам приставал, — добавил он, видя перед собой лишь ее расчесанные на пробор, гладкие рыжеватые волосы. К. думал, она поднимет на него глаза, но она сказала, не меняя позы:

— Простите, меня напугал внезапный стук, а не последствия, к которым может привести присутствие капитана. После вашего крика стало так тихо, и вдруг этот стук, вот я и перепугалась. Я же сидела возле двери, и стучали совсем рядом. За ваши предложения спасибо, но я их не приму. Я способна нести ответственность перед кем угодно за все, что происходит в моей комнате.

Странно, что вы не замечаете, как оскорбительны для меня ваши предложения, несмотря на ваши добрые намерения, которые для меня, конечно, очевидны. Но теперь уходите, оставьте меня одну, мне это сейчас еще нужнее, чем раньше. Минуты, о которых вы просили, вылились в полчаса, как не больше.

К. сжал ее ладонь, потом запястье.

— Но вы ведь не сердитесь? — сказал он.

Она стряхнула его руку.

— Нет, нет, я ни на кого никогда не сержусь.

Он снова схватил ее за запястье. На этот раз она не вырывалась — и так проводила его до двери. Он твердо намеревался уйти, но уже на пороге остановился как вкопанный, словно не ожидал увидеть перед собой дверь. Г-жа Бюрстнер воспользовалась этим мгновением, чтобы освободиться и выскользнуть в переднюю. Уже оттуда она тихо сказала К.:

— Ну же, пожалуйста. — И она указала на дверь капитана, из-под которой виднелась полоска света. — Видите, он включил свет и подслушивает за нами.

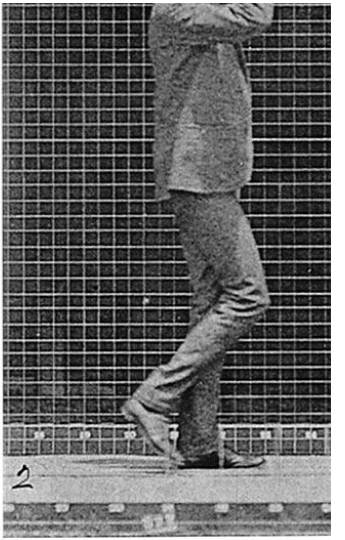
— Уже иду, — сказал К., выскочил, схватил ее, поцеловал в губы, осыпал поцелуями все лицо, как мучимый жаждой зверь лакает воду из

найденного наконец источника. Добравшись до горла, надолго приник к нему. Шорох из комнаты капитана заставил его поднять глаза.

— Теперь ухожу, — сказал он и хотел назвать г-жу Бюрстнер по имени, но не знал его. Она устало кивнула, протянула ему, уже наполовину отвернувшись, руку для поцелуя, словно ничего не произошло, и шмыгнула в комнату.

Вскоре К. уже лежал в постели. Прежде чем заснуть, он обдумал свое поведение и остался им доволен, однако почувствовал, что для полноты этого ощущения чего-то не хватает. Он всерьез беспокоился о г-же Бюрстнер из-за капитана.

Первое заседание


2

К. уведомили по телефону, что в следующее воскресенье состоится небольшое заседание по его делу. При этом ему сообщили, что такие заседания теперь будут происходить регулярно, хотя, вероятно, и не чаще чем раз в неделю. С одной стороны, в общих интересах завершить процесс как можно скорее, с другой — разбирательство должно быть во всех отношениях тщательным, а поскольку это потребует нервного напряжения, заседания не должны затягиваться. Потому-то и выбрана в качестве компромисса схема с частыми, но короткими заседаниями. Цель назначения воскресенья днем заседаний — беспрепятственное выполнение К. служебных обязанностей. Предполагается, что К. не будет возражать; если же он пожелает назначить другое время, ему пойдут навстречу, насколько возможно. Например, заседания могут также проводиться по ночам, но тогда К. не будет чувствовать себя достаточно свежим. Так что пусть будут воскресенья, если К. не против. Явка, само собой, обязательна, об этом даже не стоит лишний раз напоминать. Ему назвали адрес, куда он должен явиться, — на дальней окраине города, где он раньше никогда не бывал.

К. дослушал и повесил трубку, ничего не от-

ветив. Он еще стоял в задумчивости у аппарата, как вдруг услышал за спиной голос заместителя директора: тот собирался позвонить, но не мог, потому что К. загораживал ему дорогу.

— Плохие новости? — спросил заместитель директора вскользь, не ради ответа по существу, а для того лишь, чтобы К. отошел от аппарата.

— Нет-нет, — сказал К. и сделал шаг в сторону, но не ушел совсем.

Заместитель директора поднял трубку и, пока ждал соединения, заговорил, прикрывая ее рукой:

— Г-н К., позвольте вопрос. Не порадуете ли вы меня своим обществом в воскресенье? У меня на яхте будет большая компания, в том числе, конечно, и многие ваши знакомые. Прокурор Хастерер тоже будет. Не желаете ли присоединиться? Приходите непременно!

К. попытался сосредоточиться на том, что говорил замдиректора. Это приглашение было для него довольно важно: в устах замдиректора, с которым он не особенно ладил, оно звучало как попытка примирения и свидетельствовало о настолько возросшей роли К., что для второго человека в иерархии банка стала важна его дружба или хотя бы его неприсоединение к стану

врагов. Ради этого замдиректора пожертвовал самолюбием — пусть он и пригласил К. будто бы мимоходом, прикрывая трубку в ожидании телефонного соединения. К. был вынужден добавить к этому новое унижение:

— Благодарю вас, — сказал он, — но, к сожалению, в воскресенье у меня нет времени, я должен быть в другом месте.

— Жаль, — сказал замдиректора и сосредоточился на телефонном разговоре, который в эту минуту как раз начался. Разговор был не из коротких, однако К. в расстроенных чувствах все это время так и оставался возле телефона. Лишь когда замдиректора положил трубку, он встрепенулся и сказал, как бы оправдываясь за то, что все еще стоит здесь без дела:

— Мне только что позвонили сообщить, что я должен кое-куда явиться, но забыли сказать, в котором часу.

— Ну так уточните, — сказал замдиректора.

— Это не очень важно, — сказал К., отчего его оправдание, и без того неуклюжее, вовсе рассыпалось.

Уходя, замдиректора заговорил о чем-то другом, К. пытался отвечать, но думал в основном о том, что в воскресенье лучше явиться в девять утра,

потому что в рабочие дни все суды открываются именно в это время.

Воскресенье выдалось пасмурным, К. не чувствовал себя отдохнувшим, потому что накануне засиделся допоздна в пивной на пирушке завсегдатаев и чуть не проспал. Второпях, не успев собрать воедино планы, что строил на неделе, и не позавтракав, он оделся и побежал по назначенному адресу в предместье.

Хотя у него не было времени смотреть по сторонам, он, как ни странно, заметил трех служащих, вовлеченных в его дело, — Рабенштайнера, Куллиха и Каминера. Первые двое ехали в трамвае вдоль улицы, а Каминер сидел на террасе кафе; когда К. проходил мимо, он с любопытством перегнулся через перила. Все трое удивленно смотрели ему вслед: вон как припустил начальник.

К. из чувства противоречия не хотел пользоваться транспортом: ему противно было принимать какую-либо помощь в этом деле, он не желал, чтобы чужие люди оказались в него посвящены, пусть самым отдаленным образом, — и, в конце концов, он не имел ни малейшего намерения принижать себя в глазах следователей излишней пунктуальностью. Однако он бежал,

стараясь по возможности успеть к девяти, хотя ему даже не было назначено определенное время.

Он думал, что узнает дом издалека — или по каким-то признакам, которые не очень четко себе представлял, или по особой суете у входа. Но все строения по обе стороны Юлиусштрассе, в начале которой он на секунду остановился, были совершенно одинаковые — доходные дома для бедных, высокие и серые. Сейчас, воскресным утром, во многих окнах видны были жильцы — одетые по-домашнему мужчины курили, высунувшись наружу, или с нежной осторожностью придерживали на подоконниках маленьких детей. В других окнах виднелись высокие стопки белья, над которыми иногда мелькали макушки растрепанных женщин. Люди перекрикивались через улицу, и после одного такого выкрика прямо над головой у К. громко рассмеялись. По всей длине улицы то и дело попадались магазинчики в полуподвалах, где торговали всякой снедью. В них то и дело заходили женщины, иногда останавливаясь поболтать на ступеньках, ведущих в лавки. Торговец овощами, предлагавший свой товар под окнами, чуть не переехал его своей тележкой, зазевавшись, как и сам К. Ударил по

ушам звук граммофона, явно уже отыгравшего свое в кварталах побогаче.

К. пошел дальше по улице, медленно, будто у него было еще вдосталь времени или, к примеру, он увидел в каком-то из окон следственного судью и знал, что уже добрался до цели. Было девять с небольшим. До нужного дома оказалось довольно далеко, он был необычно длинным, с особенно широкими и высокими воротами во внутренний двор. Они явно предназначались для фургонов, привозивших товар в закрытые сейчас магазины по периметру обширного двора, — К. узнал вывески нескольких фирм, с которыми он имел дело по работе в банке.

Против обыкновения отмечая для себя все эти детали, К. немного постоял у входа во двор. Неподалеку сидел на ящике босой мужчина и читал газету. Двое мальчишек раскачивались на ручной тележке, как на качелях. У колонки с водой худосочная девочка в ночной рубашке поглядывала на К., пока наполнялся ее кувшин. В углу двора между двумя окнами натягивали веревку с вывешенным для просушки бельем. Стоявший внизу мужчина окриками руководил работой.

К. повернулся было к подъезду, чтобы идти в зал заседаний, но так и не тронулся с места, пото-

му что заметил во дворе еще три входа в здание и вдобавок к ним узкий проход, который, похоже, вел в следующий двор. Он рассердился, что ему ничего не сказали заранее о расположении зала; с ним обращались как-то особенно равнодушно и спустя рукава, и он вознамерился заявить об этом во весь голос и без обиняков. Наконец он зашел все-таки в первый подъезд и поднялся по лестнице, вспоминая фразу надзирателя Виллема, что, мол, вина притягивает к себе внимание суда: ведь из этого должно следовать, что и его случайным образом тянет именно на ту лестницу, которая ведет к залу заседаний.

Поднимаясь, он потревожил кучку детей, игравших на лестнице. Те провожали его злобными взглядами. «Когда снова пойду мимо, — подумал он, — нужно захватить или конфеты, чтобы их задобрить, или палку, чтобы отбиваться». Даже не дойдя до второго этажа, он вынужден был дожидаться, пока шарик скатится вниз: двое мальчишек с плутоватыми физиономиями взрослых жуликов схватили его за штанины. Стряхнешь их — сделаешь больно; К. испугался, что они поднимут вой.

На втором этаже начались собственно поиски. Поскольку он не мог прямо спросить, где заседает

следственная комиссия, он выдумал столяра по фамилии Ланц — как у капитана, племянника г-жи Грубах, — и собрался спрашивать во всех квартирах, не здесь ли живет столяр Ланц, чтобы получить предлог заглядывать в комнаты. Оказалось, однако, что это по большей части и так нетрудно, потому что почти все двери были открыты настежь из-за детской беготни. Как правило, за ними были комнатушки с единственным окном, и в них же готовилась какая-то еда. Некоторые женщины одной рукой держали младенца, а другой орудовали у плиты. Малолетние девочки, одетые, казалось, в одни передники, резво сновали туда-сюда. Во всех комнатах были заняты кровати — или больными, или все еще спящими, или просто прилегшими отдохнуть, не раздеваясь.

В закрытые двери К. стучался и спрашивал, не здесь ли живет столяр Ланц. Обычно дверь открывала женщина и, услышав вопрос, поворачивалась к кому-то, приподнявшемуся в кровати.

— Этот господин спрашивает, не живет ли здесь какой-то столяр Ланц.

— Столяр Ланц? — спрашивали с кровати.

— Да, — говорил К.

Хотя, конечно, он уже понимал, что следственная комиссия явно не здесь и ему больше ничего было не нужно. У многих создавалось впечатление, что К. очень важно найти столяра Ланца, и они надолго задумывались, прежде чем вспомнить столяра по фамилии не Ланц, сообщить, что знают кого-то с отдаленно похожей фамилией, спросить у соседей, проводить К. в другой конец коридора, где, по их мнению, мог снимать комнату тот, кто ему нужен, или где могли знать больше, чем они сами. В итоге К. уже не приходилось ни о чем спрашивать — так его и водили по этажам. Он уже жалел, что придумал эту уловку, поначалу показавшуюся ему такой остроумной.

По дороге на шестой этаж он решил прекратить поиски, попрощался с приветливым молодым рабочим, который хотел вести его дальше, и стал спускаться. Но тут его снова взяла досада из-за напрасно потраченного времени, он повернул назад и постучался в первую же дверь на пятом этаже. Первым, что он увидел в комнатушке, были большие настенные часы, показывавшие уже десять.

— Здесь живет столяр Ланц? — спросил он.

— Прошу вас, — сказала молодая женщина с яркими черными глазами, стиравшая в бадье

детскую одежду, и указала мокрой рукой на открытую дверь соседней комнаты.

К. показалось, что он попал на какое-то собрание. Разношерстная толпа, в которой никто не интересовался вновь пришедшими, наполняла среднего размера комнату с двумя окнами. Под самым потолком ее обрамляла столь же плотно набитая людьми галерея, где можно было стоять, лишь согнувшись и упираясь головой и спиной в потолок. К. стало душно, он попятился и сказал черноглазой женщине, которая, вероятно, неправильно его поняла:

— Я спрашивал столяра по фамилии Ланц…

— Да-да, — сказала женщина. — Проходите, пожалуйста.

Он бы, вероятно, не послушался, но она подошла к нему и, взявшись за ручку двери, сказала:

— Мне надо за вами запереть, туда больше никому нельзя.

— Весьма разумно, — сказал К. — Там и так уже слишком тесно.

И все же он снова вошел в комнату. Между двумя мужчинами, беседовавшими у самой двери — один обеими руками жестикулировал, будто требуя заплатить, второй неприязненно смотрел на него в упор, — протиснулась чья-то маленькая

ладонь. Румяный мальчуган позвал К.:

— Идемте, идемте!

К. пошел за ним; оказалось, что сквозь людскую массу проложена узкая дорожка — вероятно, разделяющая две группировки. К. заметил, что в первых рядах с обеих сторон не обращено к нему ни одно лицо: он видел лишь спины людей, чьи речи и жесты предназначались только членам их собственной группы. Собравшиеся были одеты по большей части в черное — в длинные, старомодные парадные фраки. Если бы не эти наряды, К. подумал бы, что попал на политическое мероприятие районного масштаба.

На другом конце зала, куда провожатый привел К., на невысоком помосте, заполненном, как и вся комната, людьми, был установлен столик; за ним сидел толстый, одышливый человечек. Он вел с мужчиной, который стоял у него за спиной, опираясь локтями на спинку кресла и скрестив ноги, оживленную беседу, перемежавшуюся взрывами хохота. Иногда он картинно вскидывал руку, словно пародируя кого-то. Мальчику, который привел К., никак не удавалось вклиниться и отчитаться. Дважды он вставал на цыпочки и порывался что-то сказать, но человечек не замечал его. Лишь когда кто-то в толпе на помосте указал

на него, толстяк обернулся и, наклонившись, выслушал тихий доклад мальчика. Затем вынул часы и кинул быстрый взгляд на К.

— Вам надлежало явиться один час и пять минут назад, — сказал он.

К. хотел что-то ответить, но не успел, потому что в правой половине зала поднялся общий ропот.

— Вам надлежало явиться один час и пять минут назад, — повторил человечек, повышая голос, и взглянул на толпу внизу. Ропот сразу усилился и заглох лишь постепенно, потому что человечек ничего больше не говорил. Теперь в зале стало намного тише, чем при появлении К. Только на галерее не прекращались обсуждения. Насколько можно было разглядеть в полумраке, да еще сквозь стоявшую в комнате пыльную дымку, люди на галерее были одеты похуже, чем в толпе внизу. Некоторые принесли с собой подушечки, которые подложили между головой и потолком, чтобы не натереть затылок.

К. решил больше наблюдать, чем говорить, и потому не стал оправдываться по поводу предполагаемого опоздания, а сказал лишь:

— Возможно, я и явился слишком поздно, но сейчас я здесь.

Из правой половины зала раздались аплодисменты. «Этих легко привлечь на свою сторону», — подумал К. Беспокоила его лишь тишина в левой половине зала, как раз у него за спиной, — оттуда послышались лишь единичные хлопки. Он стал обдумывать, что сказать, чтобы понравиться всем сразу или, если это невозможно, хотя бы временно заручиться поддержкой остальных.

— Да, — сказал человечек, — но я больше не обязан допрашивать вас сейчас. — Снова ропот, но на этот раз не по делу, потому что человечек продолжал, сделав успокаивающий жест толпе:

— В порядке исключения, однако, я проведу допрос сегодня, но больше никаких опозданий. А теперь подойдите!

Кто-то спрыгнул с помоста, чтобы освободить место для К. Взобравшись на помост, он оказался прижатым к столу. Сзади на него так напирали, что ему приходилось сопротивляться, чтобы не столкнуть вниз и стол, и, возможно, самого следственного судью.

Судья, однако, об этом не беспокоился. Он уселся поудобнее в своем кресле, сказал что-то собеседнику за спиной в завершение разговора и взял в руки записную книжицу, единственный предмет, лежавший перед ним на столе. Она

напоминала старую растрепанную школьную тетрадку.

— Итак, — сказал следственный судья, полистал книжицу и, обращаясь к К., произнес скорее утвердительным, чем вопросительным тоном:

— Так вы маляр?

— Нет, — сказал К. — Я старший управляющий крупного банка.

Этот ответ вызвал в правой части зала такой взрыв веселья, что и сам К., не удержавшись, засмеялся вместе со всеми. Зрители корчились от смеха, сотрясались, словно в приступах кашля. Даже с галереи послышались смешки. Весьма разгневанный следственный судья, который, очевидно, был бессилен против публики в зале, решил отыграться на верхнем ярусе. Он вскочил с места, грозя галерее, и его прежде не слишком заметные брови нависли, чернея и топорщась, над глазами.

В левой половине зала тем временем было по-прежнему тихо. Зрители стояли там ровными рядами, повернувшись в сторону помоста, спокойно слушая как то, что там говорилось, так и шум, поднятый другой группировкой. Они терпимо относились даже к тому, что некоторые из их числа то и дело присоединялись к этой дру-

гой партии. Члены левой группировки, кстати не такой многочисленной, возможно, тоже не обладали никаким влиянием, но их спокойное поведение придавало им более внушительный вид. Когда К. начал говорить, он был убежден, что подыскивает верные слова именно для них.

— В вашем вопросе, господин следственный судья, маляр ли я — более того, вы ведь и не спросили, а прямо в лоб это заявили, — вся суть разбирательства, которое ведется в отношении меня. Вы можете возразить, что это не есть разбирательство, и будете совершенно правы, потому что речь может идти о разбирательстве лишь в том случае, если я его таковым признаю. Впрочем, допустим на минуту, что признаю — в некотором смысле из сочувствия. Кроме сочувствия, тут и предложить нечего, если вообще принимать это дело всерьез. Я не говорю, что это издевательство, а не разбирательство, но хотел бы предложить вам самому это признать.

К. прервал свою речь и оглядел зал. Слова его прозвучали резко, резче, чем он рассчитывал, но все же справедливо. Он снискал разрозненные аплодисменты, однако в зале было тихо, публика заметно напряглась, ожидая продолжения, и, возможно, в этой тишине готовился завершающий

взрыв. Немного испортила дело молодая прачка: закончив, вероятно, работу, она отворила дверь в конце зала и, несмотря на все принятые ею предосторожности, отвлекла на себя часть внимания. Зато реакция следственного судьи обрадовала К.: речь явно не оставила его равнодушным. Поначалу он слушал стоя, потому что выступление К. застало его врасплох, когда он собирался обратиться к галерее. Теперь, во время паузы, он сел, словно хотел сделаться незаметным, и уткнулся в записную книжку — видимо, чтобы придать лицу спокойное выражение.

— Не поможет, — продолжал К. — Даже ваша записная книжка подтверждает мои слова.

Ободренный тем, что лишь его голос слышится на этом собрании чужих людей, он, недолго думая, осмелился выхватить книжицу из рук судьи и брезгливо поднял ее кончиками пальцев за листок из самой середины, так что по обе стороны свесились плотно исписанные, пожелтевшие по краям страницы.

— Вот они, тома с материалами судебного следствия, — сказал он и уронил книжицу на стол. — Читайте себе спокойно дальше, г-н следственный судья, этой книжицы с обвинениями я вовсе не боюсь, хоть ее содержимое мне недо-

ступно, потому что я ее и в руки не возьму, только двумя пальцами и притронусь.

Униженный до глубины души — или, по крайней мере, так можно было истолковать его поведение — следственный судья схватил книжицу, как только она упала на стол, попытался привести страницы в порядок и снова принялся за чтение.

Люди в первом ряду так напряженно следили за К., что и он некоторое время всматривался в них сверху вниз. Это были сплошь пожилые мужчины, иные и с седыми бородами. Возможно, именно они и должны были повлиять на собравшихся, даже из-за унижения следственного судьи не вышедших из оцепенения, в которое их погрузила речь К.

— То, что со мной произошло, — продолжал К. несколько тише, чем раньше, вглядываясь в лица в первом ряду, отчего речь его стала несколько сбивчивой, — то, что со мной произошло, конечно, всего лишь частный случай, сам по себе не очень важный, потому что я не принимаю его слишком близко к сердцу, но все же случай показательный — ведь подобные разбирательства практикуются в отношении многих людей. Это ради них я стою здесь, а не ради себя.

Он невольно повысил голос. Кто-то в зале захлопал, вскинув руки над головой, и выкрикнул:

— Браво! Вот и правильно! И еще раз браво!

Некоторые в первом ряду схватились за бороды, но ни один человек не обернулся на возглас. К. тоже не придал ему большого значения, но все же приободрился; теперь ему было не обязательно, чтобы все аплодировали, — достаточно, если вся публика задумается и если хотя бы некоторых он сумеет перетянуть на свою сторону.

— Мне ни к чему слава оратора, — ответил он словно самому себе. — Она для меня и недостижима. Вероятно, г-н следственный судья говорит лучше, ведь это его профессия. Я хочу лишь публичного обсуждения открыто творящегося произвола. Представьте себе: дней десять назад меня арестовали; сам факт ареста мне смешон, но речь сейчас не об этом. Меня схватили рано утром в постели, возможно имея приказ — я этого не исключаю в свете того, что сказал судья, — арестовать какого-то маляра, такого же невиновного, как и я. Но выбрали меня. Соседнюю комнату заняли два неотесанных надзирателя. Будь я опасным грабителем, за мной вряд ли присматривали бы более тщательно. Эти надзиратели к тому же были аморальные пара-

зиты, они несли всякую чушь, вымогали взятку, пытались обманом выманить у меня белье и одежду, бесстыдно слопали мой завтрак у меня на глазах, а потом требовали денег якобы за то, чтобы принести мне поесть. Но и этого мало. Меня отвели в третью комнату к их старшему. Это комната одной дамы, весьма мною уважаемой, и мне пришлось наблюдать, как из-за меня, хоть и без моей вины, надзиратели и этот старший оскверняют ее жилище своим присутствием. Сохранить спокойствие было непросто. Однако мне это удалось и я спросил старшего совершенно спокойно — будь он здесь, он вынужден был бы это подтвердить, — почему я арестован. И что же этот старший мне ответил — как сейчас вижу, рассевшись в кресле упомянутой дамы, будто воплощение наглой бесчувственности? Господа, он ничего не ответил по существу; возможно, он и правда ничего не знал — он арестовал меня и был тем доволен. Он позволил себе еще больше — привел трех нижестоящих сотрудников моего банка в комнату этой дамы, где они принялись хватать руками ее фотографии и прочее имущество, устроив беспорядок. Присутствие этих сотрудников имело, естественно, и еще одну цель — они, как и моя квартирная хозяйка и ее прислу-

га, должны были распространить новость о моем аресте, подорвать мою репутацию в обществе и в особенности поколебать мое положение в банке. Из этого совершенно ничего не вышло, даже моя квартирная хозяйка, женщина простая — назову здесь со всем почтением ее имя, ее зовут г-жа Грубах, — проявила достаточно понимания, чтобы заключить, что подобный арест — все равно что нападение беспризорных мальчишек на улице. Повторяю, мне все это принесло лишь неудобства и временные неприятности, но ведь могли быть и более серьезные последствия!

К. сделал паузу и взглянул на молчавшего следственного судью. Ему показалось, что тот сделал знак кому-то в толпе. К. улыбнулся и сказал:

— Вот г-н судья подает кому-то из вас тайные знаки. Значит, среди вас есть люди, которыми дирижируют с этого помоста. Не знаю, должны ли по этому знаку раздаться шиканье или аплодисменты, и даже не пытаюсь проникнуть в его смысл, просто заявляю, что я все видел. Мне совершенно безразлично, что все это значит, и я публично разрешаю г-ну следственному судье отдавать своим оплаченным наймитам приказы словами, а не исподтишка, жестами: пускай говорит — теперь, мол, шикайте, а теперь хлопайте.

От смущения или от нетерпения следственный судья заерзал в кресле. Мужчина за его спиной, с которым судья раньше беседовал, снова наклонился к нему, — может быть, чтобы подбодрить или дать какой-то совет. В зале послышались тихие, но оживленные разговоры. Две группировки, занимавшие, как раньше казалось, противоположные позиции, теперь перемешались, некоторые указывали пальцами на К., другие на следственного судью. Дымка в комнате до того сгустилась, что трудно было разглядеть стоявших поодаль. Но особенно нелегко приходилось, похоже, зрителям на галерее — они вынуждены были, хоть и с оглядкой на судью, негромко задавать вопросы людям внизу, чтобы не потерять нить. Те отвечали тоже тихо, прикрывая рот ладонью.

— Я почти закончил, — сказал К. и, поскольку колокольчика под рукой не оказалось, постучал кулаком по столу, отчего судья и его советчик отшатнулись друг от друга. — Я смотрю на это дело отвлеченно, сужу о нем спокойно, и, если у вас есть какой-то интерес к этому так называемому суду, будет нелишне ко мне прислушаться. Так что прошу вас отложить обсуждение моих слов на потом: у меня нет времени, и я скоро уйду.

Разговоры сразу стихли — вот до какой сте-

пени К. владел вниманием собравшихся~~, перед которыми только что выдвинул ясное и недвусмысленное требование прекратить произвол~~. Зрители больше не перекрикивали друг друга, как поначалу, даже не аплодировали, но казалось, будто К. их убедил или, во всяком случае, был на пути к этому.

— Нет никаких сомнений, — сказал К. очень тихо, потому что ему нравилось напряженное внимание зала: в этой тишине было больше одобрения, чем в самых восторженных аплодисментах. — Нет никаких сомнений, что за всеми решениями этого суда, а в данном случае — и за моим арестом, ~~и за телефонным уведомлением,~~ и за сегодняшним разбирательством стоит некая большая организация. Организация, которая имеет в своих рядах не только продажных надзирателей и их дураков-начальников, не только скромных — скажу так, чтоб не обидеть — следственных судей, но и судейских высокого и высшего ранга с их неизбежной свитой — обслугой, писцами, жандармами и прочими помощниками, а может быть, не побоюсь этого слова, даже и палачами. И в чем же задача этой организации, господа? В том, чтобы подвергать аресту невиновных и вести против них бессмыс-

ленные и в большинстве случаев, в том числе и в моем, безрезультатные разбирательства. Как же в условиях этой бессмыслицы избежать самой ужасающей коррупции среди должностных лиц? Это невозможно, даже судья самого высокого ранга не смог бы при всем желании от нее уберечься. Поэтому и пытаются надзиратели украсть одежду, снятую с арестованных, поэтому их начальники вламываются в чужие квартиры, поэтому невиновные люди вместо допроса подвергаются унижениям перед полным залом. Надзиратели рассказали мне о складах, куда свозят имущество арестованных. Хотелось бы мне увидеть эти складские помещения, где лежит мертвым грузом заработанная тяжким трудом собственность арестантов, которую еще не разворовали жуликоватые работники!

Речь К. прервали стоны в дальнем конце зала. Чтобы рассмотреть, в чем дело, пришлось приложить ладонь козырьком ко лбу: мутный дневной свет делал дымку белесой и слепил глаза. К. различил прачку, в которой углядел существенную помеху еще в тот момент, когда она вошла. Виновата ли она и в этот раз, понять было невозможно. К. увидел лишь, что ~~*расстегнутая блуза висит у нее на талии и что*~~ какой-то мужчина

затащил ее~~, одетую выше пояса в одно исподнее,~~ в угол у самой двери и притянул к себе. Но стонала не она: стонал мужчина, широко раскрыв рот и глядя в потолок. Вокруг них собралась небольшая толпа, а зрители с ближней к ним стороны галереи, похоже, радовались, что серьезность, которую придал собранию К., была таким образом развеяна.

В первый момент К. хотел немедленно бежать туда, думая, что и остальным будет на пользу, если восстановится порядок и парочку хотя бы удалят из зала, но первые ряды перед ним оставались плотно сомкнутыми и никто не тронулся с места, чтобы пропустить К. Наоборот, ему мешали, старики хватали его, а чья-то рука — он не успел обернуться, чтобы заметить чья, — вцепилась ему сзади в воротник.

К. уже и не думал о парочке — он чувствовал, что его свобода ограничена, что теперь-то он и в самом деле арестован. Не думая о последствиях, он спрыгнул с помоста и оказался лицом к лицу с толпой. Выходит, он неверно понял этих людей? Переоценил влияние, которое оказала на них его речь? Не была ли она неуместной — и, когда он добрался до выводов, не утомила ли публику эта неуместность? Ну и лица вокруг! Бегающие

черные глазки, обвисшие щеки, как у пьяниц, длинные, жесткие, редкие бороды — захочешь в такую вцепиться, поймаешь лишь воздух в кулак. А под бородами — К. только что это обнаружил — на лацканах фраков поблескивали значки различных размеров и цветов. Насколько он мог видеть, у всех были такие значки. Все они были заодно, группировки слева и справа ему только померещились; резко обернувшись, он заметил такой же значок на лацкане у следственного судьи, который спокойно смотрел вниз, сложив руки на коленях.

— Так вот в чем дело! — воскликнул К., воздев руки, поскольку внезапное открытие требовало выхода. — Вы все чиновники, как я вижу. Вы и есть та продажная шайка, против которой я выступал, вы все притащились сюда подслушивать и вынюхивать, притворились, что разбились на партии, и одна из них аплодировала, чтобы меня проверить, — вы хотели понять, как ввести в заблуждение невиновного человека. Что ж, надеюсь, вы здесь не напрасно теряли время, надеюсь, вас развлекло, что невиновный ожидал от вас защиты, или… пустите меня, а то ударю! — крикнул К. трясущемуся старику, который притиснулся к нему особенно близко. — Или, может быть, вы и в

самом деле узнали кое-что новое. Желаю успехов на службе.

Он схватил свою шляпу, лежавшую на краю стола, и в наступившей — вероятно, от неожиданности — тишине стал протискиваться к выходу. Следственный судья, однако, опередил его и уже ждал у двери.

— Минутку, — сказал он.

К. остановился, глядя не на судью, а на дверь, за ручку которой он уже взялся.

— Хочу лишь довести кое-что до вашего сведения, — сказал следственный судья. — Вы, возможно, этого еще не осознали, но сегодня вы лишили себя тех возможностей, которые допрос всегда предоставляет арестованному.

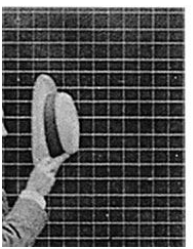
К. рассмеялся, все еще не сводя глаз с закрытой двери.

— Да пошли вы со своими допросами, шваль! — крикнул он.

И, распахнув дверь, К. поспешил по лестнице вниз. За его спиной возрастал шум вновь оживившегося собрания, где случившееся обсуждали, будто на семинаре.

В пустом зале заседаний. Студент. Канцелярия

3



В течение следующей недели К. со дня на день ждал нового уведомления. Он не мог поверить, что его отказ от допросов был воспринят буквально, и, поскольку ожидаемое уведомление к воскресенью так и не поступило, он решил, что молчание равносильно приглашению — в тот же дом, в то же самое время. В воскресенье он снова отправился туда, на сей раз уже хорошо ориентируясь в лестницах и коридорах. Некоторые жильцы узнавали его и здоровались, но расспросы были уже не нужны, и вскоре он добрался до нужной двери. В ответ на его стук дверь сразу отворилась, и он тут же попытался пройти в соседнюю комнату, не обращая внимания на знакомую уже ему женщину.

— Сегодня заседания не будет, — сказала она.

— Как это — не будет? — спросил он, не желая ей верить.

Женщина, подтверждая сказанное, открыла дверь в соседнюю комнату. Она и вправду была безлюдна и оттого выглядела еще более убого, чем в прошлое воскресенье. На помосте по-прежнему стоял стол, на нем — несколько книг.

— Можно посмотреть книги? — спросил К. без особого любопытства, просто чтобы не уходить совсем уж ни с чем.

— Нет, — сказала женщина и закрыла дверь. — Не положено. Это книги следственного судьи.

— Вот как, — сказал К. — Выходит, это юридические книги и в правилах этой судебной инстанции осуждать не только невиновных, но и неосведомленных.

— Выходит, так, — сказала женщина, не поняв его толком.

— Тогда я пошел, — сказал К.

~~*— Ну куда же вы? — спросила женщина дружелюбным тоном.*~~ — Может быть, передать что-нибудь следственному судье?

— А вы его знаете? — спросил К.

— Само собой, — сказала женщина. — Ведь мой муж — судебный пристав.

Только сейчас К. заметил, что комната, в которой в прошлый раз не было ничего, кроме бадьи для стирки, теперь представляет собой полностью обставленную гостиную. Заметив его удивление, женщина сказала:

— Да, у нас тут бесплатная квартира, но в дни заседаний мы должны освобождать комнату. Должность мужа подразумевает некоторые неудобства.

— Меня удивляет не столько комната, — сказал К., сердито глядя на женщину, — сколько то, что

вы замужем.

— Вы, наверное, намекаете на тот случай во время прошлого заседания, когда я помешала вашему выступлению, — сказала она.

— На что же еще? — сказал К. — Теперь уж все кончено и забыто, но тогда это меня всерьез разозлило. А теперь вы называете себя замужней женщиной.

— Вам даже повезло, что речь прервали. После нее о вас судили совсем не в вашу пользу.

— Может быть, — сказал К., — но вас это не извиняет.

— Никто из знакомых меня не винит, — сказала женщина. — Тот, кто меня в тот раз обнимал, давно меня преследует. Так-то я, может быть, и не особо привлекательна, но для него — очень даже. Управы на него нет никакой, да и мой муж тоже смирился. Если он хочет сохранить место, приходится терпеть, ведь этот человек — студент и ему прочат большое будущее. Он вечно за мной таскается, вот и сейчас — ушел прямо перед вашим приходом.

— Здесь все одно к одному, — сказал К. — Я уж и не удивляюсь.

— А вы хотите здесь что-то изменить к лучшему, — недоверчиво протянула женщина, словно

эти слова таили в себе опасность и для нее, и для К. — Это я поняла из вашей речи, лично мне она очень понравилась. Но я не всю слышала — начало пропустила, а в конце лежала на полу со студентом…

— Здесь так гнусно, — сказала она, помолчав, и взяла К. за руку. — Думаете, у вас получится что-то исправить?

К. улыбнулся и чуть повернул ладонь в ее мягких руках.

— Собственно говоря, меня не приглашали сюда что-то, как вы выражаетесь, исправлять, и если вы скажете об этом, например, следственному судье, вас высмеют или даже накажут. На самом деле, будь моя воля, я бы не лез в это дело и спал бы спокойно, знать не зная о том, что эта судебная инстанция нуждается в улучшениях. Но поскольку меня якобы арестовали — то есть в самом деле арестовали, — я вынужден вмешаться, хотя бы ради себя самого. Но если я одновременно могу чем-то быть полезен и вам — буду только рад. Не из одной любви к ближнему, но и потому, что вы тоже можете мне помочь.

— Чем же? — спросила женщина.

— Например, показав мне те книги на столе.

— Ну конечно, — воскликнула женщина и то-

ропливо потянула его за собой.

Книги были старые, захватанные. У одной из них переплет был почти оторван и держался лишь на ниточке.

— Экая тут грязища, — сказал К., качая головой. Прежде чем он притронулся к книгам, женщина смахнула передником верхний слой пыли. Первая книга открылась на непристойной картинке: голые мужчина и женщина на кушетке. Хотя общий замысел художника был сразу понятен, рисунок был выполнен так неумело, что из него словно выпирали чересчур угловатые фигуры, женская и мужская, из-за странного ракурса неестественно повернутые друг к другу. К. не стал листать дальше, а перевернул титульный лист второй книги. Это оказался роман под названием «Страдания, которые претерпела Грета от мужа своего Ганса».

— Вот какие юридические книги тут изучают, — сказал К. *— Вот что в голове у тех, кто берется меня судить.*

— Нет, — сказала женщина, — вас не осудят!

— Почему же нет? — спросил К. — Я как раз думаю, что наверняка осудят.

Покивав, он заглянул ей в глаза; когда она, по его мнению, достаточно прониклась этой страшной

мыслью, он добавил: — И вот какие люди вынесут мне приговор!

— Я вам помогу, — сказала женщина. — Хотите?

— Но сможете ли вы помочь, не подвергая себя опасности? Вы же говорили, что ваш муж очень зависит от начальства.

— Все равно я вам помогу, — сказала женщина. — Давайте это сейчас же обсудим. И не говорите больше, что я рискую, — я сама решаю, каких опасностей бояться. Подите сюда. — Она указала ему на помост и предложила сесть с нею рядом на ступеньку. — У вас красивые темные глаза, — сказала она, когда он уселся, и посмотрела на него снизу вверх. — Мне иногда говорят, что у меня красивые глаза, но ваши гораздо красивее. Я сразу обратила на них внимание, как только вы в первый раз тут появились. Из-за них я и зашла тогда в зал заседаний, хотя обычно никогда так не делаю, да мне это, в общем-то, и запрещено.

«Вот в чем дело, — подумал К. — она предлагает мне себя, она развращена, как и все здесь, ей опостылели судейские, что вполне понятно, вот она и встречает первого попавшегося незнакомца комплиментами про красивые глаза». К. молча встал, будто высказывая свои мысли вслух и

таким образом объясняя ей свое поведение.

— Не думаю, что вы можете мне помочь, — сказал он. — Чтобы из этого вышел толк, нужны связи с высшими чинами. А вы наверняка знакомы только с нижестоящими служащими, они здесь во множестве толпятся. Этих-то вы, без сомнения, знаете отлично и могли бы с ними что-нибудь провернуть, но все, на что они способны, совершенно не повлияет на исход процесса. А вы только зря испортите отношения с полезными людьми. Этого я не хочу. Пусть ваши полезные знакомства остаются при вас, мне, собственно говоря, кажется, что вам без этого нельзя. Я говорю это не без сожаления, потому что — верну вам комплимент — вы тоже мне нравитесь, особенно когда так грустно на меня смотрите, хотя у вас и нет никаких причин для грусти. Вы из той компании, с которой я должен бороться, и неплохо в ней себя чувствуете — вы даже любите этого студента, а если и не любите, то предпочитаете его собственному мужу. Об этом по вашим рассказам легко догадаться.

— Нет! — воскликнула она и, не вставая, схватила К. за руку, которую он недостаточно быстро отдернул. — Вам нельзя сейчас уходить, нельзя уходить с таким неправильным мнением обо

мне. Неужели вы способны просто взять и уйти? Неужели я не стою даже такого маленького одолжения — чтобы вы побыли со мной еще немножко?

— Вы меня неверно поняли, — сказал К. и сел. — Если вам и вправду нужно, чтобы я остался, хорошо, я останусь, время у меня есть, я же рассчитывал, что сегодня состоится заседание. Я лишь прошу вас ничего для меня не предпринимать в ходе процесса. Это не должно вас расстраивать, ведь мне совершенно безразличен его исход, а над приговором я лишь посмеюсь — если до него вообще дойдет дело, в чем я сильно сомневаюсь. Я скорее поверю, что из-за лени или забывчивости чиновников, а может, даже потому, что они испугались, разбирательство уже прекратилось или вскорости прекратится. Впрочем, возможно также, что процесс будут искусственно затягивать ради взятки покрупнее, что, скажу заранее, совершенно бесполезно, потому что я взяток не даю. Вот разве что этим вы могли бы мне помочь: скажите следственному судье или кому угодно, кто может передать важное сообщение, что никакими фокусами, на какие только способны эти господа ловкачи, взятки они от меня не добьются. Это совершенно бессмысленно, так им прямо и

скажите. Вероятно, они уже и сами догадались, но напомнить лишний раз не помешает. Их это избавит от пустой работы, а меня от разных неудобств, с которыми, впрочем, я готов мириться, если буду знать, что тем самым приношу пользу другим. И я позабочусь, чтобы так и было. Вы и вправду знаете следственного судью?

— Само собой, — сказала женщина. — О нем-то я первым делом и подумала, когда предлагала вам помощь. Я не знала, что он всего лишь низший служащий, но раз вы так говорите, наверное, так оно и есть. И все равно я думаю, что отчеты, которые он отправляет наверх, все же имеют какой-то вес. А отчетов он пишет множество. Вы говорите, чиновники ленивые, но на самом деле не все: этот следственный судья — вот он как раз пишет особенно много. В прошлое воскресенье заседали до вечера. Все уже разошлись, а судья остался в зале, мне пришлось ему принести лампу — у меня только маленькая, кухонная, но ему и такой хватило, и он тут же принялся писать. А тут и муж пришел, у него в то воскресенье был выходной, — мы принесли мебель, обставили опять комнату, потом зашли в гости соседи, мы поболтали при свечке, про судью совсем забыли и пошли спать. А потом вдруг — совсем уж позд-

ней ночью, кажется, — просыпаюсь, а у кровати судья стоит и лампу рукой прикрывает, чтобы на мужа свет не падал — но это он зря, сон у мужа такой, что его никаким светом не разбудишь. Я так перепугалась, что чуть не закричала, но судья был так мил — приложил палец к губам и сказал шепотом, что допоздна писал, что возвращает мне лампу и что никогда не забудет миг, когда увидел меня спящей. Я все это к тому говорю, что судья пишет очень много отчетов, особенно о вас, ведь на воскресном заседании важнее вашего допроса, считайте, ничего и не было. Такие длинные отчеты не могут ведь совсем не иметь веса. К тому же по этому случаю видно, что судья мной интересуется, и как раз сейчас, по первости — он ведь, похоже, только-только меня заметил, — я могу на него сильнее всего влиять. А что я ему небезразлична, я и по другим признакам вижу. Вчера он мне через студента, который у него работает и которому он очень доверяет, прислал в подарок шелковые чулки, якобы за то, что я убираю зал заседаний, но это только предлог, ведь уборка моя обязанность и за нее мужу доплачивают. А чулки красивые, сами посмотрите. — Она вытянула ноги, подняла юбку до колен и сама засмотрелась на чулки. — Красивые, только тонкие

слишком, для меня не годятся.

Вдруг она остановилась, положила свою ладонь на руку К., словно хотела его успокоить, и прошептала:

— Тише, Бертольд на нас смотрит~~, *при нем надо осторожней*~~!

К. медленно поднял глаза. В дверях зала заседаний стоял молодой человек, низкорослый, с кривоватыми ногами и редкой рыжеватой бородкой, которую он непрерывно поглаживал, стараясь придать себе важный вид. К. смотрел на него с любопытством — ведь это был студент таинственной юриспруденции, в каком-то смысле живое ее воплощение, и ему, вероятно, было уготовано большое чиновничье будущее. Студента же, напротив, К. совершенно не интересовал, он лишь поманил женщину пальцем, которым только что чесал бороду, и подошел к окну. Женщина наклонилась к К. и прошептала:

— Не сердитесь на меня, очень прошу вас, и не думайте обо мне плохо — мне придется к нему подойти. Какой же он мерзкий, посмотрите только на его кривые ноги. Но я скоро вернусь и тогда пойду с вами, если возьмете меня с собой, — пойду, куда захотите, и делайте со мной, что захотите, и чем дольше я сюда не вернусь, тем лучше, — вот

бы не возвращаться никогда!

Погладив еще раз К. по руке, она вскочила и побежала к окну. К. невольно потянулся за ее рукой, но схватил пустоту. Она и вправду пыталась его соблазнить, и даже по здравом размышлении он не находил причин сопротивляться этому соблазну. Мимолетное подозрение, что женщина подослана судом и заманивает его в ловушку, он легко отбросил. В какую еще ловушку? Разве он недостаточно свободен, чтобы разнести в клочья весь этот суд или хотя бы свое собственное дело? Не слишком ли мало он в себя верит? Да и ее предложение помочь звучало искренне и было, возможно, не лишено полезности. К тому же, вероятно, нет лучшего способа отомстить следственному судье и его присным, чем отнять у них эту женщину и оставить ее себе. Однажды поздней ночью, попотев над лживыми отчетами по делу К., судья ведь может и не обнаружить ее в постели. Постель окажется пуста, потому что эта женщина будет принадлежать К. — вот эта женщина у окна, это теплое, пышное, гибкое тело в темном платье из грубой тяжелой материи будет полностью принадлежать ему одному.

Теперь, когда К. отверг таким образом все доводы против женщины, тихий разговор у окна

казался ему слишком долгим. Он постучал по помосту костяшками пальцев, а потом и кулаком. Студент кинул на него быстрый взгляд через плечо женщины, но не стал отвлекаться, а придвинулся к ней поплотнее и обнял ее ~~за талию~~. Она низко опустила голову, словно внимательно его слушая. Когда она наклонилась, студент громко чмокнул ее в шею и продолжал говорить. В этом К. увидел подтверждение тех посягательств с его стороны, на которые жаловалась женщина. Он встал и прошелся взад-вперед по комнате. То и дело косясь на студента, он обдумывал, как побыстрее от него избавиться, и потому не без удовлетворения услышал замечание студента, явно раздосадованного его мельканием и все более громким топаньем:

— Если вам не терпится, можете идти. Могли бы уйти и раньше, никто бы вас не хватился. Собственно, еще когда я вошел, вам следовало удалиться, и побыстрее.

Это была не простая вспышка гнева — в словах студента звучало сознание превосходства будущего судебного чиновника перед лишенным поддержки обвиняемым. К. остановился совсем близко от студента и сказал с улыбкой:

— Мне не терпится, это правда, но вы легко

можете облегчить мое нетерпение, покинув нас. Впрочем, если вы пришли сюда заниматься — я слышал, что вы студент, — я с удовольствием освобожу вам место и уйду с этой женщиной. Вам, кстати, предстоит еще много учиться, чтобы сделаться судьей. Я не очень хорошо знаком с вашим судебным процессом, но, думаю, он не сводится к грубостям, которые вы уже неплохо научились говорить без малейшего стеснения.

— Зря оставили его разгуливать на воле, — сказал студент, будто объясняя женщине обидные слова К. — Промашка вышла. Я уже говорил об этом следственному судье. Надо было ~~*хотя бы*~~ посадить его под домашний арест между допросами. Судью иногда не поймешь.

~~*К. хотел было взять за руку женщину, которая недвусмысленно, хоть и робко, пыталась подобраться к нему поближе, но тут до него дошел смысл сказанного студентом. У этого честолюбивого болтуна, наверное, можно было выведать надежную информацию об обвинении, выдвинутом против К. С этими сведениями он мог бы, к ужасу инициаторов разбирательства, одним взмахом руки немедленно положить всему конец.*~~

— Пустая болтовня, — сказал К. и протянул

руку женщине. — Идемте.

— Ах вот как, — сказал студент. — Ну уж нет, вам ее не видать~~, она наша~~. — Он с неожиданной силой подхватил женщину одной рукой и, не сводя с нее ласкового взгляда, потащил к двери. Невозможно было не заметить, что он побаивается К., но ему хватало наглости дразниться, свободной рукой поглаживая и стискивая руку женщины. К. сделал несколько шагов ему вслед, готовый схватить его и, если понадобится, придушить, но тут женщина сказала:

— Бесполезно, следственный судья приказал меня забрать, мне нельзя с вами, этот гаденыш, — с этими словами она провела рукой по лицу студента, — этот гаденыш мне не позволит.

— А вы и не хотите, чтобы вас освободили, — крикнул К., хватая студента за плечо, и тот лязгнул зубами, пытаясь укусить его за руку.

— Нет, — воскликнула женщина, отбиваясь от К. обеими руками. — Нет, нет, только не это, вот еще выдумали! Тут мне и конец! Оставьте же его, прошу вас, оставьте. Он лишь выполняет приказ следственного судьи, несет меня к нему.

— В таком случае пусть убирается, да и вас я больше видеть не хочу, — сказал К. в гневе и разочаровании и толкнул студента в спину.

Тот споткнулся, но тут же — от радости, что не упал, — даже подпрыгнул со своим грузом. К. пошел за ними, чувствуя, что противники нанесли ему первое бесспорное поражение. Впрочем, это, конечно, не было поводом для опасений: проиграл он лишь потому, что сам ввязался в бой. Если бы он остался дома и продолжал вести привычный образ жизни, то имел бы перед любым из этих людей тысячекратное преимущество, мог бы любого из них убрать с дороги одним пинком. Он представил себе уморительную сцену — как этот жалкий студентишка, со своими кривыми ногами и бороденкой, стоит на коленях перед кроватью Эльзы и умоляет ее сжалиться над ним. К. было так приятно это воображать, что он решил при первой же возможности как-нибудь взять студента с собой к Эльзе.

Из любопытства К. подбежал к двери — ему хотелось увидеть, куда студент понесет женщину. Ведь не потащит же он ее по городу. Но путь оказался недалек. Прямо напротив входа в квартиру оказалась узкая лестница, которая, видимо, вела на чердак. Наверху лестница меняла направление, так что было не видно, где она заканчивается. По ней студент и потащил женщину — уже очень медленно и постанывая:

подустал, пока нес ее бегом. Женщина помахала рукой стоявшему внизу К. и попыталась, выразительно пожав плечами, показать, что не виновна в своем похищении, но особого расстройства эти телодвижения не выражали. К. смотрел на нее равнодушно, как на чужую, не желая ни выдавать свое разочарование, ни показывать, что он легко это разочарование переживет.

Парочка вскоре скрылась из виду, но К. все еще стоял в дверях. Приходилось признать, что женщина не только одурачила его, но и солгала, сказав, что ее несут к следственному судье. Можно подумать, судья дожидается ее на чердаке. Деревянная лестница ничего не объясняла, сколько на нее ни смотри. Тут К. заметил табличку у входа на лестницу, на которой неуклюжим детским почерком было выведено: «Канцелярия суда наверху».

Канцелярия суда — здесь, на чердаке доходного дома? Не лучший способ внушить почтение, а то, какими скромными средствами располагает этот суд — раз его канцелярия находится там, куда жильцы, сами принадлежащие к беднейшим слоям общества, сносят свой ненужный хлам, — должно даже успокаивать обвиняемых. Впрочем, очень может быть, что денег на самом деле доста-

точно, просто до суда они не доходят, потому что их тут же разворовывают чиновники.

Судя по опыту К., это было весьма вероятно, однако такое разложение суда не только подрывало его авторитет в глазах обвиняемого, но и представлялось опаснее, чем скудный бюджет.

Теперь-то К. понимал, что обвиняемых стыдятся вызывать для первого допроса на чердак и потому вваливаются к ним домой. Насколько же он выше по своему положению, чем ютящийся на чердаке судья, — он, обладатель большого кабинета в банке с собственной приемной и огромным окном, из которого видна оживленная площадь! У него, конечно, нет дополнительных доходов от взяток и казнокрадства, и помощники не волокут женщин к нему в кабинет. Без всего этого К., впрочем, рад был обойтись, по крайней мере в этой жизни.

Не успел К. отойти от рукописной таблички, как к лестнице подошел мужчина, заглянул в открытую дверь гостиной, через которую виден был и зал заседаний, и наконец спросил К., не видел ли он здесь только что женщину.

— Вы случайно не судебный пристав? — спросил К.

— Да, — сказал мужчина. — Надо же, а вы

— обвиняемый К., теперь и я вас узнал, добро пожаловать. — И он протянул руку совершенно не ожидавшему этого К.

— Только заседание на сегодня не назначено, — продолжал пристав.

— Я знаю, — сказал К., рассматривая цивильный костюм судейского, в котором от формы не было ничего, кроме двух позолоченных пуговиц, пришитых наряду с обычными и, по-видимому, споротых со старой офицерской шинели. — Я несколько минут назад говорил с вашей женой. Но ее тут больше нет. Студент потащил ее к следственному судье.

— Вот ведь, — сказал судебный пристав, — вечно ее от меня куда-то тащат. Сегодня, например, воскресенье, у меня нерабочий день, и опять меня отослали с пустопорожним донесением, только чтобы удалить отсюда. Посылали-то недалеко, так что я надеялся вернуться вовремя, если потороплюсь. Ну, я бегом туда, проорал свое донесение в дверную щелку того учреждения, куда меня отправили, — не знаю уж, много ли там поняли, так я запыхался — и назад со всех ног, да только студент еще сильней меня торопился. Ему, впрочем, идти недалеко — спустился с чердака, и все. Я человек подневольный, не то давно

размазал бы этого студента по стенке. Вот по этой, рядом с табличкой. Только об этом и мечтаю. Так и вижу, как он тут размазанный висит, ножки кривые колесом, до пола чуть-чуть не достают, ручки разметались, пальцы растопырились, а кругом брызги крови. Но это все мечты.

— И что, больше никак делу не поможешь? — спросил К. улыбаясь.

— Даже не знаю как, — сказал судебный пристав. — Теперь еще новая беда — раньше он ее к себе таскал, а теперь — я этого давно ожидал — тащит и к следственному судье.

— А ваша жена в этом совсем не виновата? — спросил К., сдерживаясь, потому что все еще ревновал.

— А как же, — сказал пристав, — больше всех виновата. Вешалась на него. Сам-то он ни одной юбки не пропускает. В одном только этом доме его уж вышвырнули из пяти квартир, куда он пробрался. Но моя жена во всем доме самая красивая — а у меня, как назло, нет на него никакой управы.

— Ну, раз такое дело, тут уж ничем не поможешь, — сказал К.

— Почему это? — спросил судебный пристав. — Нужно этого труса-студента разок так отдубасить,

чтобы он не смел больше прикасаться к моей жене. Но мне нельзя, а другие не хотят сделать мне такое одолжение, потому что боятся: он многое может. Только такой, как вы, сумел бы.

— С какой стати мне это делать? — сказал ошеломленный К.

— Вы же обвиняемый, — сказал судебный пристав.

— Да, — сказал К., — тем сильнее я должен опасаться, что он может повлиять на исход если не всего процесса, то уж наверняка предварительного следствия.

— Конечно, — сказал пристав, словно К. был так же прав, как и он сам. — Но у нас тут, как правило, не бывает процессов без ясной перспективы.

— Я с вами не согласен, — сказал К. — Но это мне не помешает при случае проучить студентишку.

— Я был бы вам очень обязан, — сказал судебный пристав несколько церемонно. Впрочем, казалось, что он не верит в исполнение своей заветной мечты.

— Пожалуй, и другие ваши сослуживцы, а то и все заслуживают того же, — продолжал К.

— Да-да, — сказал пристав, словно признавая нечто само собой разумеющееся. Он и раньше вел себя дружелюбно, но теперь посмотрел на К.

особенно доверительно и добавил: — Так ведь бунтуем понемногу.

Но тут приставу, видимо, все же стало немного неуютно от таких разговоров, и он сказал:

— Мне нужно в канцелярию, отметиться. Хотите со мной?

— Мне там делать нечего, — сказал К.

— Сможете посмотреть на канцелярию. Никто на вас внимания не обратит.

— А есть на что посмотреть? — спросил К., колеблясь. На самом деле ему очень хотелось пойти с приставом.

— Ну, я думал, вам будет интересно, — сказал пристав.

— Ладно, — сказал наконец К. — Пойду с вами. — И взбежал по лестнице быстрее пристава.

Войдя, он чуть не упал — за дверью оказалась еще одна ступенька.

— Похоже, тут всем наплевать на посетителей, — сказал он.

— Да вообще на всех наплевать, — сказал судебный пристав. — Посмотрите только, какой тут зал ожидания.

Это был длинный коридор, из которого грубо вытесанные двери вели в разные помещения чердака. Прямой свет сюда не проникал, но не

было и полной темноты — в некоторых помещениях глухую дощатую стену, общую с коридором, заменяла простая деревянная решетка до самого потолка, через которую кое-какой свет все же просачивался. Заодно было видно служащих, что-то писавших за столами или наблюдавших сквозь решетки за посетителями в коридоре. В это воскресенье коридор был почти пуст. Немногочисленные посетители выглядели весьма скромно. Они сидели на деревянных скамьях, расставленных по обе стороны коридора, почти на одинаковом расстоянии друг от друга. Все были одеты кое-как, хотя большинство, судя по осанке, бородам и множеству других едва заметных признаков, принадлежали к верхушке общества. Хотя на стенах имелись крючки для одежды, все посетители, видимо беря пример друг с друга, сложили шляпы под скамьи. Завидев К. и судебного пристава, сидевшие ближе всех к дверям поднялись со своих мест и поздоровались, отчего следующие тоже почувствовали себя обязанными подняться, так что вставали все до единого, когда К. и пристав проходили мимо. При этом никто не стоял прямо — люди чуть наклонялись и сгибали колени, словно уличные попрошайки. К. дождался чуть отставшего пристава и сказал:

— Какие-то они униженные.

— Да, — сказал пристав. — Это обвиняемые, здесь, кроме обвиняемых, никого нет.

— Правда? — спросил К. — Выходит, мои товарищи. — И, повернувшись к ближайшему из них, высокому, худощавому, седеющему мужчине, К. вежливо спросил:

— Чего ожидаете?

Но неожиданное обращение смутило мужчину, и на него было неловко смотреть, тем более что человек он был, судя по его виду, бывалый, наверняка умевший держать себя в руках и не склонный легко жертвовать своим заслуженным превосходством над общей массой. Сейчас, однако, он не нашелся с ответом на простой вопрос, озирался на соседей, словно они обязаны были ему помочь, и был явно не в силах справиться самостоятельно, если помощь не придет. Подоспевший пристав сказал, чтобы успокоить и подбодрить обвиняемого:

— Этот господин всего лишь спрашивает, чего вы здесь ожидаете. Ответьте же ему.

Вероятно, знакомый голос пристава благотворно подействовал на мужчину:

— Я жду… — сказал он и осекся.

Он явно начал с этих слов, чтобы дать прямой

ответ на поставленный вопрос, но не придумал, как продолжить. Некоторые из посетителей подошли поближе и окружили их маленькую группу.

— Отойдите, отойдите, освободите проход, — сказал пристав.

Люди отступили чуть назад, но на прежние места не вернулись. Мужчина тем временем собрался и ответил — даже со слабой улыбкой:

— Я месяц назад представил кое-какие подтверждающие документы по моему делу и теперь жду решения.

— Я вижу, вы подошли к этому вопросу серьезно, — сказал К.

— Да, — сказал мужчина. — Это ведь мое дело.

— Не все так рассуждают, как вы, — сказал К. — Против меня, к примеру, тоже выдвинуты обвинения, но, каюсь, никаких подтверждающих документов я не представлял и вообще ни во что не вникаю. А вы считаете, это необходимо?

— Точно не знаю, — сказал мужчина, снова впадая в нерешительность; ему явно показалось, что К. над ним подтрунивает, и он предпочел просто повторить ответ, чтобы от страха не сделать никакой новой ошибки. Так что в ответ на нетерпеливый взгляд К. он лишь заметил: — Лично я подтверждающие документы представил.

— Вы не верите, что я тоже обвиняемый, — сказал К.

— Что вы, конечно, верю, — сказал мужчина, отступив чуть в сторону, но уверенности в его ответе не было, только страх.

— Так вы не верите мне? — спросил К. и, бессознательно подталкиваемый явно униженным положением этого человека, схватил его за руку, словно пытаясь заставить его поверить. Не желая сделать больно, он совсем не прикладывал усилий, но обвиняемый завизжал — как будто К. притронулся к нему не двумя пальцами, а раскаленными щипцами. Эти смехотворные вопли были для К. последней каплей; не верит, что К. обвиняемый, — тем лучше, может, даже за судью его принимает. Так что на прощание К. и в самом деле стиснул ему руку покрепче, толкнул его на скамью и пошел дальше.

— Большинство обвиняемых такие чувствительные, — сказал судебный пристав.

За спиной у них почти все посетители собрались вокруг мужчины, уже переставшего визжать, и, похоже, расспрашивали его о происшествии. Навстречу К. вышел охранник, которого можно было узнать лишь по сабле в ножнах, с виду алюминиевых. К. опешил и даже выставил

вперед руку, чтобы потрогать ножны. Охранник, привлеченный криками, спросил, что случилось. Пристав постарался его успокоить несколькими фразами; охранник объяснил, что обязан был лично убедиться, что все в порядке, отдал честь и пошел дальше быстрыми, но мелкими, вероятно из-за подагры, шагами.

К. больше не интересовали ни он, ни компания в коридоре — в первую очередь потому, что в середине коридора он разглядел пустой дверной проем, куда можно было свернуть. Оглянувшись на пристава, чтобы удостовериться, что они на верном пути — тот, в свою очередь, утвердительно кивнул, — К. так и сделал. Его раздражало, что приходится идти на шаг или два впереди пристава: в таком месте могло показаться, что его ведут как арестованного. Он то и дело останавливался, чтобы подождать пристава, но тот все время опять отставал. Наконец К. решил избавиться от этой неловкости и сказал:

— Ну, я посмотрел, как тут все устроено, теперь пойду.

— Вы же еще не все посмотрели, — сказал пристав с наивным недоумением.

— Я и не хочу все смотреть, — сказал К., всерьез ощущая усталость. — Хочу уйти, где здесь выход?

— Неужто уже заблудились? — удивленно спросил пристав. — До поворота и направо, потом прямо по коридору до самой двери.

— Пойдемте со мной, — сказал К. — Покажете мне дорогу, а то я заплутаю, здесь столько коридоров.

— Да тут только одна дорога, — сказал пристав уже с упреком. — Я с вами не могу, мне надо отметиться, я и так много времени из-за вас потерял.

— Пойдемте со мной, — повторил К. более требовательно, как будто поймал пристава на вранье.

— Не кричите так, — прошептал пристав. — Здесь везде кабинеты. Не хотите возвращаться в одиночестве, давайте еще немного пройдем вместе — или подождите меня здесь, пока я отмечусь, а там я вас, так и быть, провожу к выходу.

— Нет уж, — сказал К. — Ждать я не буду, вы должны пойти со мной сейчас же.

К. не успел еще осмотреться в помещении, в котором оказался. Когда отворилась одна из дверей, расположенных по периметру, он заглянул внутрь. На его громкий голос вышла девушка и спросила:

— Что вам угодно?

В полумраке у нее за спиной можно было за-

метить, как к двери приближается еще какой-то человек. К. оглянулся на пристава. Не он ли говорил, что здесь на него никто не обратит внимания, — но к нему уже спешат сразу двое: еще немного, и вся чиновничья братия узнает о его присутствии и потребует объяснений. А ведь он не может сказать ничего внятного и приемлемого, кроме того, что он обвиняемый и хотел бы узнать дату следующего допроса, — но такого объяснения он давать не хотел, тем более что это означало бы сказать неправду, ведь на самом деле он пришел из любопытства — или, что совсем уж не годилось в качестве объяснения, чтобы увериться в своем предположении: изнанка этой судебной инстанции так же отвратительна, как и ее внешняя сторона. Похоже, в этом он действительно не ошибся, и ему не хотелось пробираться дальше — даже от увиденного ему было неловко, и он не чувствовал в себе сил выдержать столкновение с вышестоящим чиновником, который мог выскочить из-за любой двери. Ему хотелось уйти — лучше вместе с приставом, но если придется, то и одному.

Но его молчаливое бездействие, видимо, выглядело странно. И девушка, и пристав смотрели на него так, словно с ним в любую секунду могла

приключиться какая-то причудливая метаморфоза и они не желали ее пропустить. А в дверях остановился мужчина, которого К. приметил еще в глубине кабинета, и, держась за дверной косяк, покачивался на носках, как нетерпеливый зевака. Девушка, однако, первой поняла, что поведение К. вызвано легким недомоганием. Она принесла кресло и спросила:

— Не хотите ли присесть?

К. тут же сел и оперся на подлокотники, чтобы чувствовать себя увереннее.

— Голова немного кружится, верно? — спросила она, приблизив к нему лицо, с которого не сходило строгое выражение, свойственное некоторым женщинам даже в расцвете юности.

— Не волнуйтесь, — сказала она, — ничего необычного, почти у всех, кто здесь в первый раз, случаются такие приступы. Вы здесь впервые? Ну да, ничего необычного. Крыша нагревается на солнце, от горячего дерева воздух делается спертым, тяжелым. Помещение не так чтобы подходит для канцелярской работы, хотя в других отношениях здесь очень удобно. Но вот дышать, особенно когда много посетителей — то есть практически каждый день, — почти невозможно. Вдобавок здесь еще и белье сушат — жильцам

ведь не запретишь, — поэтому ничего удивительного, что вам стало нехорошо. Но в итоге к такому воздуху привыкаешь. Будете здесь во второй, в третий раз, тяжести уже не почувствуете. Вам уже получше?

К. не ответил — для него было слишком унизительно оказаться во власти этих людей из-за внезапной слабости; к тому же, узнав причину дурноты, он почувствовал себя не лучше, а даже немного хуже. Девушка тут же это заметила и, чтобы К. стало полегче дышать, взяла стоявший у стены длинный шест с крючком на конце и приоткрыла им люк прямо у К. над головой. Но оттуда посыпалось столько сажи, что ей пришлось сейчас же снова захлопнуть люк и вытереть руки К. своим носовым платком — сам он был слишком слаб, чтобы позаботиться о себе самостоятельно. Будь его воля, он бы так и остался здесь сидеть, пока не наберется сил, чтобы уйти, — и это случилось бы тем раньше, чем меньше на него обращали бы внимания. Но девушка сказала:

— Вам нельзя здесь оставаться, мы мешаем проходу.

К. посмотрел на нее вопросительно: разве здесь кто-то ходит?

— Если хотите, отведу вас в медицинский ка-

бинет. Помогите мне, пожалуйста, — сказала она стоявшему в дверях человеку, и тот подошел ближе. Но К. не хотел в медицинский кабинет — он вообще не хотел, чтобы его куда-то провожали: чем дальше зайдешь, тем сильнее влипнешь. Так что он сказал:

— Я уже могу идти, — и, пошатываясь, встал на ноги, словно удобное кресло его избаловало.

Однако устоять К. не сумел.

— Нет, не могу, — сказал он, покачав головой, и со вздохом уселся снова.

Он вспомнил о судебном приставе, который мог бы легко вывести его из здания, но тот, похоже, давно ушел — за спинами стоявших перед ним девушки и мужчины его не было видно.

— По-моему… — начал мужчина, кстати весьма элегантно одетый; особенно бросался в глаза серый жилет с длинными острыми полами. — По-моему, недомогание этого господина связано со здешней атмосферой и для него будет лучше, да и сам он будет рад, если мы не поведем в медицинский кабинет, а просто выведем из канцелярии.

— Именно, — радостно перебил его К. — Мне наверняка сразу станет лучше, я вообще-то не так уж ослаб, мне просто надо, чтобы кто-то подставил плечо, я вам больших хлопот не доставлю,

да тут и недалеко — отведите меня к выходу, я посижу немного на ступеньках, отдохну, а вообще-то у меня таких приступов никогда не бывает, сам удивляюсь. Я тоже служащий и привык к конторскому воздуху, но здесь он какой-то особенно тяжелый, вы и сами так сказали. Так что, пожалуйста, будьте так добры, проводите меня немного, у меня кружится голова, и мне станет худо, если я встану сам. — И он поднял плечи, чтобы им было легче подхватить его под мышки.

Мужчина, однако, не внял его просьбе и даже не вынул руки из карманов, а лишь рассмеялся.

— Видите, я попал в точку, — сказал он девушке. — Этому господину только здесь плохо, а не вообще.

Девушка тоже улыбнулась, но легонько, кончиками пальцев шлепнула мужчину по руке, будто он слишком уж заигрался с К.

— Не думайте обо мне плохо, — сказал он, все еще смеясь. — Ну конечно, я выведу его.

— Вот и хорошо, — сказала она, быстро наклонив изящную головку.

— Не придавайте значения его смеху, — сказала она К., поскольку тот вновь грустно уставился прямо перед собой и не хотел слушать никаких объяснений. — Этот господин — могу я вас

представить? — Мужчина сделал разрешающий жест. — Этот господин — разъяснитель. Он дает справки посетителям, а поскольку население не очень хорошо знакомо с нашей судебной инстанцией, справок требуется много. У него на все вопросы есть ответы, можете как-нибудь проверить. Но это не единственное его достоинство — посмотрите, как элегантно он одет. Мы, то есть здешние служащие, однажды решили: поскольку разъяснитель всегда общается с посетителями, да к тому же первым из нас, ему нужно ради достойного первого впечатления одеваться элегантно. Мы-то, остальные — вот хоть на меня взгляните, — к сожалению, одеты дурно, старомодно. Да и смысла нет тратиться на одежду — сидим безвылазно в канцелярии, даже спим здесь. А вот для разъяснителя, как я уже сказала, мы считаем красивую одежду обязательной. Но наше руководство в этом отношении мыслит немного странно и считает такие расходы неприемлемыми, так что мы скинулись — посетители тоже участвовали — и купили ему не только этот прекрасный костюм, но и еще несколько. Все сделали, чтобы он производил хорошее впечатление, — да только он своим смехом все портит и отпугивает людей.

— Так и есть, — сказал мужчина насмешливо. — Не пойму только, почему вы, уважаемая, посвящаете этого господина во все наши секреты, да еще и так навязчиво, потому что он их знать не хочет. Не видите разве, он о своем задумался.

К. совершенно не хотелось противоречить: у девушки наверняка были добрые намерения, — возможно, она старалась его отвлечь и дать ему прийти в себя, но способ она выбрала для этого неудачный.

— Я хотела объяснить ему ваш смех, — сказала девушка. — Довольно, кстати, обидный.

— Думаю, он простит мне и более тяжкие обиды, если я его наконец выведу.

К. ничего не сказал и даже не смотрел на них, а лишь терпел эти разговоры о нем будто о неодушевленном предмете — пусть их. Вдруг он почувствовал на одном плече руку разъяснителя, а на втором — девушки.

— Ну, вставайте, больной, — сказал разъяснитель.

— Большое спасибо вам обоим, — сказал К. с радостным удивлением, медленно поднялся и сам постарался получше опереться на своих помощников.

— Может показаться, — прошептала девушка

на ухо К. перед тем, как они свернули в коридор, — что мне очень важно выставить разъяснителя в хорошем свете, но, поверьте, я просто говорю как есть. Сердце у него не камень. Он ведь не обязан выводить на улицу больных посетителей — и видите, все равно этим занимается. Среди нас, может, вообще нет равнодушных, мы, может, все хотим помочь, и все-таки нас, судейских, так легко обвиняют в черствости, в том, что мы никому не помогаем. Меня это так мучает.

— Не хотите ли присесть здесь на минутку? — спросил разъяснитель.

Они уже стояли в коридоре, прямо напротив обвиняемого, с которым К. недавно заговорил. К. стало немного неудобно — ведь только что он приосанивался перед этим человеком, а теперь его ведут под руки, шляпу его крутит на оттопыренном пальце разъяснитель, волосы растрепались и свисают на покрытый испариной лоб. Но обвиняемый, казалось, ничего этого не замечал. Он униженно стоял перед разъяснителем, рассеянно глядевшим в пространство поверх его головы, и извинялся за свое присутствие.

— Я знаю, — говорил он, — что решения по моим заявлениям сегодня еще не может быть. Но я все равно решил зайти — подумал, не подождать

ли здесь, ведь воскресенье, время-то у меня есть, да и не помешаю никому.

— Незачем так уж извиняться, — сказал разъяснитель. — Ваша добросовестность похвальна. Вы, конечно, напрасно занимаете здесь место, но пока вы мне не надоедаете, я не стану вам мешать внимательно следить за ходом вашего дела. Насмотришься на тех, кто относится к своим обязанностям халатно, пренебрегает ими, — и начнешь обходиться терпеливо с такими, как вы. Сядьте.

— Как он умеет общаться с посетителями! — прошептала девушка.

К. кивнул, но тут же обернулся, потому что разъяснитель спросил его:

— Не хотите ли посидеть тут~~, *рядом с обвиняемым Ротебушем*~~?

— Нет, я не хочу отдыхать.

К. сказал это со всей возможной решимостью, но на самом деле ему совсем не помешало бы присесть. Его мучило что-то вроде морской болезни — он чувствовал себя как на корабле в бурном море, ему казалось, что в доски стен бьется вода, в дальнем конце коридора ревут перехлестывающие через борт волны, а пол ходит ходуном, качая вверх-вниз посетителей и слева, и справа.

Тем непостижимее было спокойствие девушки и мужчины, которые его вели. К. был полностью в их власти: отпусти они его — рухнет как бревно. Они стреляли туда-сюда маленькими глазками; К. ощущал их размеренный шаг, но не мог идти в ногу — его почти несли. Наконец он заметил, что они говорят с ним, но не понимал слов, слыша только наполнявший все помещение шум, похожий на сирену, воющую на одной высокой ноте.

— Громче, — прошептал он, повесив голову от стыда: он знал, что они говорят достаточно громко, просто он их не понимает. И тут, словно стена разверзлась перед ним, он наконец почувствовал, как в лицо ему ударила струя свежего воздуха, и услышал рядом голос:

— Сначала хочет уйти, а потом хоть сто раз ему повтори, что вот он, выход, — и с места не сдвинется.

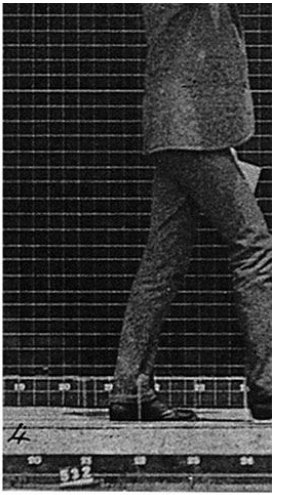
К. заметил, что стоит перед выходом на лестницу и девушка открыла ему дверь. К нему словно разом вернулись силы для глотка свободы; он тут же шагнул на первую ступеньку лестницы и оттуда распрощался с обоими склонившимися к нему провожатыми.

— Большое спасибо, — повторял он и тряс обоим руки, пока не понял, что, привыкшие к

канцелярскому воздуху, они плохо переносят относительно свежий, струящийся с лестницы. Они едва смогли ему ответить, а девушка, возможно, лишилась бы чувств, не захлопни К. поскорее дверь.

К. постоял еще с минуту, поправил прическу, глядя в карманное зеркальце, подобрал шляпу со следующей лестничной клетки — туда, видимо, бросил ее разъяснитель — и побежал вниз по лестнице так стремительно, такими длинными скачками, даже испугался: вот ведь какой резкий перепад самочувствия! Этаких сюрпризов его довольно крепкое здоровье никогда раньше не преподносило. Неужто собственное тело взбунтовалось и готовит ему новый процесс, раз он так легко переносит старый? Он не стал сразу отбрасывать мысль о визите к врачу, но решил — и тут посторонний совет был ни к чему — как-нибудь получше, чем сегодня, проводить время по утрам в воскресенье.

Подруга г-жи Бюрстнер


4
532

В следующие несколько дней у К. никак не получалось перекинуться хоть словом с г-жой Бюрстнер. Он испробовал все возможные способы оказаться с ней рядом, но она всякий раз умело уворачивалась. С работы он шел прямиком домой, усаживался на кушетку в своей комнате и, не включая света, только и делал, что наблюдал за передней. Если мимо проходила служанка и закрывала дверь в пустую, как ей казалось, комнату, он, выждав, вставал, чтобы снова ее открыть. По утрам он вставал на час раньше, чем обычно, — вдруг получится застать г-жу Бюрстнер одну, когда она пойдет на работу. Все безрезультатно.

Тогда он написал ей и домой, и на работу письма, в которых пытался еще раз извиниться за свое поведение, предлагал любым способом искупить вину, обещал никогда не переходить границ, которые она для него установит, и просил лишь об одном — дать ему возможность еще раз с ней переговорить; ведь и с г-жой Грубах он не может пообщаться, предварительно не посоветовавшись с г-жой Бюрстнер. А в конце письма К. сообщал: в следующее воскресенье он будет весь день ждать в своей комнате знака от нее, что она готова выполнить его просьбу, или

хотя бы объяснения, почему просьба не может быть выполнена, хоть он и пообещал во всем ее слушаться. Письма не вернулись, но и ответа не последовало.

Однако в воскресенье К. получил-таки довольно недвусмысленный знак. Ранним утром он заметил в замочную скважину необычную суету в передней, которая вскоре объяснилась. Учительница французского — впрочем, она была немкой по фамилии Монтаг, — хрупкая, бледная, слегка прихрамывающая девушка, у которой раньше была своя комната, переселилась в комнату г-жи Бюрстнер. Часами она шаркала туда-сюда через переднюю: то она забыла какое-то белье, то покрывало, то книжку, и все эти вещи непременно требовалось забрать и перенести в новое жилище.

Когда г-жа Грубах принесла завтрак — она прислуживала К. сама, не позволяя служанке выполнять даже самые мелкие поручения, с тех самых пор, как его разгневала, — он не смог удержаться и впервые с того дня заговорил с ней.

— Почему сегодня такой шум в передней? — спросил он, наливая себе кофе. — Нельзя ли его прекратить? Разве обязательно делать уборку именно в воскресенье?

Хотя К. не смотрел на г-жу Грубах, он все же заметил, что та выдохнула, и, кажется, с облегчением. Даже эти строгие вопросы К. она приняла как знак прощения — или готовности ее простить.

— Никто и не делает уборку, г-н К., — сказала она. — Это г-жа Монтаг переселяется к г-же Бюрстнер и переносит свои вещи.

Тут она умолкла, дожидаясь, как К. это воспримет и разрешит ли он ей продолжать. К., однако, решил выдержать паузу и задумчиво помешивал ложечкой кофе. Наконец он поднял на нее глаза и сказал:

— Вы уже избавились от ваших прежних подозрений относительно г-жи Бюрстнер?

— Г-н К.! — воскликнула г-жа Грубах, похоже ожидавшая этого вопроса, и умоляюще сложила руки. — Вас так задело то случайное замечание! У меня и в мыслях не было обижать ни вас, ни кого-то еще. Вы ведь меня достаточно давно знаете, г-н К., чтобы в этом не сомневаться. Вы даже не представляете, как я мучилась в эти несколько дней ~~*из-за того, что вы обо мне дурно подумали*~~. Выходит, я оклеветала свою квартирантку! И вы, г-н К., так считаете! И даже предложили мне вас выселить! Выселить — вас!

Тут она задохнулась от слез, закрыла глаза передником и громко всхлипнула.

— Ну, не плачьте, г-жа Грубах, — сказал К. и отвернулся к окну. Он думал лишь о г-же Бюрстнер и о том, что она взяла к себе в комнату чужую девушку. — Не плачьте же, — повторил он, снова обернувшись к ней и увидев, что она продолжает рыдать. — Я тоже ничего такого ужасного в виду не имел. Выходит, мы друг друга не поняли. Это и между старыми друзьями случается.

Г-жа Грубах отняла передник от глаз, чтобы убедиться, что К. и в самом деле настроен на примирение.

— Всего лишь недоразумение, — сказал К. и, раз уж, судя по поведению г-жи Грубах, капитан ничего ей не рассказал, решился добавить: — Неужели вы и в самом деле подумали, что я стану с вами ссориться из-за малознакомой девушки?

— Вот именно, г-н К., — сказала г-жа Грубах. Почувствовав себя чуть свободнее, она тут же — вот невезение — снова неудачно высказалась: — Я все в толк взять не могла, почему это г-на К. так занимает г-жа Бюрстнер? Почему он из-за нее ругается со мной, хотя знает, что каждое его сердитое слово лишает меня сна? Ведь я сказала об этой девушке только то, что видела собственны-

ми глазами.

К. ничего на это не ответил: строго говоря, ее следовало бы сразу выставить из комнаты, но он этого не хотел и ограничился тем, что, попивая кофе, давал г-же Грубах почувствовать, что она здесь лишняя. Снаружи снова послышались шаркающие шаги г-жи Монтаг через всю переднюю.

— Слышите? — спросил К. и указал рукой на дверь.

— Да, — сказала г-жа Грубах и вздохнула. — Я хотела ей помочь и предложила помощь служанки, но она упрямая, хочет все перенести сама. Не пойму я г-жу Бюрстнер. Даже для меня такая жиличка, как г-жа Монтаг, иногда обуза, а она ее прямо в свою комнату пустила.

— Это вас волновать не должно, — сказал К. и растолок в чашке остатки сахара. — Вам-то какой от этого вред?

— Никакого, — сказала г-жа Грубах. — Так-то я даже рада, у меня освобождается комната, и я могу туда поселить моего племянника, капитана. Я уже давно, с тех пор, как мне пришлось его поселить в гостиной, по соседству с вами, боюсь, что он вам мешает. Он не очень-то внимательный.

— Придет же такое в голову, — сказал К. и встал. — Ничего подобного. Вы решили, что я

слишком чувствительный, и лишь потому, что я не переношу этих блужданий г-жи Монтаг… Вот, опять идет!

Г-жа Грубах совсем растерялась.

— Может быть, г-н К., мне сказать ей, чтобы она попозже закончила переезд? Если хотите, скажу сейчас же.

— Но ей же надо переехать к г-же Бюрстнер!

– ~~Ну~~ да, — сказала г-жа Грубах, не вполне понимая, к чему клонит К.

— Ну вот, — сказал К., — значит, ей надо перенести вещи.

Г-жа Грубах лишь кивнула. Эта ее молчаливая беспомощность, со стороны выглядевшая как упрямство, лишь сильнее раздражала К. Он принялся расхаживать от окна к двери и тем самым отнял у г-жи Грубах возможность ретироваться, как она, вероятно, собиралась.

Только К. подошел к двери, как в нее постучали. Это пришла служанка — доложить, что г-жа Монтаг хотела бы переговорить с г-ном К. и просит его пройти в столовую, где она уже ожидает. К. задумчиво выслушал служанку, а затем перевел слегка насмешливый взгляд на перепуганную г-жу Грубах. Этим взглядом он как бы показывал, что давно предвидел это приглашение г-жи Мон-

таг и что оно отлично вписывается в картину мучений, которые он вынужден претерпевать этим воскресным утром от жильцов г-жи Грубах. Он отослал служанку с ответом, что сейчас придет, подошел к платяному шкафу, чтобы сменить пиджак, а в ответ на бормотание г-жи Грубах об этой несносной жиличке попросил лишь унести посуду, оставшуюся от завтрака.

— Но вы же почти ни к чему не притронулись, — сказала г-жа Грубах.

— Да унесите же, — крикнул К., который во всем ощущал непрошеное присутствие г-жи Монтаг, вызывавшее у него смутное отвращение.

Проходя через переднюю, он оглянулся на закрытую дверь комнаты г-жи Бюрстнер. Но пригласили его не туда, а в столовую, и он распахнул нужную дверь без стука. Это была длинная, но узкая комната с одним окном. В ней едва хватило места, чтобы поставить по обе стороны от входа, под углом к стене, два буфета, а почти все остальное пространство от двери до большого окна занимал длинный обеденный стол, из-за которого к окну было почти не подобраться. Стол был уже накрыт на много персон, поскольку в воскресенье почти все жильцы обедали именно здесь.

Когда К. вошел, г-жа Монтаг двинулась ему навстречу от окна, обходя разделявший их стол. Они молча кивнули друг другу вместо приветствия.

— Не уверена, что вы знаете, кто я такая, — сказала г-жа Монтаг, по обыкновению держа голову неестественно прямо. К. сощурился на нее:

— Конечно, знаю, — сказал он. — Вы ведь уже давно живете у г-жи Грубах.

— Вас, по-моему, не очень заботит, что происходит в пансионе, — сказала г-жа Монтаг.

— Не очень, — сказал К.

— Не хотите ли присесть? — сказала г-жа М. Оба молча выдвинули стулья на ближнем конце стола и уселись друг напротив друга. Г-жа Монтаг, однако, тут же снова встала — она забыла на подоконнике сумочку, и ей пришлось хромать через всю комнату. Слегка покачивая сумочкой, она вернулась и сказала:

— Я хотела только коротко переговорить с вами по поручению моей подруги. Она собиралась сама прийти, но сегодня ей немного нездоровится. Подруга просила передать извинения и просьбу выслушать вместо нее меня. Она и сама сказала бы вам то же самое, что скажу я. Впрочем, думаю, я могу сказать даже больше, поскольку я лицо относительно незаинтересованное.

— Вы так считаете? — спросил К. громче, чем следовало бы, и наклонился вперед.

— Об этом я и хочу сейчас поговорить, — сказала г-жа Монтаг. — Берта такая чувствительная, что даже мне, своей лучшей подруге, в некоторых вещах не готова открыться. Потому я толком не знаю, о чем речь. Но, возможно, в этом и нет никакой необходимости.

— А есть ли о чем говорить? — спросил К., которому надоело, что она не сводит глаз с его губ, как бы взяв под контроль то, что он собирается сказать. — Г-жа Бюрстнер, очевидно, отказывает мне в личной беседе, о которой я ее попросил.

— Выходит, что так, — сказала г-жа Монтаг, — то есть на самом-то деле вовсе не так, вы выразились слишком резко. Вообще-то ни в каких беседах вам не отказано, хотя и согласия не давалось. Просто в некоторых случаях, возможно, беседы не нужны — и тут как раз такой случай. Теперь, после вашего замечания, я могу уже говорить прямо. Вы, *если я правильно поняла,* попросили мою подругу об общении — письменном или устном. И вот моя подруга, по крайней мере насколько я знаю, осведомлена о предмете этого разговора и по причинам, которые мне неизвестны, убеждена, что если бы этот разговор состоялся, то это никому не

принесло бы пользы. ~~*Само по себе это известие, может, мне и не следовало бы сообщать вам прямо.*~~ Она мне рассказала обо всем этом только вчера и к тому же мимоходом, заметив при этом, что вам и самому этот разговор не очень-то нужен, что вам только по случайности пришла в голову такая мысль и что вы бы сами без лишних объяснений, хотя, может быть, и не так скоро, осознали бессмысленность всего этого. Я ответила, что ради полной ясности, на мой взгляд, было бы правильно, чтобы вы услышали однозначный ответ. Я предложила сама исполнить это поручение, и после некоторых колебаний моя подруга дала согласие. Но я надеюсь, что и вам тоже оказала услугу, — ведь малейшая неопределенность даже в самом незначительном деле ужасно мучительна, и если ее можно так легко устранить, как в этом случае, то это только к лучшему.

— Благодарю вас, — тут же ответил К.

Затем он медленно поднялся, посмотрел на г-жу Монтаг, на стол, в окно — ~~*там развиднелось,*~~ соседний дом освещало солнце — и пошел к двери. Г-жа Монтаг сделала пару шагов ему вслед, словно не вполне ему доверяла. Перед дверью, однако, обоим пришлось отступить, потому что она открылась и вошел капитан Ланц. К. впервые

видел его так близко. Это был высокий мужчина лет сорока с загорелым мясистым лицом. Он слегка поклонился, приветствуя обоих, затем подошел к г-же Монтаг и почтительно поцеловал ей руку. В его движениях ощущалась сноровка, а вежливое обращение с г-жой Монтаг резко контрастировало с тем, как только что обошелся с ней К. Но г-жа Монтаг, казалось, не рассердилась на К.: ему показалось даже, что она хочет представить его капитану. К., однако, не хотел быть представленным: он был не в состоянии мило беседовать ни с г-жой Монтаг, ни с капитаном. То, как он поцеловал ей руку, связало их для К. в группу, пытающуюся под внешне безобидным предлогом и якобы бескорыстно отдалить его от г-жи Бюрстнер.

К. казалось, что он разгадал и эту цель, и то удачное, обоюдоострое средство, которое выбрала для ее достижения г-жа Монтаг. Она преувеличивала значение отношений между г-жой Бюрстнер и К. и особенно преувеличивала важность разговора, о котором он попросил, — но вместе с тем старалась так повернуть дело, будто это как раз он все преувеличивает. Тут она, конечно же, просчиталась — К. ничего преувеличивать не собирался, он-то знал, что г-жа Бюрстнер всего

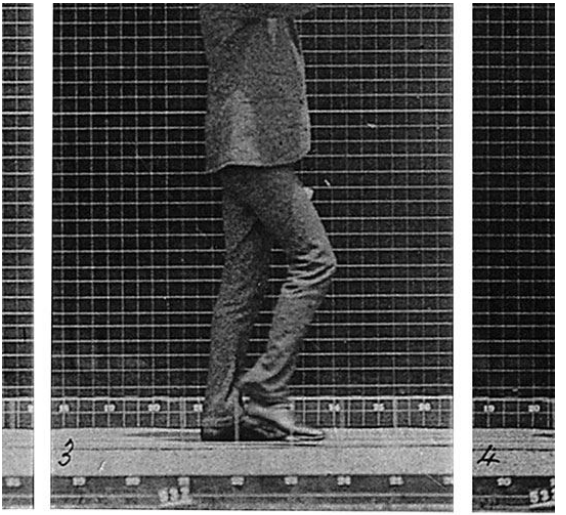
лишь машинисточка и недолго сможет ему противиться. Он намеренно не принимал в расчет то, что узнал о г-же Бюрстнер от г-жи Грубах.

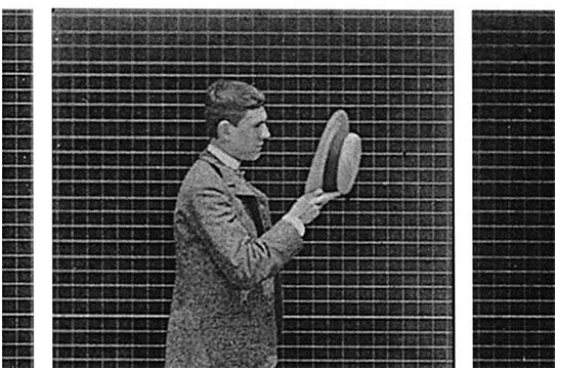
Занятый этими мыслями, он, едва кивнув на прощание, двинулся прочь, намереваясь сразу идти к себе. Но хихиканье г-жи Монтаг, которое он услышал у себя за спиной, в столовой, навело его на мысль устроить обоим — и капитану, и г-же Монтаг — сюрприз. Он огляделся по сторонам, прислушался, не помешает ли ему кто из соседей, — нет, везде тишина, слышны были только разговор из столовой да голос г-жи Грубах из коридора, ведущего в кухню. Ситуация казалась благоприятной, так что К. подошел к двери комнаты г-жи Бюрстнер и тихо постучал. Поскольку за дверью не слышно было ни шороха, он постучал снова — и снова не получил ответа. Спит? Или ей в самом деле нездоровится? Или нарочно не откликается только потому, что знает — никто, кроме К., не может так тихо к ней стучаться? К. решил, что она нарочно не откликается, постучал сильнее — безуспешно — и, наконец, с неприятным чувством, что делает нечто неправильное и бесполезное, отворил дверь.

В комнате никого не было. Ничто здесь не напоминало знакомую К. обстановку. У стены стояли

теперь две кровати, одна за другой, три кресла рядом с дверью были завалены одеждой и бельем, дверцы шкафа — распахнуты. Г-жа Бюрстнер, вероятно, ушла, пока г-жа Монтаг уговаривала К. в столовой. К. это не слишком расстроило — он и не ожидал, что ему так легко удастся встретиться с г-жой Бюрстнер, и предпринял эту попытку только назло г-же Монтаг. Тем унизительнее было для него, закрывая дверь, увидеть на пороге столовой г-жу Монтаг и капитана, продолжавших беседу. Возможно, они стояли там с тех пор, как К. открыл дверь; они не показывали вида, что наблюдают за ним, и посматривали на него лишь изредка, словно бы рассеянно глядя по сторонам, как люди часто делают во время разговора. К. вжался в стену и, поспешно удаляясь в свою комнату, чувствовал на себе тяжесть этих взглядов.

Порщик


3
4



В один из следующих вечеров К. покидал работу почти последним — только в экспедиции трудились еще два мелких клерка в маленьком круге света от настольной лампы — и, проходя по коридору между своим кабинетом и главной лестницей, услышал стоны за одной из дверей, за которой, как он раньше думал, хоть ни разу и не открывал эту дверь, помещался чулан. К. остановился в удивлении и прислушался, чтобы убедиться, что не ошибся. Несколько секунд было тихо, потом стоны возобновились. Сперва он хотел позвать одного из экспедиторов — возможно, понадобится свидетель, — но потом его охватило такое неудержимое любопытство, что он чуть не сорвал дверь с петель. За дверью оказался, как он и предполагал, чулан. За порогом валялись негодные старые бланки, перевернутые глиняные бутылки из-под чернил. В каморке, однако, находились три мужчины, согнувшихся, чтобы не биться головами о низкий потолок. Свет давала прикрепленная к полке свеча.

— Вы что тут вытворяете? — тихо, но нервно выпалил К.

Один из мужчин, который явно был здесь за старшего, первым притягивал к себе взгляд. На нем была какая-то темная кожаная одежда с глу-

боким вырезом на груди и совсем без рукавов. Он не ответил. Но двое других закричали:

— Ваша милость! Нас приказано выпороть, потому что ты нажаловался на нас следственному судье!

Только сейчас К. и в самом деле узнал в них надзирателей Франца и Виллема и заметил, что у третьего в руке розга, которой он собирается их пороть.

— Ну, — начал К., выпучив на них глаза, — вообще-то я не жаловался, я только рассказал, как все вышло у меня на квартире. И вы, чего уж там, вели себя небезупречно.

— Эх, ваша милость, — сказал Виллем. Тем временем Франц пытался спрятаться за ним от третьего. — Знали бы вы, как нам мало платят, не судили бы нас так строго. Мне семью кормить надо, а Франц, тот жениться собирался. Приходится вертеться, одной работой не проживешь, как ни старайся, ну и позарился на ваше тонкое бельишко — так, конечно, нельзя, запрещено это надзирателям, но такова уж традиция, что белье надзирателям достается, так всегда было, уж поверьте мне. Я все понимаю, кому не повезло угодить под арест, тем на такие вещи не наплевать. Но стоит им нажаловаться, и наказания уже

не избежать.

— То, что вы сейчас говорите, было мне неизвестно, и я ни в коем случае не требовал для вас наказания, речь шла только о принципе.

— Франц, — Виллем повернулся к другому надзирателю, — я же тебе говорил, что этот господин не требовал для нас наказания. Слыхал — он и ведать не ведал, что нас должны будут наказать.

— Не позволяй им тебя разжалобить, — сказал третий, обращаясь к К. — Наказание и справедливо, и неизбежно.

— Не слушайте его, — сказал Виллем и тут же получил по руке розгой. Он на секунду поднес руку к губам и продолжал: — Нас наказывают только потому, что ты на нас донес. Иначе нам ничего бы не было, даже если бы они все про нас узнали. Разве это справедливо? Мы оба, особенно я, надзиратели с большим опытом — ты и сам подтвердишь, что свою службу мы несли исправно. Мы тоже надеялись на повышение и наверняка стали бы порщиками, как он, ему просто повезло, что на него никто не донес, — такие доносы вообще-то большая редкость. А теперь, хозяин, всему конец, вся карьера насмарку — останется нам только самая паршивая работенка вроде надзора, да к тому же выпорют нас ой как больно.

— Что же, эти розги и правда бьют так больно? — спросил К. и потрогал розгу, которой помахивал перед ним порщик.

— Нам придется раздеться догола, — сказал Виллем.

— Вот как, — сказал К., вглядываясь в открытое, свирепое, загорелое дочерна, как у матроса, лицо порщика. — Нет ли возможности избавить этих двоих от порки?

— Нет, — сказал порщик и смеясь покачал головой. — Раздевайтесь, — приказал он надзирателям и добавил, обращаясь к К.: — Зря ты им так веришь. Они со страху чуток ослабели рассудком. То, что этот вот, — он указал на Виллема, — рассказывал тут про свою будущую карьеру, просто курам на смех. Смотри, какой он жирный — такой жир не сразу и розгой прошибешь. А знаешь, с чего он так разжирел? Завел привычку у всех арестованных завтрак сжирать. Твой разве не слопал? Ну, вот видишь. Так вот, с таким пузом порщиком нипочем не стать, никогда, об этом и думать нечего.

— Есть и такие порщики, — сообщил Виллем, расстегивая ремень.

— Нет, — сказал порщик и так сильно ударил его розгой по шее, что тот весь сжался. — Тебе не

подслушивать надо, а раздеваться.

— Я тебе хорошо заплачу, если ты их отпустишь, — сказал К. и вынул кошелек, не глядя на порщика: такие делишки лучше всего обделывать с опущенными глазами.

— Хочешь и на меня донести и мне тоже порку обеспечить? Нет уж.

— Ну подумай сам, — сказал К., — если бы я хотел, чтобы этих двоих наказали, разве бы я пытался их сейчас выкупить? Я мог бы просто закрыть эту дверь, притвориться, что ничего не видел и не слышал, и пойти домой ~~— *это, может, было бы и разумней*~~. Но я же так не делаю, значит, кроме шуток хочу, чтобы их отпустили. Если бы я знал или хотя бы предполагал, что им грозит наказание, я бы не назвал их имен. И вообще я не считаю их виноватыми, виновна сама организация, виновны вышестоящие чиновники.

— Так и есть, — закричали надзиратели и тут же получили розгой по уже обнаженным спинам.

— Будь под твоей розгой важный судья, — сказал К., схватившись за розгу, которую порщик хотел было снова поднять, — я бы тебе точно не мешал его охаживать, я бы тебе даже денег заплатил, чтобы ты старался получше для хорошего дела.

— Звучит правдоподобно, — сказал порщик, — но меня не купишь. Моя работа — пороть, я и порю.

Одетый теперь в одни брюки надзиратель Франц, который — возможно, в надежде, что вмешательство К. принесет плоды, — до сих пор вел себя тихо, подполз на коленях к двери, повис на руке у К. и зашептал:

— Не можешь добиться, чтобы нас обоих пощадили, спаси хотя бы меня. Виллем постарше, он не такой чувствительный, да его уже и пороли разок пару лет назад, хоть и не сильно, а у меня пока такого позора не было. К тому же это Виллем меня на все подговорил, он мой наставник и в хорошем, и в плохом. Моя бедная невеста ждет меня у выхода из банка, мне так стыдно, просто кошмар.

И он вытер залитое слезами лицо о пиджак К.

— Все, хватит тянуть, — сказал порщик, взял розгу обеими руками и стегнул Франца. Виллем тем временем забился в угол и ~~*с гримасой ужаса на лице*~~ тайком подсматривал, не осмеливаясь повернуть голову. Раздался вой, протяжный и монотонный, словно он исходил не из глотки Франца, а из терзаемого кем-то музыкального инструмента. Звуки разнеслись по всему коридору

и наверняка были слышны повсюду в здании.

— Перестань орать! — крикнул К. Он не смог удержаться и, неотрывно глядя в ту сторону, откуда должны были прибежать экспедиторы, оттолкнул Франца — не резко, но все же с достаточной силой, чтобы обезумевший надзиратель рухнул на пол, судорожно шаря руками вокруг себя. От порки, однако, это его не избавило — розга находила его и лежачего, и пока он извивался под ударами, она продолжала мерно подниматься и опускаться.

Но вот вдали показался один из экспедиторов, а в нескольких шагах за ним и второй. К. захлопнул дверь, подошел к ближайшему окну и открыл его. Вопли совершенно прекратились. Чтобы экспедиторы не подходили ближе, он крикнул им:

— Это я.

— Добрый вечер, господин старший управляющий, — услышал он в ответ. — Что-то случилось?

— Нет-нет, — ответил К., — это только собака воет во дворе.

Поскольку экспедиторы не тронулись с места, он добавил: — Можете продолжать работу.

Чтобы избежать разговора с экспедиторами, он высунулся в окно. Оглянувшись через некоторое время, он уже не увидел их в коридоре. К., однако,

остался у окна: вернуться в чулан он не осмеливался, домой тоже не хотелось. Он смотрел в окно на маленький четырехугольный дворик. Все окна окружающих административных зданий были уже темны, только верхние из них ловили отблески луны. К. напряженно всматривался в темный угол двора, где были составлены одна к другой несколько ручных тележек.

Его мучило, что не удалось помешать порке, но в этом не было его вины: если бы Франц не закричал — ну да, конечно, ему было больно, но в решающие моменты нужно держать себя в руках, — если бы он не закричал, К., весьма вероятно, еще нашел бы способ отговорить порщика. Если все нижестоящие чиновники такой сброд, с чего бы тому, кто выполняет самую жестокую работу, быть исключением? К тому же К. отлично разглядел, как зажглись глаза порщика при виде банкноты: наверняка он так серьезно взялся за порку лишь для того, чтобы выманить взятку побольше. К. не стал бы экономить, ему и в самом деле хотелось освободить надзирателей; раз уж он начал борьбу с разложением суда, очевидно, что нужно зайти и с этой стороны.

Но в то мгновение, когда Франц завыл, все, естественно, было кончено. К. не мог допустить,

чтобы экспедиторы и, возможно, еще всякие другие люди сбежались и застали его за торгом с этой компанией в чулане. Такой жертвы никто не мог требовать от К. Будь он к ней готов, было бы, пожалуй, проще самому раздеться и предложить порщику наказать его, а не надзирателей. А порщик такую замену точно не принял бы — она ему ничего не даст, это будет просто грубое нарушение служебных инструкций. *~~К. был уверен, что порщик отверг бы такое предложение, даже если бы оно сопровождалось подкупом~~*. Нарушение было бы вдвое серьезнее из-за того, что, находясь под следствием, К. должен быть неприкосновенен для всех служащих суда. Впрочем, тут могли действовать и какие-то особые инструкции. В любом случае К. ничего не оставалось, как захлопнуть дверь, хотя и это не спасало его от всех возможных опасностей. То, что он под конец толкнул Франца, было достойно сожаления и могло быть оправдано лишь его возбужденным состоянием.

Вдалеке раздались шаги экспедиторов; чтобы его не заметили, он закрыл окно и направился к главной лестнице. У двери в чулан ненадолго задержался и прислушался. Было тихо. Уж не запорол ли этот тип надзирателей до смерти?

Они ведь были полностью в его власти. К. уже протянул руку к дверной ручке, но тут же снова отдернул. Никому было уже не помочь, а экспедиторы приближались; впрочем, он похвалил себя за то, что не побоялся, насколько было в его силах, возвысить голос и потребовать заслуженного наказания для настоящих виновных, высших чиновников, ни один из которых еще не показался ему на глаза. Спускаясь с крыльца банка, он всматривался в лица всех прохожих, но нигде поблизости не обнаружил девушки, которая выглядела бы так, будто кого-то ждет. Слова Франца о том, что его ждет невеста, оказались ложью — впрочем, вполне извинительной и имевшей целью лишь пробудить сочувствие.

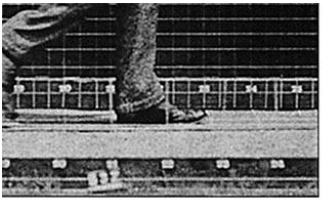
На следующий день надзиратели по-прежнему не шли у К. из головы. На работе он был рассеян, и ему пришлось задержаться в банке даже дольше, чем вчера, чтобы, взяв себя в руки, все успеть. По дороге домой, вновь проходя мимо чулана, он, словно по привычке, открыл дверь, ожидая увидеть за ней темноту, — и не поверил своим глазам. Ничего не изменилось, все было так же, как вчера вечером, когда он в прошлый раз распахнул дверь. Сразу за порогом — старые бланки и бутылки из-под чернил, порщик с розгой, все

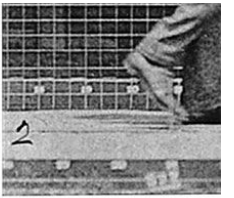
еще полностью одетые надзиратели, свеча на полке. Надзиратели принялись жаловаться и кричать: «Ваша милость!» К. немедленно захлопнул дверь, а заодно стукнул по ней кулаком, будто от этого она закрылась бы плотнее. Чуть не плача, он подбежал клеркам, спокойно работавшим у копировальной машины. Те удивленно обернулись.

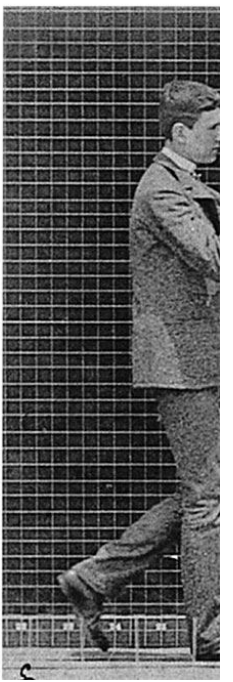
— Приберитесь уже наконец в чулане, — выкрикнул он. — Утопаем в грязи!

Клерки готовы были взяться за уборку на следующий день. К. кивнул — в такой поздний час он уже не мог заставить их работать, как поначалу собирался. Он недолго посидел с ними, чтобы не выпускать их из виду, разложил вокруг несколько копий, пытаясь изобразить, будто их проверяет, и наконец ушел, когда понял, что клерки, усталые и отупевшие, не осмелятся отправиться по домам одновременно с ним.

Прокурор




2



Хотя за долгие годы службы в банке К. ~~хорошо~~ изучил и людей, и жизнь, он все же уважительно прислушивался к завсегдатаям пивной, с которыми проводил вечера за одним столом, и всегда признавал, что принадлежность к такой компании — большая честь для него. Компания состояла почти исключительно из судей, прокуроров и адвокатов; допущены были и несколько совсем молодых чиновников и помощников адвокатов, но они сидели на дальнем конце стола и не могли вмешиваться в обсуждение, пока их специально не спросят. Спрашивали их, однако, в основном с целью позабавить компанию. Прокурор Хастерер, обычно сидевший рядом с К., особенно любил ставить молодых в неудобное положение. Когда он клал большую волосатую руку на середину стола и поворачивался к сидящим за дальним концом, воцарялась тишина. И если тот, кого спрашивал Хастерер, не понимал сути вопроса, задумчиво смотрел в пивную кружку, хватал ртом воздух вместо ответа или, что позорнее всего, высказывал неверное или далекое от принятого в компании суждение, старики поворачивались друг к другу с улыбкой — и только в такие моменты, казалось, чувствовали себя уютно. По-настоящему серьезные профессиональные

разговоры оставались их исключительной привилегией.

К. привел в эту компанию юрисконсульт банка. В свое время К. завел привычку вести с этим адвокатом долгие разговоры, затягивавшиеся до позднего вечера. Как-то само собой вышло, что они стали ужинать вместе за этим столом, и компания пришлась ему по душе. Он встретил здесь хорошо образованных, уважаемых, в определенном смысле могущественных людей, чей досуг заключался в поиске ответов на трудные, имеющие лишь отдаленное отношение к обыденной жизни вопросы: так они пытались отрешиться от повседневных забот. Сам он, правда, мало что мог добавить по ходу обсуждения, зато получил возможность узнать много таких вещей, которые рано или поздно пригодились бы ему в банке, и попутно обзавестись личными связями в суде — уж они-то никогда не помешают.

Впрочем, и компания приняла К. хорошо. Вскоре его признали специалистом в деловой сфере, и его суждения по этому поводу хоть и воспринимались не без доли иронии, все же считались окончательными. Нередко двое споривших о каком-нибудь юридическом казусе ~~*из области торгового права*~~ интересовались, как смотрит К.

на фактическую сторону дела, а потом его имя так и склоняли во всех аргументах и контраргументах, чем далее, тем более абстрактных, так что и сам К. уже за ними не поспевал. Постепенно, однако, многое для него прояснилось, и особенно потому, что рядом с ним оказался отличный советчик в лице прокурора Хастерера, проявлявшего к нему дружеское расположение. Часто К. даже провожал его, взяв под руку, ночью до дома. Правда, идти шаг в шаг с непривычным к этому великаном, под чьим пальто он легко мог бы спрятаться, ему удавалось недолго.

Со временем они так сблизились, что разница в образовании, профессии и возрасте стерлась. Они общались будто на равных, и если кто-то иногда и главенствовал в их отношениях, то не Хастерер, а сам К., поскольку часто оказывался прав благодаря практическому опыту, приобретенному непосредственно в деле, а не в юридических спорах.

Их дружбу, конечно, скоро заметили все завсегдатаи, и стало забываться, кто ввел К. в компанию, — теперь он был как бы под защитой Хастерера; если бы кто-то усомнился в его праве здесь находиться, он мог бы без опасений сослаться на прокурора. Так он оказался в особенно

привилегированном положении: ведь Хастерера в равной мере уважали и побаивались. Нет, сила и гибкость его юридического мышления вызывали восхищение, но в этом отношении многие ему как минимум не уступали. Однако никто не защищал своих позиций с такой воинственностью, как прокурор. У К. сложилось впечатление, что если Хастерер не мог переубедить оппонента, то старался его по меньшей мере запугать: один только его указующий перст многих заставлял буквально отпрянуть. И оппонент словно забывал, что находится в компании добрых знакомых и коллег, что речь всего лишь о теоретических вопросах, что ничего дурного с ним случиться не может, и замолкал, осмеливаясь самое большее покачать головой. Особенно неприятными бывали сцены, когда оппонент сидел далеко от Хастерера и тот, убедившись, что на таком расстоянии сближение позиций невозможно, отталкивал от себя тарелку с едой и медленно поднимался, чтобы рассмотреть собеседника. Сидевшие по соседству тогда откидывались на спинки стульев, чтобы удобнее было наблюдать за лицом прокурора. Впрочем, такое случалось относительно редко: у Хастерера вызывали возбуждение только юридические вопросы, и в

первую очередь имеющие отношение к процессам, в которых он сам некогда участвовал. Когда такие вопросы не обсуждались, он был дружелюбен, спокоен, вежлив и улыбчив, а его страстная натура прорывалась наружу лишь в поглощении еды и употреблении напитков. Случалось даже, что он, не участвуя в общей беседе, оборачивался к К., клал руку на спинку его кресла и вполголоса расспрашивал его о банковских делах, а потом рассказывал о своей работе или об отношениях с женщинами, занимавших его не меньше, чем судебные процессы. Ни с кем другим в компании прокурор так не общался, так что если кто-то хотел его о чем-то попросить — например, помочь наладить отношения с коллегой, — то обращался сперва к К. и просил его о посредничестве, которое тот всегда охотно и без затруднений оказывал. Он вообще не злоупотреблял своей близостью к Хастереру, всегда держался вежливо и скромно — но, что еще важнее, прекрасно представлял себе иерархию в компании и вел себя с каждым сообразно его положению. Хастерер постоянно углублял его познания в этой области: правила неофициальной субординации были единственными, которые сам прокурор не нарушал даже во время самой жаркой дискуссии. Поэтому и к

молодым людям в дальнем конце стола, не обладавшим почти никаким статусом, он обращался лишь ко всем сразу, словно это были не отдельные личности, а слепленная в комок однородная масса. Но именно эти господа оказывали ему наибольшее уважение, и когда в одиннадцать часов он поднимался с места, чтобы идти домой, кто-то из них сразу подавал ему тяжелое пальто, а другой с низким поклоном открывал перед ним дверь — и, конечно, придерживал ее, когда следом за Хастерером выходил и К.

Первое время К. провожал Хастерера — или, наоборот, Хастерер К. — не до самого дома, но потом вечера стали заканчиваться для К. приглашением в квартиру Хастерера. Там они сидели еще часок за ~~*хорошим*~~ шнапсом, покуривая ~~*хорошие*~~ сигары. Эти вечерние посиделки так нравились Хастереру, что он не отказывался от них даже в те несколько недель, когда с ним жила женщина по имени Хелена — полная, немолодая, с желтоватой кожей и черными вьющимися волосами. К. сперва видел ее только в постели, где она совершенно бесстыдно валялась, читая роман-фельетон и не обращая внимания на мужские разговоры. Лишь когда становилось поздно, она потягивалась, зевала и, убедившись в невозможности привлечь

к себе внимание иным способом, запускала в Хастерера своим чтивом. Тогда он вставал смеясь из-за стола, и К. пора было прощаться. Но потом, когда Хастерер начал уставать от Хелены, она стала всерьез мешать их посиделкам. Теперь она дожидалась мужчин полностью одетая, обычно в платье, которое она, видимо, находила очень изысканным и нарядным. На самом деле это было старое, перегруженное деталями бальное платье, выглядевшее особенно нелепо из-за нескольких рядов декоративной бахромы. К. не очень хорошо запомнил платье: он вообще избегал смотреть на Хелену и часами сидел потупившись, пока она прохаживалась вразвалку по комнате, садилась с ним рядом и даже пыталась от отчаяния, когда ее положение совсем пошатнулось, оказывать К. знаки внимания, чтобы заставить Хастерера ревновать. От отчаяния, а не со зла наклонялась она над столом, показывая К. обнаженную спину, круглую и жирную, и приближая к нему лицо в надежде заставить его поднять глаза. Добилась она лишь того, что К. стал уклоняться от визитов к Хастереру: когда он все же посетил его через некоторое время, Хелена была уже окончательно отослана прочь. К. принял это как само собой разумеющееся. В тот вечер они особенно долго

просидели вдвоем — Хастерер хотел брататься, и домой К. шел в легком тумане от выкуренного и выпитого.

На следующее утро директор банка заметил по ходу делового разговора, что, кажется, видел К. вчера вечером — и, если он не ошибается, под руку с прокурором Хастерером. Директор, похоже, нашел это столь необычным, что запомнил — впрочем, со свойственным ему особенным педантизмом — даже церковь неподалеку от фонтана, возле которой произошла эта встреча. Он будто описывал мираж. Тут К. объяснил ему, что они с прокурором друзья и действительно проходили вчера мимо церкви. Директор удивленно улыбнулся и предложил ему сесть.

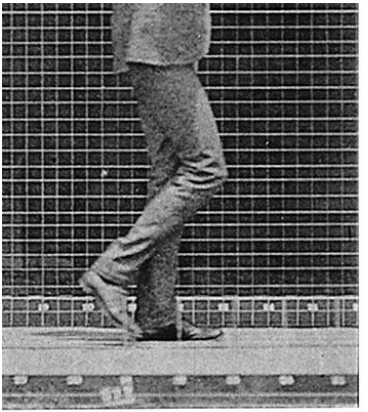
Это было одно из тех мгновений, за которые К. любил директора: этот ослабленный болезнью, вечно кашляющий и перегруженный ответственной работой человек показал, что ему небезразличны благополучие и будущее К. Другие служащие, которые сталкивались с тем же, считали такие проявления заботы холодными и поверхностными: это казалось им просто удобным способом за счет каких-то двух минут заручиться на годы вперед лояльностью ценного сотрудника, — но, как бы то ни было, К.

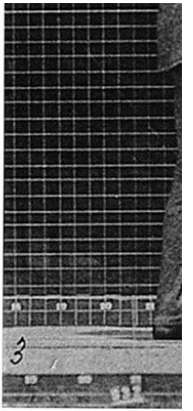
в такие мгновения чувствовал себя человеком директора.

Возможно, дело в том, что директор говорил с К. несколько иначе, чем с другими. Он не то чтобы забывал о своем высоком положении, чтобы пообщаться с ним по-простому, — такое постоянно случалось при обычных разговорах по работе; нет, он словно не помнил, какую должность занимает К., и говорил с ним как с ребенком или как с несмышленым юношей, который только пытается получить место и по какой-то непонятной причине вызывает у директора симпатию. Конечно, К. не стал бы терпеть такое обращение ни от кого, даже от начальства, если бы директорская заботливость не казалась ему искренней или если бы он не был полностью очарован этой заботой как таковой и тем, что директор выказывает ее в подобные мгновения. К. признавал свою слабость. Возможно, в нем и правда сохранилось что-то детское, ведь он не знал отцовского внимания: его отец умер молодым, и К. рано покинул родительский дом, а нежность матери — теперь уже полуслепой, жившей все в том же совсем не изменившемся городке, где он в последний раз был два года назад, — он скорее отвергал, чем стремился вызвать.

— А я и не знал об этой дружбе, — сказал директор, и только слабая доброжелательная улыбка сгладила строгость этих слов.

К Эльзе




3

Однажды вечером, прямо перед уходом с работы, К. позвонили и потребовали, чтобы он сейчас же явился в канцелярию суда, а затем предупредили о последствиях неповиновения. Все его возражения, что допросы бессмысленны, не приносят результата и принести не могут, что он не придет, что не станет обращать внимания ни на телефонные, ни на письменные приглашения, а посыльных вышвырнет за дверь, не подействовали, но ему было сказано, что его протесты заносятся в протокол и уже немало ему навредили. Почему, собственно, он не желает смириться? Разве он не видит, что в его запутанном деле пытаются навести порядок, тратя на него время и деньги? Намерен ли он злостно чинить этому препятствия и тем вызвать необходимость в мерах принуждения, от которых он до сих пор был избавлен? Сегодняшнее приглашение, сказали ему, — последняя попытка. Пусть делает что хочет, но помнит, что высокий суд не потерпит неуважения.

К., однако, обещал Эльзе, что зайдет этим вечером, и уже по этой причине не мог явиться в суд. Он был рад, что у него есть такое оправдание для неявки, хотя, конечно, никогда бы им не воспользовался, — кроме того, весьма вероятно, он

не пошел бы в суд, даже не имея никаких планов на вечер. Сознавая, что он в своем праве, он все же спросил звонившего, что будет, если он не придет.

— Нам известно, как найти, — был ответ.

— И что же, меня накажут, если я не явлюсь добровольно? — спросил он и улыбнулся, предвкушая ответ.

— Нет, — ответили ему.

— Превосходно, — сказал К. — В таком случае есть ли у меня хоть какая-то причина явиться сегодня по вашему вызову?

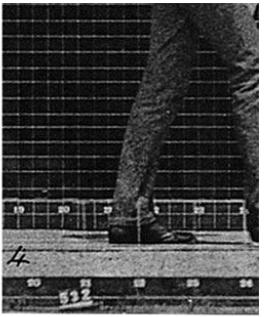
— К вам стараются не применять имеющиеся у суда меры воздействия, — произнес слабеющий и наконец совсем утративший уверенность голос.

«Если и правда стараются, это весьма неосторожно с их стороны, — думал К., уходя. — Надо бы ознакомиться с мерами воздействия». Не колеблясь он поехал к Эльзе. Уютно устроившись в углу экипажа и пряча руки в карманы пальто — уже холодало, — К. наблюдал за оживленной уличной жизнью. Не без удовольствия он размышлял, что наверняка доставляет суду немало неудобств, если суд и вправду им занимается. Он не сказал определенно, придет ли; значит, его ждет судья и, возможно, все собрание — а К.,

к разочарованию галереи, не появится. Он едет куда хочет, без оглядки на суд.

На какое-то мгновение он задумался, не назвал ли по рассеянности извозчику адрес суда, и громко прокричал ему адрес Эльзы. Извозчик кивнул — туда ему и было сказано ехать. С этого момента К. стал постепенно забывать о суде, и его, как в прежние времена, полностью поглотили мысли о работе.

Дядя. Лени


4
532

Как-то во второй половине дня — перед самым закрытием почты К. был очень занят — между двумя клерками, зашедшими к нему в кабинет с корреспонденцией, вклинился дядя Карл, мелкий землевладелец из деревни. Вид его не вызвал у К. той оторопи, которая обычно охватывала его при мысли о визите дядюшки. Дядюшка должен был рано или поздно явиться, это К. твердо знал уже с месяц. Еще тогда ему представилось, как дядюшка, слегка согнувшись и комкая панаму левой рукой, протягивает ему правую через стол, неуклюже и суетливо сметая все, что оказалось у него на пути. Дядюшка всегда спешил, одержимый страхом не успеть за один день в столице переделать все задуманные дела, а заодно стремлением не упустить ни одной возможности поболтать, провернуть какое-нибудь дельце или развлечься. В этом К., обязанный ему как бывшему опекуну, должен был всемерно помогать и к тому же пускать его на ночлег. «Сельский призрак» — так он прозвал его для себя.

Едва поздоровавшись — сесть в кресло, как предложил К., у него не было времени, — он попросил К. о коротком разговоре с глазу на глаз.

— Это необходимо, — сказал он, с усилием сглатывая слюну, — необходимо, чтобы ты меня

успокоил.

К. сейчас же отослал клерков из кабинета с указанием никого не впускать. ~~*Несмотря на свою покладистость, дядюшка тоже принялся махать на клерков руками, выгоняя их вон.*~~

— Что же я слышу, Йозеф? — воскликнул дядюшка, когда они остались одни.

Он уселся на стол и подоткнул под себя, не глядя, какие-то бумаги, чтобы удобнее было сидеть. К. молчал, зная, о чем пойдет речь, но напряжение рабочего дня его отпустило, и, придав лицу уютно-вялое выражение, он стал смотреть в окно на противоположную сторону улицы, вернее на тот ее треугольный кусочек, который был ему виден, — часть глухой стены дома между двумя витринами.

— Надо же, в окно смотрит! — воскликнул дядюшка, воздевая руки. — Ради бога, ответь же мне!

— Дядя, дорогой, — сказал К., через силу пытаясь собраться. — Понятия не имею, чего ты от меня хочешь.

— Йозеф, — сказал дядюшка укоризненно, — ты ведь, насколько я знаю, всегда говорил правду. Считать ли мне твои последние слова дурным знаком?

— Ну, я догадываюсь, к чему ты клонишь, — мягко сказал К. — Ты наверняка прослышал о моем процессе.

— Верно, — ответил дядюшка, важно кивая. — Я прослышал о твоем процессе. Эрна мне о нем написала. Ты ведь с ней не общаешься и, увы, совсем о ней не заботишься, но все же она узнала. Сегодня я получил от нее письмо и, конечно, сразу приехал. Без всяких других причин, но и этой, мне кажется, достаточно. Могу тебе прочитать ту часть письма, которая тебя касается. — Он вытянул письмо из конверта. — Вот. Она пишет: «Йозефа я давно не видела, на прошлой неделе зашла один раз в банк, но Йозеф был так занят, что меня к нему не пустили. Прождала почти час, потом пришлось идти домой, чтобы не опоздать на урок фортепиано. Я бы с удовольствием с ним поговорила, может быть, скоро и представится такая возможность. Он мне прислал на именины большую коробку шоколадных конфет, был очень мил и внимателен. Я и забыла вам в прошлый раз написать, и только сейчас, когда вы спросили, вспомнила об этом. Шоколад, как вы, наверное, знаете, исчезает в пансионе мгновенно — только подумаешь о том, что тебе подарили конфеты, а их уж и след простыл. Что

же касается Йозефа, должна вам сообщить кое о чем еще. Как я уже упомянула, в банке меня к нему не пустили, потому что он вел переговоры с каким-то господином. Молча прождав какое-то время, я спросила у какого-то клерка, долго ли еще продлятся эти переговоры. Он сказал, что, быть может, и долго, потому что речь, вероятно, идет о процессе, который ведется против г-на старшего управляющего. Я спросила, что же это за процесс и нет ли тут какой-то ошибки, однако он сказал, что никакой ошибки нет, процесс идет, и серьезный, а большего он не знает. Он и сам хотел бы помочь г-ну старшему управляющему, человеку очень хорошему и справедливому, но не знает, с чего начать, и надеется только, что влиятельные господа за него вступятся. Так, конечно, и будет, все закончится хорошо, пока же, судя по настроению г-на старшего управляющего, дело худо. Я, конечно, не придала его словам большого значения, постаралась утешить простодушного клерка, запретила ему говорить об этом с другими и решила, что все это болтовня. Но хорошо бы вам, милый папенька, выяснить побольше, когда в следующий раз будете в городе, — вам это наверняка легче, а если понадобится, вы сможете привлечь к делу ваших влиятельных знакомых.

Если же, что, вероятнее всего, не понадобится, у вас по меньшей мере будет возможность обнять дочь, чему она была бы ~~*безмерно, всем сердцем*~~ рада».

— Хорошая девочка, — сказал дядя, закончив читать вслух и смахнув слезу.

К. кивнул — он из-за всяческих хлопот в последнее время совсем забыл и об Эрне, и об ее дне рождения, а история с конфетами явно была придумана для того лишь, чтобы выгородить его перед дядей и тетей. Это было очень трогательно — за такое явно мало было театральных билетов, которые он теперь собирался регулярно ей посылать, но он сейчас не чувствовал себя в силах навещать пансион и общаться с семнадцатилетней девочкой-гимназисткой.

— И что ты теперь скажешь? — спросил дядя, который из-за прочитанного совсем позабыл о спешке и заботах и снова уткнулся в письмо.

— Да, дядя, — сказал К. — Это правда.

— Правда? — воскликнул дядя. — Что правда? Как это вообще может быть правдой? Какой такой процесс? Ведь не уголовный же?

— Уголовный, — ответил К.

— На тебя вешают уголовщину, а ты сидишь тут такой спокойный? — голос дяди становился

все громче.

— Чем я спокойнее, тем лучше для исхода дела, — сказал К. устало. — Не пугайся так.

— Так ты меня не успокоишь, — кричал дядя. — Йозеф, дорогой, подумай о себе, о родных людях, о нашем добром имени. До сих пор мы тобой гордились. Не позорь же нас. Твой настрой, — продолжал он, косо глядя на К., — мне совсем не нравится, без вины виноватый так себя вести не станет, если еще не сдался. Говори сейчас же, в чем там дело, чтобы я мог тебе помочь. Это, конечно, как-то связано с банком?

— Нет, — сказал К. и встал. — Однако, милый дядя, ты говоришь слишком громко, а под дверью, вероятно, стоит клерк и все слышит. Это неудобно. Нам лучше уйти. Тогда я тебе отвечу на все вопросы, как сумею. Я знаю, что должен отчитываться перед семьей.

— Вот именно, — закричал дядюшка, — вот именно! Только поторопись, Йозеф, поторопись!

— Вот только раздам кое-какие поручения, — сказал К. и вызвал по телефону заместителя.

Через несколько секунд тот вошел. Дядюшка, все еще распаленный, указал ему жестом, что это К. его вызвал, в чем и без того не было сомнений. Встав из-за стола, К. негромко объяснил молодому

человеку, слушавшему его без подобострастия, но внимательно, что надлежит сделать сегодня в его отсутствие. Дядюшка отвлекал его: сперва стоял рядом, выпучив глаза, нервно покусывая губы и совершенно не слушая, и уже один вид его способен был вывести из равновесия. Но потом он заходил по комнате, останавливаясь то у окна, то у какой-нибудь картины, изредка восклицая «Это просто уму непостижимо!» или «Ну и что дальше-то будет?». Молодой служащий притворился, что ничего этого не замечает, спокойно выслушал поручения К. до конца, сделал несколько заметок в записной книжке и вышел, поклонившись и К., и дяде, который, впрочем, повернулся к нему спиной и, усевшись у окна, стал задергивать шторы. Стоило двери захлопнуться, дядюшка возопил:

— Наконец-то! Этот чертик из коробочки ушел, теперь и мы можем идти. Наконец-то!

В коридоре оказалось совершенно невозможно удержать дядю от вопросов о процессе, хотя рядом стояли, беседуя, несколько управленцев и клерков, а мимо как раз проходил заместитель директора.

— Итак, Йозеф, — начал дядюшка, отвечая кивками на поклоны встречных, — теперь скажи мне прямо, что это за процесс.

К., посмеиваясь, отделался несколькими ничего не значащими замечаниями и только на лестнице объяснил дяде, что не хотел говорить при посторонних.

— Правильно, — сказал дядюшка, — а теперь можешь говорить.

Он слушал, склонив голову и часто, коротко попыхивая сигарой.

— Прежде всего, дядя, — сказал К., — речь идет не о процессе в обычном суде.

— Очень плохо, — сказал дядюшка.

— Почему это? — спросил К., подняв на него глаза.

— Потому что это очень плохо, — повторил дядюшка.

Они стояли на парадном крыльце. К. показалось, что швейцар прислушивается, и он потянул дядю вниз по лестнице. Они смешались с уличной толпой. Дядя перестал настойчиво допытываться о процессе, в который оказался втянут К., и они даже некоторое время шли молча.

— Но как это случилось? — спросил наконец дядя, внезапно остановившись, так что шедшим сзади пришлось отскочить в сторону. — Такие вещи не происходят вдруг, их долго готовят, ты должен был заметить какие-то признаки. Что ж

ты мне не написал? Ты же знаешь, я для тебя на все готов, я же в некотором смысле все еще твой опекун и до нынешнего дня этим гордился. Я, само собой, и теперь буду тебе помогать, только это будет очень трудно, раз процесс уже идет. Лучше всего было бы, если бы ты взял ненадолго отпуск и приехал к нам, в деревню. Ты к тому же чуток похудел, я только сейчас заметил. В деревне наберешься сил, тебе это необходимо, ведь тебя ждут серьезные трудности. Заодно в некотором смысле вырвешься из лап судейских. Здесь они могут естественным образом использовать против тебя все свои возможности, а в деревне им придется перепоручить это дело местным органам или пытаться давить на тебя через почту, телефон и телеграф. Это, конечно, ослабит давление и, пусть тебя и не освободит, но хотя бы позволит выдохнуть.

— Мне вообще-то могут и запретить уезжать, — сказал К.

Речь дяди на него подействовала.

— Не думаю, что запретят, — сказал дядюшка задумчиво. — Твой отъезд не так чтобы совсем лишил их власти над тобой.

— Я думал, — сказал К., беря дядюшку под локоть и не давая ему встать как вкопанному, — что

ты задумаешься обо всем этом не больше моего, а ты вон как расстроился.

— Йозеф! — воскликнул дядя и попытался вырвать руку, чтобы остановиться, но К. ему не позволил. — Ты прямо-таки преобразился, ты всегда был таким понятливым — и вот именно сейчас эта способность тебя покидает? Ты что, хочешь проиграть процесс? Да знаешь ли ты, что это значит? Это значит, что тебя просто вычеркнут. Ты и всю родню за собой потянешь или уж точно подвергнешь жутким унижениям. Йозеф, возьми же себя в руки. Твое равнодушие с ума меня сведет. Глядя на тебя, веришь тому, что люди говорят: «Попал на такой процесс — значит, уже проиграл».

— Дядя, дорогой, суетиться бессмысленно и тебе, и мне. Суетой процесс не выиграешь, так что не сбрасывай со счетов и мой опыт — как я всегда с большим уважением отношусь к твоему, даже когда ты меня удивляешь. Раз ты говоришь, что и семья может пострадать от процесса — неважно, что я в толк не возьму, как это может быть, — я буду тебя во всем слушаться. Только вот насчет пожить в деревне — это вряд ли будет в мою пользу, даже если рассуждать по-твоему: подумают, я бегу из чувства вины. Кроме того, хоть меня здесь

преследуют и сильнее, зато я сам могу принимать в деле большее участие.

— Верно, — сказал дядя таким тоном, будто они наконец-то пришли к взаимопониманию. — Я предложил, поскольку мне показалось, что твое безразличие только увеличивает опасность, пока ты тут, и лучше было бы, если бы я взялся за дело вместо тебя. Но если ты сам будешь изо всех сил бороться — это, конечно, гораздо лучше.

— Значит, на этом мы с тобой сойдемся, — сказал К. — И что же, по-твоему, я должен делать дальше?

— Мне нужно еще поразмыслить, — сказал дядя. — Имей в виду, что я уже двадцать лет почти непрерывно живу в деревне, а от этого чутье на такие штуки притупляется. Связи с важными людьми, которые могли бы в этом деле разобраться получше нашего, уже не такие прочные. В деревне-то я живу, считай, отшельником, ты же знаешь. В таких делах это сразу чувствуется. К тому же твой процесс для меня совершенная неожиданность, хотя я уже по письму Эрны что-то такое почувствовал, а сегодня, как тебя увидел, так сразу и убедился. Но это неважно, главное сейчас — не терять времени.

Еще не договорив, он поднялся на цыпочки,

махнул рукой проезжающему автомобилю и потянул К. за собой в машину, одновременно диктуя водителю адрес.

— Поедем сейчас к адвокату Хульду, — сказал он, — мы вместе учились. Тебе ведь знакомо это имя? Нет? Странно. У него серьезная репутация как у адвоката — защитника бедных. Но я ему доверяю в первую очередь как человеку.

— Что бы ты ни предпринял, мне все годится, — сказал К.

Но, конечно, ему было неуютно из-за спешки и настойчивости, с которыми дядя взялся за его дело. Ехать в качестве обвиняемого к адвокату для бедных было не очень-то приятно.

— Я не знал, — сказал он, — что по такому делу можно обращаться к адвокату.

— Еще как можно, — сказал дядя, — это само собой разумеется. Почему бы и нет? А теперь расскажи мне, чтобы я лучше понимал суть дела, обо всем, что случилось до этого момента.

К. тут же начал рассказывать, ни о чем не умалчивая. Полная откровенность была единственной доступной для него формой протеста против дядиного убеждения, что процесс — это большой позор. Имя г-жи Бюрстнер он упомянул он лишь однажды и вскользь, но откровенности это не

повредило, потому что г-жа Бюрстнер никакого отношения к процессу не имела. Рассказывая, К. смотрел в окно и постепенно начал понимать, что они приближаются к тому самому предместью, где находилась судебная канцелярия. Он указал на это дяде, но дядя не увидел в таком совпадении ничего особенного. Машина остановилась перед темным зданием. Дядя ~~попросил водителя подождать — на тот случай, если адвоката не окажется дома, — и~~ позвонил в первую же дверь на первом этаже; пока они ждали, он обнажил в улыбке крупные зубы и прошептал:

— Восемь — необычное время для делового визита. Но Хульд на меня не обидится.

В окошке вверху двери появились два больших черных глаза. Некоторое время они рассматривали гостей, потом исчезли, однако дверь не открылась. Дядюшка и К. переглянулись — как бы молчаливо подтверждая друг другу, что оба видели глаза.

— Новенькая служанка, опасается чужих, — сказал дядя и постучал еще раз.

Глаза появились снова: теперь они могли показаться грустными, но, возможно, это было ложное впечатление из-за открытого газового пламени, которое громко шипело над головами визитеров,

но почти не давало света.

— Откройте, — крикнул дядя и стукнул в дверь кулаком, — мы друзья г-на адвоката!

— Г-н адвокат болен, — прошептал кто-то у них за спиной.

В дверях на другом конце короткого коридора стоял господин в халате, который и сообщил эту новость очень тихим голосом. Дядя, уже разозленный долгим ожиданием, резко обернулся и крикнул:

— Болен? Вы говорите, он болен? — и начал почти угрожающе надвигаться на этого господина, словно он и был тем недугом, что поразил адвоката.

— Вам уже открыли, — сказал господин, указывая на дверь адвокатской квартиры, запахнул халат и исчез.

Дверь и вправду была открыта. Девушка — К. узнал ее темные, слегка навыкате глаза — стояла в прихожей в длинном белом переднике и со свечой в руке.

— В другой раз открывайте поскорее, — сказал дядя вместо приветствия, а девушка тем временем сделала небольшой книксен. — Идем, Йозеф, — позвал он К., обернувшись к нему, и тот медленно протиснулся мимо девушки.

— Г-н адвокат болен, — сказала девушка, в то время как дядя, не задерживаясь, двинулся к двери в комнату.

К. продолжал ее разглядывать, пока она запирала за ними входную дверь. У нее было круглое кукольное личико. Округлыми были не только бледные щеки, но и подбородок, и очертания лба.

— Йозеф! — снова окликнул его дядя, а девушку спросил: — Что, как всегда, сердце?

— По-моему, да, — сказала девушка.

Она сумела проскользнуть перед ними со свечой, чтобы открыть дверь. В углу комнаты, куда не доходил свет от свечи, с подушки приподнялось лицо, обросшее длинной бородой.

— Лени, кто там пришел? — спросил адвокат, ослепленный свечой и еще не узнающий гостей.

— Альберт, это я, твой старый друг, — сказал дядя.

— А, — сказал адвокат и снова откинулся на подушки, словно из-за этого визита не стоило менять позу.

— Тебе и в самом деле так плохо? — осведомился дядя и сел на край кровати. — Не верю. Обычный твой сердечный приступ, пройдет, как всегда.

— Возможно, — сказал адвокат тихим голосом, — но так худо мне еще никогда не было. Дышу с трудом, почти не сплю и с каждым днем слабею.

— Вот как, — сказал дядя, надвигая широкой ладонью панаму на колено. — Это дурная новость. За тобой, кстати, хорошо ухаживают? Здесь так печально, так темно. Я у тебя давно не был, но в тот раз мне показалось уютнее. Да и твоя малышка грустит — или делает вид.

Девушка все еще стояла со свечой у двери и смотрела, насколько можно было поймать ее нерешительный взгляд, скорее на К., чем на дядю, даже когда он о ней заговорил. К. облокотился на спинку кресла, которое он подтолкнул поближе к девушке.

— Когда так сильно болеешь, — сказал адвокат, — нужен покой. Мне не грустно.

Помолчав, он добавил:

— И Лени хорошо обо мне заботится, она молодец.

~~Эта похвала тоже не тронула девушку, да и вообще, судя по всему, не произвела на нее никакого впечатления. А дядя сказал:~~

~~— Пусть так. Но все равно я прямо сегодня пришлю к тебе медсестру. Будет плохо за тобой~~

смотреть — уволь ее, но сделай мне одолжение, попробуй. В такой обстановке да в такой тишине, как тут у тебя, и умереть недолго.

— Здесь не всегда так тихо, как сейчас, — сказал адвокат. — А медсестру твою я приму, только если непременно должен.

— Должен-должен.

Слова адвоката явно не убедили дядюшку, уже настроившегося против его сиделки. Хоть он и не спорил, но все же с некоторым укором следил за девушкой, когда та подошла к кровати, поставила свечу на ночной столик, наклонилась над больным и о чем-то перемолвилась с ним шепотом, поправляя подушку. Забыв, что надо проявлять внимательность к больному, дядя встал и принялся расхаживать по комнате за спиной у сиделки, между нею и К. Было бы неудивительно, если бы дядя схватил ее сзади за юбки и оттащил от кровати.

К., со своей стороны, наблюдал за происходящим спокойно — болезнь адвоката была ему в чем-то даже на руку: рвению, с которым дядя принялся за его дело, непросто было противостоять, а тут оно само, без его участия, но к его удовольствию, переключилось на другой предмет.

Тут дядя сказал — возможно, желая обидеть

сиделку:

— Девушка, оставьте нас на некоторое время одних, мне нужно обсудить с моим другом кое-какие личные вопросы.

Сиделка, которая все еще, склонившись над больным, пыталась подоткнуть простыню у стены, повернула голову и сказала совершенно спокойным голосом, резко контрастировавшим со сбивчивой от гнева и словно льющейся через край речью дяди:

— Вы же видите, он так болен, что не может обсуждать никакие вопросы.

Она повторила слова дяди, видимо, для простоты, но даже беспристрастный наблюдатель мог бы почувствовать в этом насмешку. А дядя и вовсе взвился как ужаленный:

— Ах ты дрянь, — невнятно выпалил он, захлебываясь от возмущения.

К. перепугался, хоть и ожидал чего-то подобного, и кинулся к дяде, твердо намереваясь обеими руками заткнуть ему рот. К счастью, за спиной у девушки больной поднялся на постели; лицо дяди потемнело, словно он только что проглотил какую-то гадость, и он сказал уже спокойнее:

— Мы ведь тоже из ума пока не выжили. Если бы то, о чем я прошу, было невозможно вы-

полнить, я бы об этом не просил. Пожалуйста, выйдите сейчас же.

Сиделка выпрямилась и встала у кровати лицом к дяде. При этом, как показалось К., она гладила руку адвоката.

— Можешь говорить о чем угодно при Лени, — с мольбой в голосе сказал больной.

— Это касается не меня, — сказал дядя, — и тайна не моя.

Он отвернулся, словно показывая, что не намерен больше вступать ни в какие переговоры, но должен еще немного подумать.

— Кого же это касается? — спросил адвокат угасающим голосом и снова откинулся на подушки.

— Моего племянника, — сказал дядя. — Вот, я его привел с собой.

И представил его, указывая на него рукой:

— Старший управляющий Йозеф К.

— А, — сказал больной намного живее, — простите, я вас и не заметил. Иди, Лени, — обратился он к переставшей противиться сиделке и протянул ей руку, словно прощался с ней надолго.

— А ты, — сказал он дяде, — выходит, не просто так решил навестить больного, а по делу.

Похоже, роль больного, к которому пришел посетитель, ранее сковывала его: теперь он сде-

лался значительно бодрее, приподнялся на локте, что, вероятно, требовало немалого напряжения, и принялся дергать себя за клок волос в бороде.

— Теперь, когда вышла эта ведьма, ты выглядишь куда здоровее, — сказал дядя, но тут же оборвал себя и продолжил шепотом: — Уверен, что она подслушивает, — и прыгнул к двери.

За дверью никого не оказалось, но дядя, казалось, был не разочарован, а скорее огорчен: то, что она не подслушивает, казалось ему еще худшим признаком злокозненности.

— Ты в ней ошибаешься, — сказал адвокат, не пытаясь, впрочем, больше защищать сиделку и, возможно, тем самым желая показать, что она и не нуждается в защите. Уже намного более заинтересованным тоном адвокат продолжал:

— Что же касается дела твоего уважаемого племянника, буду рад, если моих сил хватит на такую непростую задачу. Боюсь, что может не хватить, однако я приложу все возможные старания, а если меня одного окажется недостаточно, можно будет привлечь еще кого-нибудь. Откровенно говоря, я слишком заинтересовался этим делом, так что не в состоянии полностью отказаться от участия. А если мое сердце не выдержит — ну, будет хотя бы достойная причина для отказа.

К. ни слова не понял из этой речи и оглянулся на дядю в поисках объяснения, но тот, держа в руке свечу, уселся за ночной столик, с которого тут же скатилась на пол склянка с лекарством. В ответ на каждое слово адвоката дядя кивал, со всем соглашаясь, и поглядывал время от времени на К., как бы призывая и его согласиться. Неужто дядя успел заранее рассказать адвокату о процессе? Невозможно — все, что происходило до сих пор, не вязалось с этим предположением. Так что он сказал:

— Я не понимаю.

— Может быть, это я вас неправильно понял? — спросил адвокат, столь же удивленный и смущенный, как и К. — Возможно, я забежал вперед. О чем же вы хотели со мной поговорить? Я думал, речь о вашем процессе.

— Естественно, — сказал дядя и, обращаясь к К., продолжил: — А ты чего хотел?

— Да, но откуда вы вообще знаете обо мне и моем процессе? — спросил К.

— Ах, вот оно что, — сказал адвокат, улыбаясь. — Я ведь все-таки адвокат, вращаюсь в судебных кругах, где обсуждают разные процессы, и самые заметные — особенно если дело касается племянника друга — застревают в памя-

ти. Ничего удивительного.

— Так чего ты хочешь? — снова спросил дядя у К. — Ты так встревожился.

— Вы, значит, вращаетесь в судебных кругах? — спросил К.

— Да, — сказал адвокат.

— Ты задаешь детские вопросы, — сказал дядя.

— С кем же мне общаться, если не с людьми из моей профессиональной сферы? — добавил адвокат.

Это казалось совершенно бесспорным, и К. даже не нашелся, что ответить. «Вы же работаете в суде во Дворце правосудия, а не с этими, на чердаке», — хотел он сказать, но не смог заставить себя произнести это вслух.

— Вам, впрочем, стоит иметь в виду, — сказал адвокат таким тоном, будто вскользь проговаривал нечто само собой разумеющееся, даже избыточное, — что я извлекаю из подобного общения большие выгоды для моих клиентов, и столь разнообразные, что об этом иногда лучше не распространяться. Конечно, сейчас я из-за болезни немного выпал из обоймы, но меня навещают хорошие друзья из суда, и я все-таки кое о чем осведомлен. Возможно, даже более осведомлен, чем иные здоровые, что весь день

просиживают в суде. Вот и сейчас, например, у меня один из таких дорогих гостей. — И он указал в темный угол комнаты.

— Где же? — спросил К., от удивления довольно невежливо, и осторожно обернулся.

Свет от огарка свечи достигал противоположной стены, но не более. А в углу и в самом деле что-то шевельнулось. Дядя поднял огарок и осветил сидевшего за маленьким столиком пожилого господина. Тот, похоже, вовсе не дышал, раз сумел так долго оставаться незамеченным. Теперь он с трудом встал, явно недовольный тем, что на его присутствие обратили внимание, и движениями рук, похожими на взмахи коротких крыльев, словно отверг любые потуги его поприветствовать, показывая, что ни в коем случае не хочет никого стеснять своим присутствием, а хочет снова погрузиться в темноту, чтобы о нем тотчас же забыли. Однако оказать ему такую любезность было уже невозможно.

— Вы, собственно, застали нас врасплох, — объяснил адвокат и ободряющим жестом пригласил гостя подойти поближе, что он и сделал — медленно, неуверенно оглядываясь по сторонам и все же не без некоторого достоинства. — Г-н директор канцелярии… ах, простите, я же вас не

представил. Знакомьтесь: мой друг Альберт К., его племянник, старший управляющий Йозеф К., — г-н директор канцелярии, который был так любезен, что навестил меня. Чего стоит такой визит, дано оценить лишь посвященным — ведь им известно, сколько у работы у г-на директора канцелярии. Но, несмотря на это, он зашел, мы вели дружескую беседу, насколько позволяло мое ослабленное состояние, и, не запретив Лени впускать гостей, потому что никого не ждали, все же хотели остаться наедине. Тут ты, Альберт, стал колотить в дверь кулаком, и господин директор канцелярии отодвинул кресло и стол в уголок, а теперь показался, чтобы, если возникнет такое желание, обсудить с нами, возможно, общие дела, — так что теперь можно снова приблизиться. Г-н директор канцелярии, — сказал он почтительно, с поклоном, указывая на кресло рядом с кроватью.

— Я, к сожалению, могу задержаться только на пару минут, — вежливо сказал директор канцелярии, уселся в кресло, широко расставив ноги, и посмотрел на часы. — Служба зовет. Однако не могу же я упустить возможность познакомиться с другом моего друга.

Он слегка поклонился дяде; тот явно был дово-

лен новым знакомством, но в силу своей натуры не смог изобразить почтительности и сопроводил слова директора канцелярии хоть и смущенным, но громким смехом. Мерзкое зрелище!

К. мог спокойно наблюдать за происходящим — ведь им никто не интересовался. Директор канцелярии, раз уж его вытащили на свет, взял на себя — как это, видимо, было ему свойственно — ведущую роль в разговоре. Адвокат, чья недавняя слабость, похоже, служила одной цели — отделаться от новых гостей, слушал внимательно, приложив ладонь к уху. Дядя, хранитель свечи — он пытался удержать подсвечник в равновесии на коленке, чем вызывал частые тревожные взгляды адвоката, — быстро избавился от смущения и был, казалось, очарован как манерой директора канцелярии говорить, так и мягкими волнообразными движениями, которыми сопровождалась его речь. К., облокотившегося на спинку кровати, директор канцелярии совершенно игнорировал, возможно даже намеренно: для старика он был лишь слушателем. К тому же он толком не понимал, о чем речь, и поэтому отвлекся: то думал о сиделке и дурном обращении, которое она претерпела от дяди, то пытался вспомнить, не видел ли он уже где-то директора

канцелярии. В зале во время первого слушания? Может, и нет, но директор, как ему казалось, отлично вписался бы в первый ряд стариков с жидкими бороденками.

Вдруг из передней послышался звук разбившегося фарфора.

— Пойду посмотрю, что случилось, — сказал К. и медленно направился к выходу, словно давая остальным возможность его удержать.

Только он вышел в прихожую и начал привыкать к темноте, как на его руку, еще сжимавшую дверную ручку, осторожно легла чья-то ладонь — куда меньше, чем у него, — и дверь тихо затворилась. В передней его поджидала сиделка.

— Все в порядке, — прошептала она, — я просто разбила тарелку об стену, чтобы вас выманить.

— Я тоже думал о вас, — сказал К. в замешательстве.

— Тем лучше, — сказала сиделка. — Идемте ~~*со мной*~~.

Сделав пару шагов, они оказались у ~~*высокой*~~ двери матового стекла, которую сиделка открыла, пропуская К. вперед.

— Заходите же, — сказала она.

Судя по всему, они вошли в рабочий кабинет адвоката; насколько позволял разглядеть лунный

свет, падавший лишь на маленький четырехугольник пола под каждым из двух больших окон, комната была обставлена тяжелой старинной мебелью.

— Сюда, — сказала сиделка и указала на темную скамью-сундук с резной спинкой. Усевшись, К. огляделся. Комната была просторная, с высоким потолком, и клиенты-бедняки наверняка чувствовали себя в ней не в своей тарелке. ~~*Письменный стол, почти во всю ширину комнаты, был расположен у окна так, что адвокат сидел за ним спиной к двери и посетителю, как незваному гостю, пришлось бы прошагать через весь кабинет, прежде чем увидеть лицо адвоката, если, конечно, только тот не соизволит к нему повернуться.*~~ К. живо представил себе, как посетитель семенит к огромному столу, но тут же забыл об этом: его внимание было приковано к сиделке, которая придвинулась к нему совсем близко, чуть ли не прижав его к подлокотнику.

— Я думала, — сказала она, — что вызывать вас не придется, сами выйдете ко мне. Даже странно: сначала глаз с меня не сводите, едва войдя, а потом заставляете ждать. Кстати, зовите меня Лени, — вдруг добавила она торопливо, словно ни одно мгновение этого разговора нельзя было

потратить впустую.

— С удовольствием, — сказал К. — Что же до странности, о которой вы говорите, Лени, она легко объяснима. Во-первых, я не мог просто так сбежать, не послушав болтовню стариков, во-вторых, я не наглец какой-нибудь, а скорее человек робкий, да и вы, Лени, откровенно говоря, не производили такого впечатления, будто вас можно завоевать наскоком.

— Дело не в этом, — сказала Лени, положив руку на спинку скамьи и глядя в глаза К. ~~*Ее грудь вздымалась.*~~ — Просто я вам не понравилась и, вероятно, до сих пор не нравлюсь.

— «Понравились» — это недостаточно сильно сказано, — сказал он уклончиво.

— Вот как, — сказала она, улыбаясь.

Его предыдущая реплика и это тихое восклицание повернули разговор в ее пользу, поэтому К. немного помолчал. Поскольку его глаза уже привыкли к темноте, он теперь различал детали обстановки. Особенно притягивала внимание большая картина, висевшая справа от двери. Он наклонился, чтобы получше ее разглядеть. Картина изображала мужчину в судейском облачении, восседавшего на богато позолоченном высоком троне. Необычной была поза судьи,

далекая от спокойного достоинства. Левой рукой он опирался о спинку и подлокотник, правая же была свободна и лишь слегка касалась другого подлокотника, словно судья собирался в следующее мгновение вскочить с места — возможно, в гневе, — чтобы произнести нечто решительное или вынести приговор невидимому обвиняемому на нижней ступеньке лестницы. На картине видны были лишь верхние ступеньки, покрытые желтым ковром.

— Может, это мой судья, — сказал К., показывая пальцем на картину.

— Я его знаю, — сказала Лени. — Он сюда часто заходит. Этот портрет — времен его молодости, хотя, может, особого сходства никогда и не было, потому что он совсем коротышка. А тут его вытянули, потому что он очень тщеславный, как и все здесь. Я тоже тщеславная и ужасно недовольна тем, что совсем вам не нравлюсь.

В ответ на эту последнюю реплику К. обнял Лени и притянул к себе; она мирно положила голову ему на плечо. Продолжая разговор, он спросил:

— И какой же у него чин?

— Следственный судья, — сказала она, взяла К. за руку, которой он обнимал ее, и принялась играть с его пальцами.

— Опять всего лишь следственный судья, — сказал К. разочарованно. — Те, что выше рангом, прячутся. А еще на трон уселся.

— Это все вымысел, — сказала Лени, нагнувшись над ладонью К. — На самом деле он сидит на кухонном стуле, накрытом старой конской попоной. — Чуть погодя, она добавила: — И что же, вы совсем не можете перестать думать о вашем процессе?

— Что вы, — сказал К. — Я, пожалуй, даже слишком мало о нем думаю.

— Ваша ошибка не в этом, — сказала Лени. — Вы слишком неуступчивы, как я слышала.

— Кто это сказал? — спросил К.

Он чувствовал, как она прижимается к его груди, видел совсем близко ее густые темные волосы, собранные в тугой пучок.

— Расскажу — выдам слишком многое, — ответила Лени. — Пожалуйста, не просите у меня имен и не делайте больше этой ошибки, не будьте таким неуступчивым, с этим судом нельзя бороться~~, можно только ускользнуть~~. Надо сознаваться. Сознайтесь при первой же возможности. Только тогда у вас появится возможность ускользнуть, только тогда! Но и это невозможно без чужой помощи, этой помощи не надо бояться,

я сама вам ее устрою.

— Вы хорошо разбираетесь в делах этого суда и в том, какие тут нужны уловки, — сказал К. и, раз уж она так крепко прижалась к нему, усадил ее на колени.

— Вот так хорошо, — сказала она, устраиваясь у него на коленях, разглаживая юбку и поправляя блузку.

Затем она обняла его за шею обеими руками, откинулась назад и посмотрела на него долгим взглядом.

— А если я не сознаюсь, вы не сможете мне помочь? — спросил К., испытующе глядя на нее.

«Я прямо-таки притягиваю помощниц, — подумал он. — Сперва г-жа Бюрстнер, потом жена судебного пристава, наконец, эта малышка-сиделка, которой я зачем-то так понадобился. Вон как угнездилась у меня на коленях, будто это ее законное место!»

— Нет, — ответила Лени и медленно покачала головой. — Тогда я вам помочь не смогу. Но вы же и не хотите моей помощи, вы человек упрямый, вас не убедишь.

— У вас есть любимая женщина? — спросила она чуть погодя.

— Нет, — сказал К.

— Так уж и нет!

— На самом деле есть, — сказал К. — Подумать только, я от нее отрекся, а ведь у меня даже ее фотография при себе.

По просьбе Лени он показал ей фото Эльзы. Примостившись у него на коленях, она изучала снимок. На нем Эльза кружилась в танце — она любила танцевать в винном баре. Ее юбка, взлетевшая при быстром повороте, еще не опустилась, руки упирались в бедра, и смотрела она, высоко подняв голову, куда-то в сторону. Кому предназначалась ее улыбка, на фото было не видно.

— Эк она талию утянула, — сказала Лени, указывая на то место, где, по ее мнению, это было заметно. — Мне она не нравится — неуклюжая и грубая. Но, может, с вами она нежна и мила, по фотографии можно так подумать. Такие большие, сильные девушки часто на поверку оказываются нежными и милыми. Но пожертвует ли она собой ради вас?

— Нет, — сказал К. ~~*и чуть не рассмеялся вслух, пытаясь отобрать фотографию. Лени, однако, крепко держала ее в руке.*~~ — Ее не назовешь нежной и милой, и она не станет жертвовать собой ради меня. Но до сих пор мне не нужно было от

нее ни того ни другого. Да я никогда и не разглядывал фотографию так внимательно, как вы.

— Тогда она для вас не так уж много значит, — сказала Лени. — И никакая она не любимая.

— Неправда, — сказал К. — Я не откажусь от своих слов.

— Пусть даже она и любимая, — сказала Лени, — она не будет по вам очень уж скучать, если вы на кого-то ее променяете — например, на меня. ~~*В смысле, променяете ее на женщину, готовую ради вас на жертвы в вашем будущем тяжелом положении.*~~

— Пожалуй, — сказал К. с улыбкой. — Вполне возможно. Но у нее есть перед вами одно большое преимущество — она ничего не знает о моем процессе и даже если бы знала, не стала бы об этом задумываться. И не стала бы пытаться уговорить меня на уступки.

— Это не преимущество, — сказала Лени. — Если у нее нет никаких других преимуществ, я не теряю надежды. А есть у нее какой-нибудь физический недостаток?

— Физический недостаток? — ~~*удивленно*~~ спросил К.

— Да, — сказала Лени. — У меня как раз есть маленький ~~*физический*~~ недостаток — вот, смотрите.

Она раздвинула средний и безымянный пальцы правой руки. Они оказались соединены кожаной перепонкой почти до верхней фаланги более короткого пальца. К. сперва не разглядел в темноте, что она хочет ему показать, и она притянула его руку, чтобы он мог потрогать.

— Вот ведь игра природы, — сказал К., разглядывая ее руку, — но какая милая лапка!

С некоторой гордостью Лени наблюдала, как К. рассматривает ее пальцы, то раздвигая их, то сдвигая. Наконец он осторожно поцеловал их и отпустил.

— Ах, — воскликнула она тут же, — вы меня поцеловали! — и ловко вскарабкалась на него с ногами.

Он ошарашенно на нее смотрел; теперь, когда она была совсем близко, он чувствовал исходящий от нее горький, терпкий, будто перечный запах. Она схватила его за голову, притянула к себе, целовала и покусывала шею, кусала даже волосы.

— Променяли ее на меня, — то и дело повторяла она, — смотрите-ка, променяли на меня!

Тут ее колено соскользнуло и она, вскрикнув, чуть не упала на ковер, К. обхватил ее, пытаясь удержать, но повалился вместе с ней.

— Теперь ты мой, — сказала она.

— Вот тебе ключ от дома, приходи, когда захочешь, — были ее последние слова.

Она попыталась поцеловать К., но он уже уходил, и ее губы угодили ему в затылок. За дверью моросил дождь. К. хотел было выйти на середину улицы, чтобы еще раз увидеть Лени, если она выглянет в окно, но тут из ожидавшего перед домом автомобиля — К., занятый другими мыслями, вовсе его не заметил — выскочил дядюшка, схватил его за руки и притиснул к входной двери, будто хотел приколотить его к ней гвоздями.

— Мальчишка, — закричал он, — как ты только мог такое выкинуть? Ты ужасно навредил своему делу, которое как раз пошло было в нужном направлении. Уполз куда-то с этой грязной маленькой тварью, к тому же явно любовницей адвоката, и где-то пропадаешь часами! Даже предлога никакого не выдумал — ничего не скрывая, побежал к ней и с ней остался! А мы-то сидим, дожидаемся — твой дядя, который о тебе же заботится, адвокат, которого надо привлечь на твою сторону, а главное — директор канцелярии, большой человек, от которого твое дело на нынешней стадии зависит почти полностью. Мы хотели посоветоваться, как тебе помочь, мне

нужно было вести себя осторожно с адвокатом, а тем более с директором канцелярии, и у тебя были все причины поддержать меня в этом. Вместо этого ты исчез. Потом уже стало невозможно этого не замечать — они люди вежливые, светские и не говорили об этом, щадили меня, но в итоге и они ничего не смогли поделать и просто замолчали, потому что уже нельзя было далее обсуждать дело. И вот мы сидим молча минуту за минутой и прислушиваемся, не соблаговолишь ли ты наконец явиться. Все напрасно. В конце концов директор канцелярии, который и так задержался намного дольше, чем собирался, встает, прощается, явно жалеет меня, но помочь ничем не может, ждет в дверях еще немного из какой-то необъяснимой вежливости и уходит. Я, конечно, рад был, что он ушел, а то у меня аж горло перехватило. А на больного адвоката все это, естественно, еще сильнее подействовало — он, бедняга, вообще не мог говорить, когда я с ним прощался. Ты, может, его почти добил и ускорил смерть человека, от которого ты зависишь. А меня, своего дядю, оставил ждать тут часами под дождем — сам пощупай, я промок до нитки! *— ~~и изводить себя дурными мыслями.~~*

* * *

Когда они вышли из театра, шел мелкий дождь. И пьеса, и дрянная постановка утомили К., а мысль, что придется оставить дядю ночевать, окончательно добивала его. Именно сегодня ему очень хотелось поговорить с г-жой Бюрстнер — вдруг получится как-то оказаться с ней наедине? Присутствие дядюшки, однако, не оставляло ему никаких шансов. Был еще ночной поезд, на котором можно было его отправить, но дядюшка так увлекся процессом К., что склонять его к отъезду прямо сегодня казалось совершенно гиблым делом. Без особой надежды на успех К. все же предпринял попытку.

— Боюсь, дядя, — сказал он, — что мне в скором времени и в самом деле понадобится твоя помощь. Пока до конца не понимаю, в чем именно, но в любом случае понадобится.

— Можешь на меня рассчитывать, — сказал дядя. — Я все время только и думаю, как бы тебе помочь.

— Ты все тот же, — сказал К. — Боюсь только, тетя на меня рассердится, если я вскорости попрошу тебя опять приехать в город.

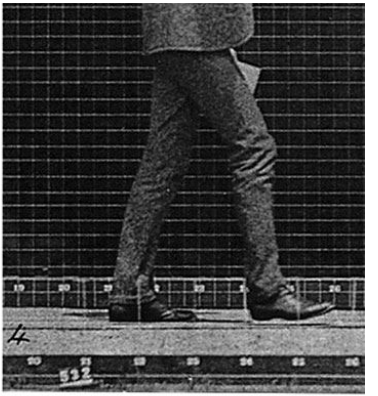
— Твое дело важнее таких неудобств.

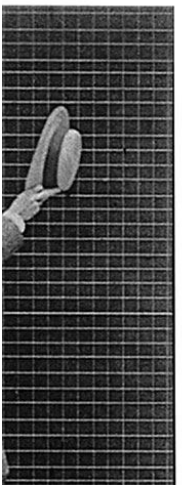
— С этим я согласиться не могу, — сказал К. — Но, как бы то ни было, не хочу без необходимости отнимать тебя у тети. В ближайшее время ты мне, видимо, понадобишься, а пока не хочешь ли съездить домой?

— Завтра?

— Да, завтра или, может быть, ночным поездом, так было бы удобнее всего.

В соборе


4
532



К. поручили показать одному важному итальянскому партнеру банка, впервые оказавшемуся в городе, кое-какие культурные памятники. Это поручение он в любое другое время почел бы за честь, но сейчас, когда защита собственного положения в банке стоила ему таких усилий, принял с неохотой. Каждый час, проведенный вне стен банка, усиливал тревогу. Работать с такой же отдачей, как раньше, больше не получалось, К. часами лишь вынужденно изображал осмысленную деятельность, но, покидая кабинет, беспокоился еще сильнее. Ему представлялось, как заместитель директора, вечно поджидавший его в засаде, время от времени заходит к нему, садится за его стол, просматривает его бумаги, отбивает многолетних контрагентов, почти что друзей, и, возможно, даже находит ошибки, ставшие теперь для К. вечным страхом и неизбежным спутником всего, за что бы он ни брался. Когда ему поручали деловую встречу вне банка или отправляли в командировку — а такие поручения в последнее время участились, — у К. тут же возникало подозрение, что его хотят на время удалить, чтобы проверить его работу, или, во всяком случае, что в банке его не считают незаменимым. От большей части таких поручений он легко

мог отказаться — но не осмеливался: если его опасения были хотя бы отчасти обоснованными, отказ был бы равносилен признанию, что он испугался. Так что поручения эти он принимал, как обычно, без эмоций и даже умолчал о серьезной простуде, когда ему предстояла тяжелая двухдневная командировка, — лишь бы эту поездку не отменили ввиду установившейся дождливой осенней погоды.

Вернувшись из командировки с лютой головной болью, он узнал, что на следующий день ему назначено сопровождать итальянского партнера. Соблазн хотя бы в этот раз отказаться был очень велик — в первую очередь потому, что поручение не было непосредственно связано с работой, и хотя поддерживать отношения с партнером, без сомнения, тоже было важно, но не для К., отлично знавшего, что только успехи в работе могут помочь ему удержаться на плаву и что если их не будет, то, даже сумей он паче чаяния обаять итальянца, толку ему от этого никакого. Ему не хотелось выпадать из рабочей обстановки даже на один день: слишком велик был страх, что уже не получится снова в нее вписаться; страх этот он сам признавал чрезмерным — и все же мучился им.

В этом случае, однако, было почти невозможно придумать благовидный предлог для отказа: познания К. в итальянском были хоть и не блестящими, но достаточными, но, что важнее всего, у него еще с юности сохранились кое-какие представления об истории искусства, о чем разнеслась по банку не вполне заслуженная слава — по той лишь причине, что К. некоторое время состоял, исключительно из деловых соображений, в обществе охраны городских культурных памятников. Ну, а итальянец, по слухам, любил искусство, и потому выбор К. в качестве его сопровождающего был очевиден.

Утро выдалось дождливым, с порывистым ветром. С досадой представляя себе, что за денек ему предстоит, К. явился на службу уже к семи утра, чтобы успеть немного поработать, прежде чем визитер отнимет у него эту возможность. Он чувствовал себя разбитым, потому что просидел полночи над учебником итальянской грамматики, пытаясь хоть немного подготовиться, и окно, у которого он в последнее время слишком часто засиживался, влекло его сильнее, чем письменный стол, — но он собрал волю в кулак и уселся за работу. На беду, тут же зашел клерк и сообщил, что его прислал директор посмотреть, вдруг г-н

старший управляющий уже на месте, и в этом случае спросить, не будет ли он так любезен пройти в приемную, где его ожидает господин из Италии.

— Уже иду, — сказал К., сунул в карман словарик, взял под мышку альбом городских достопримечательностей, который приготовил для иностранца, и прошел через кабинет заместителя директора в дирекцию.

Хорошо, что он пришел так рано и был готов к услугам директора, как только понадобился, чего, разумеется, от него на самом деле не ожидали. Кабинет замдиректора, конечно, был пуст, словно среди ночи; вероятно, и за ним посылали клерка, чтобы пригласить его в приемную, но безуспешно.

В приемной директор и гость поднялись навстречу К. из мягких кресел. Директор мило улыбался и был явно рад появлению К. Он сразу представил его итальянцу, а тот крепко пожал К. руку и со смехом назвал кого-то ранней пташкой, К. толком не понял кого и лишь позднее уразумел, что имелось в виду. К. ответил несколькими гладкими фразами, которые итальянец выслушал, все еще посмеиваясь и нервно подергивая себя за густые, седеющие иссиня-черные усы.

Эти усы явно были надушены, так что возникал соблазн подойти поближе и понюхать. Когда все уселись и завязалась небольшая вводная беседа, К. заметил, что понимает итальянца лишь отрывочно. Когда тот говорил спокойно, понятно было почти все, но это было скорее исключение — в основном речь так и лилась у него изо рта, он страстно тряс головой~~, а дважды даже вставал с очень серьезным видом и снова опускался смеясь в кресло~~. При этом он регулярно сбивался на какой-то диалект, который К. вообще не воспринимал как итальянский, однако директор не только все понимал, но и мог говорить, — впрочем, К. должен был это предвидеть: ведь итальянец приехал с юга своей страны, где и директор прожил несколько лет. Так или иначе, К. осознал, что добиться взаимопонимания с итальянцем у него вряд ли выйдет, потому что и на французском тот изъяснялся едва понятно, а читать по губам, что, возможно, помогло бы, мешали усы. У К. зародилось предчувствие большого конфуза, и он временно оставил попытки вникнуть в речь итальянца — в присутствии директора, который так легко его понимал, не стоило и напрягаться — и ограничился угрюмым наблюдением за гостем. Тот глубоко, но в то же время изящно сидел в

кресле, то и дело поправляя короткий, скроенный по последней моде пиджачок, и старался что-то изобразить вольными жестами словно посаженных на шарниры кистей — *с первого взгляда, не зная, о чем идет речь, можно было подумать, что он показывает, как бьет фонтан*, но К., хоть и не сводил глаз с его рук, не мог уловить смысла жестикуляции. Наконец К., механически переводившего взгляд с одного собеседника на другого, накрыло уже привычной усталостью, и он — к счастью, вовремя — даже поймал себя на том, что по рассеянности встал и собрался развернуться и уйти.

В конце концов итальянец посмотрел на часы и вскочил. Попрощавшись с директором, он подступил к К. так близко, что тому пришлось отодвинуть кресло, чтобы обрести свободу движений. Директор, явно разглядевший в глазах К. мольбу о помощи, вмешался в разговор, да так ловко и ненавязчиво, словно всего лишь собирался дать ему небольшой совет, а на самом деле перевел все, что без передышки изливал речистый итальянец. От него К. узнал, что итальянцу еще нужно закончить кое-какие дела, что вообще-то у него совсем мало времени и он ни в коем случае не хочет галопом нестись по всем

достопримечательностям, а с большим удовольствием — если, конечно, К. согласится, решение за ним — осмотрел бы только собор, но зато обстоятельно. Он был бы рад совершить эту прогулку в компании такого образованного и учтивого человека — тут имелся в виду К., совершенно не слушавший итальянца, а лишь пытавшийся быстро уловить слова директора, — и просит, если возможно, ждать его в соборе примерно через два часа, около десяти. Сам он почти уверен, что к нужному времени тоже окажется на месте. К. ответил что-то приличествующее случаю, итальянец пожал руку сперва директору, потом К., потом снова директору и пошел к двери, не переставая говорить и не отворачиваясь совсем от следовавших за ним хозяев.

К. еще немного задержался у директора — сегодня тот выглядел особенно измученным. Словно извиняясь перед К., он подошел к нему совсем близко и доверительно сказал, что поначалу собирался сам пойти с итальянцем, но потом — в причины он вдаваться не стал — решил, что лучше отправить с ним К. Пусть итальянца поначалу трудно понять, не стоит расстраиваться, понимание придет очень быстро. А если он все равно ничего не разберет, тоже не страшно,

потому что итальянцу не очень-то и надо, чтобы его понимали. Кстати, К. на удивление хорошо говорит по-итальянски и наверняка отлично справится. На этом прием был закончен.

Остаток времени К. употребил на то, чтобы выписать из словаря редкие слова, необходимые для экскурсии по собору. Работа противнее некуда. Тем временем клерки приносили почту, сотрудники заглядывали со всяческими вопросами и торчали в дверях, потому что К. выглядел занятым, но не уходили, пока он их не выслушает; заместитель директора не отказывал себе в удовольствии отвлечь К., заходил к нему несколько раз, брал у него из рук словарь и без всякой видимой цели перелистывал; когда открывалась дверь в слабо освещенную приемную, появлялись контрагенты, смущенно кланялись, ~~вежливо снимали шляпы,~~ стараясь привлечь к себе внимание и не зная, удалось ли им это, — и посреди всей этой суеты К. составлял список нужных слов, затем разыскивал их в словаре, затем выписывал, затем учился произносить и наконец пытался зазубрить наизусть. Некогда цепкая память, однако, явно давала сбои, и иногда он так злился на итальянца, который устроил ему эту муку, что закапывал словарь в гору бумаг с твер-

дым намерением прекратить подготовку, но тут же, одумавшись — ведь не станет же он безмолвно бродить с итальянцем мимо выставленных в соборе произведений искусства, — снова раскапывал и злился еще сильнее.

Ровно в половине десятого, когда он собрался уходить, зазвонил телефон — это была Лени: пожелать ему доброго утра и спросить, как у него дела. К. торопливо поблагодарил ее и сообщил, что сейчас у него совсем нет времени на разговоры, поскольку ему нужно в собор.

— В собор? — переспросила Лени.

— Ну да, в собор.

— Зачем же тебе в собор?

К. попытался вкратце объяснить, но только он начал, как Лени вдруг перебила:

— Гоняют они тебя.

Жалости, о которой он не просил и которой не ждал, К. не выносил. Он коротко простился с Лени, но, вешая трубку, сказал наполовину себе, наполовину собеседнице на другом конце провода, чьего голоса уже не слышал:

— Да, гоняют.

Теперь времени почти не оставалось — возникла даже опасность, что он не успеет к назначенному часу. К. поехал на автомобиле. В последний

момент он вспомнил об альбоме, который еще не успел передать, и взял его с собой. Теперь альбом лежал у него на коленях, и всю дорогу К. нетерпеливо барабанил по нему пальцами. Дождь немного утих, но было промозгло и мрачно. К. знал, что в такой темноте им мало что удастся разглядеть в соборе, зато от долгого стояния на холодном каменном полу его простуда легко могла усилиться.

Соборная площадь была совершенно пуста, и К. вспомнил, как еще ребенком заметил, что в домах на этой маленькой, узкой площади всегда задернуты шторы. При сегодняшней погоде это было особенно понятно. В соборе тоже оказалось пусто — естественно, сейчас никому бы не пришло в голову сюда зайти. К. пробежался по обоим боковым нефам и встретил только закутанную в теплую шаль старуху — она стояла на коленях перед образом Богородицы, не отрывая глаз от иконы. Вдалеке он заметил хромоногого служку, который тут же исчез за одной из дверей. К. не опоздал — когда он вошел, как раз било десять, но итальянца еще не было. К. вернулся к главному входу и некоторое время стоял там в нерешительности, затем обошел под дождем собор снаружи, чтобы посмотреть, не ждет ли его итальянец у

одного из боковых входов. Нигде его не было. Может быть, директор не понял, какое время было назначено? Да и как вообще можно было понять этого иностранца? Как бы то ни было, его следовало подождать по меньшей мере полчаса. От усталости К. тянуло присесть; он снова зашел в собор, нашел на ступеньке лестницы какой-то обрывок ковра, подтолкнул его носком туфли к ближайшей скамье, завернулся поплотнее в пальто, поднял воротник и сел. Чтобы скоротать время, он открыл альбом и немного полистал его, но вскоре ему пришлось оставить это занятие — сделалось так темно, что он едва мог различить ~~*колонны в ближайшем нефе или*~~ хоть какие-нибудь детали.

Вдалеке, у главного алтаря, он заметил большой треугольник света от свечей и не смог с определенностью вспомнить, видел ли его раньше, ~~*когда вошел*~~. Возможно, свечи только что зажгли. Такое уж у церковных служек ремесло — они движутся крадучись, их не замечаешь. Обернувшись, К. увидел, как в то же мгновение невдалеке от него зажглось сразу множество свечей на одной из колонн. Это было хоть и красиво, но совершенно недостаточно, чтобы осветить иконы боковых алтарей: они как будто еще глубже погрузились

во мрак. Итальянец поступил столь же невежливо, сколь и разумно, не придя в собор, — здесь было ничего не рассмотреть и пришлось бы довольствоваться разглядыванием отдельных икон, которые при помощи электрического фонарика К. можно было бы выхватить из темноты лишь частично. Чтобы прикинуть, что вышло бы из этой затеи, К. зашел в небольшую боковую часовенку, поднялся на пару ступенек к низкой мраморной балюстраде и, перегнувшись через нее, посветил фонариком на алтарь, перебивая расплывчатый свет лампады. Первым, что он разглядел, а отчасти угадал, оказалась высокая, закованная в латы фигура рыцаря — на иконе она была изображена с самого края. Рыцарь опирался на меч, воткнутый в голую землю, из которой торчали там и сям лишь несколько травинок. Возможно, ему было приказано нести дозор. К., давно уже не видевший живописи, долго рассматривал рыцаря, хотя ему все время приходилось щуриться — глаза плохо выносили зеленоватый свет фонаря. Скользя лучом по остальной части иконы, он обнаружил могилу Христа, изображенную вполне традиционно — хотя икона была сравнительно новой. К. убрал фонарик в карман и вернулся на свое место.

Ждать итальянца было, видимо, уже бесполезно, но снаружи дождь лил ручьями, а в соборе оказалось не так холодно, как ожидалось, и К. решил пока не уходить. Он устроился неподалеку от большой кафедры, на круглой крыше которой полулежали два простых золоченых креста — так, что концы их перекладин пересекались. Внешняя сторона балюстрады и ее соединение с несущей колонной были украшены вырезанной в камне листвой: из нее там и сям выглядывали ангелочки, то игривые, то мирные. К. подошел к кафедре и исследовал ее со всех сторон. Работа по камню была чрезвычайно тщательная, листья словно улавливали и удерживали глубокий сумрак. К. просунул руку в промежуток между листьями, осторожно касаясь камня; раньше он вообще не знал о существовании этой кафедры. Тут он случайно заметил за соседней скамьей служку в ниспадающей складками длинной черной рясе — он держал в левой руке табакерку и пристально наблюдал за ним.

«Чего он хочет? — подумал К. — Может, я кажусь ему подозрительным? Или он просто надеется на чаевые?» Но тот, поняв, что К. его заметил, показал правой рукой, между пальцами которой зажата была понюшка табака, в неопре-

деленном направлении. Было непонятно, что он имеет в виду, К. некоторое время не реагировал, но служка продолжал указывать на что-то рукой и вдобавок кивать в ту же сторону.

— Чего же ему надо? — пробормотал К., не осмеливаясь окликнуть служку.

Потом он вынул кошелек и стал протискиваться к служке мимо скамьи. Тот, однако, отмахнулся, пожал плечами и захромал прочь. Его быстрая неровная походка напомнила К., как он в детстве пытался изобразить, будто скачет на лошади. «В детство впал старик, — подумал К. — Ума ему хватает только на то, чтобы прислуживать. Смотри-ка, я остановился — и он. Прикидывает, пойду ли я дальше». Улыбаясь, К. шел за стариком через весь неф, пока не поравнялся с центральным алтарем, причем служка не переставал на что-то указывать, но К. нарочно не оборачивался, думая, что старик жестикулирует лишь для того, чтобы он отстал. Так он в конце концов и сделал, потому что не хотел слишком сильно пугать служку: он еще мог пригодиться на тот случай, если итальянец все же явится.

Выйдя в центральный проход в поисках оставленного альбома, К. заметил на колонне возле скамеек для хора небольшую боковую кафед-

ру, совсем простую, из голого светлого камня. Она была такая маленькая, что издали казалась пустой нишей, предназначенной для статуи ~~святого~~. Проповедник на ней не смог бы отойти от балюстрады даже на один полноценный шаг. Кроме того, венчавший кафедру простой каменный козырек нависал так низко, что человек среднего роста не смог бы под ним выпрямиться — пришлось бы перегибаться через балюстраду. Все было будто нарочно устроено, чтобы создать неудобства проповеднику, да и вообще — к чему такая кафедра при наличии второй, большой и столь искусно украшенной?

К. и не заметил бы маленькую кафедру, если бы над ней не висела ~~небольшая~~ лампа, какую зажигают, готовясь к проповеди. Неужели кто-то собирался сейчас проповедовать? В пустой-то церкви? К. присмотрелся к лестнице, которая плотно прилегала к колонне и вела на кафедру. Она была такая узкая, будто ее построили не для людей, а для украшения колонны. Но у ее подножия, к удивлению К., и в самом деле стоял священник. Он уже положил руку на перила, готовясь взойти на кафедру, и смотрел на К. Затем он слегка кивнул, и К., запоздало перекрестившись, поклонился в ответ. Опираясь о перила,

священник мелкими, быстрыми шагами поднялся на кафедру. Что же, и в самом деле будет проповедь? Возможно, служка вовсе не выжил из ума, а просто хотел привести К. к проповеднику, что в пустой церкви было особенно необходимо. Кстати, где-то здесь, перед иконой Богородицы, была еще старуха — ей тоже стоило бы подойти. Но если в самом деле начнется проповедь, разве не должен играть орган? Инструмент, однако, молчал, лишь слабо поблескивая в темноте высоко над головой.

Не убраться ли отсюда поскорее, подумал К.: во время проповеди такой возможности уже не будет, придется остаться до конца, и он потеряет кучу рабочего времени. Ждать итальянца он давно уже был не обязан: часы показывали одиннадцать. Но как же тут проповедовать — когда из всего прихода только один К.? А если он вообще посторонний, зашедший посмотреть храм, — тем более что так оно и есть! Даже мысль о проповеди сейчас, в одиннадцать утра рабочего дня, при самой отвратительной погоде, казалась нелепой. Священник — а это был, без сомнения, именно священник, молодой человек с гладким смуглым лицом, — наверняка поднялся лишь для того, чтобы погасить лампу, которую кто-то зажег по

ошибке.

Но нет, священник проверил светильник и даже подкрутил его, чтобы сделать поярче, затем медленно обернулся к балюстраде и ухватился обеими руками за узкие перила. Так он некоторое время стоял, не поворачивая головы, и окидывал взглядом собор. К. отошел подальше и облокотился на спинку передней скамьи. Краем глаза он заметил съежившегося где-то в уголке служку, который, похоже, закончил все свои дела. Как тихо стало теперь в соборе! К., однако, должен был нарушить тишину — он не собирался здесь оставаться; если обязанность священника состоит в том, чтобы проповедовать в определенный час невзирая на обстоятельства, пусть себе проповедует, для этого присутствие К. в качестве слушателя не требуется, а если он останется, это вряд ли сделает проповедь более действенной. ~~*Возможно, священник даже ждет ухода К., чтобы созвать паству и начинать.*~~ Наконец, К. решился, на цыпочках выбрался из-за скамьи в широкий центральный проход и пошел по нему — никто его не удержал, но даже легчайшие шаги по каменному полу отдавались и разносились под сводами слабым, но непрерывным и многократным эхом. К. одиноко брел между рядами скамеек

и, провожаемый, как ему казалось, взглядом священника, чувствовал, что теряется в почти невыносимо огромном пространстве собора. Дойдя до своего прежнего места, он, не задерживаясь больше, нашарил оставленный альбом и взял его в руки. Вот он уже почти миновал скамьи и приблизился к большому свободному пространству, отделявшему его от выхода, — и тут в первый раз услышал голос священника. Мощный, поставленный голос. Как разнесся он по собору, с какой готовностью подхватило его эхо! Но взывал священник не к пастве — в этом не было никаких сомнений, и отвертеться тоже было невозможно, ведь он произнес:

— Йозеф К.!

К. встал как вкопанный и уставился в пол перед собой. Пусть временно, но он был еще свободен, он мог еще двинуться дальше и выйти в одну из трех низких темных деревянных дверей, до которых ему оставалось совсем немного. Это могло бы означать, что он не расслышал… или что расслышал, но решил, что его это не касается. А обернется — вынужден будет остаться, потому что тем самым признает: он отлично понял, что позвали именно его, и готов повиноваться. Если бы священник позвал еще раз, К. точно пошел бы

дальше, но, не слыша больше ни звука, он слегка повернул голову, желая посмотреть, что делает священник. Тот спокойно стоял на кафедре, как и раньше, но очевидно было, что он заметил любопытство К. Не обернуться к нему лицом выглядело бы ребячеством, игрой в прятки. К. обернулся, и священник поманил его пальцем. Раз уж игра пошла в открытую, К. — и из интереса, и чтобы поскорее отделаться — широко и размашисто зашагал в сторону кафедры. Возле первой скамьи он остановился, но для священника это было все еще слишком далеко: он вытянул руку и указал пальцем строго вниз, на точку перед самой кафедрой. К. снова повиновался; здесь ему пришлось запрокинуть голову назад, чтобы видеть священника.

— Ты Йозеф К., — сказал священник и взмахнул рукой.

— Да, — сказал К.

Как свободно произносил он свое имя раньше и какой обузой оно стало для него в последнее время; вечно-то его знали люди, которых он видел в первый раз, — а ведь как приятно бывало сперва самому им представиться.

— Против тебя выдвинуты обвинения, — сказал священник нарочито тихо.

— Да, — сказал К. — Меня об этом уведомили.

— Тогда ты тот, кого я ищу, — сказал священник. — Я тюремный капеллан.

— Ах вот как, — сказал К.

— Я попросил вызвать тебя сюда, — сказал священник, — чтобы поговорить с тобой.

— Я этого не знал, — сказал К. — Я пришел, чтобы показать собор одному итальянцу.

— Опустим лишние детали, — сказал священник. — Что у тебя в руке? Молитвенник?

— Нет, — отвечал К. — Альбом городских достопримечательностей.

— Положи, — сказал священник.

К. отбросил альбом — так резко, что он раскрылся и немного проехал по полу, а страницы смялись.

— Ты знаешь, что процесс складывается не в твою пользу?

— Мне тоже так кажется, — сказал К. — Я приложил все усилия, но пока безуспешно. К тому же мое ходатайство еще не готово.

— Как ты себе представляешь, чем кончится дело? — спросил священник.

— Раньше я думал, что оно должно кончиться хорошо, — сказал К. — А теперь иногда сам в этом сомневаюсь. Не знаю, чем кончится. А ты

знаешь?

— Нет, — сказал священник, — но боюсь, что кончится плохо. Тебя считают виновным. Возможно, твой процесс не пойдет дальше самой нижней судебной инстанции. По крайней мере, пока твоя вина считается доказанной.

— Но я невиновен, — сказал К. — Это ошибка. Как вообще человек может быть виновен? Все мы люди, и ни один не лучше другого.

— Это верно, — сказал священник, — но виновные всегда так говорят.

— Ты тоже предубежден против меня? — спросил К.

— У меня нет предубеждения против тебя, — сказал священник.

— Я тебе благодарен, — сказал К. — А у всех остальных, кто участвует в суде, есть. И это предубеждение они внушают тем, кто не участвует. Мое положение час от часу все тяжелее.

— Ты неверно толкуешь факты, — сказал священник. — Приговор не выносится разом, судопроизводство постепенно переходит в приговор.

— Вот оно что, — сказал К. и понурился.

— Что ты собираешься дальше предпринять в связи со своим делом? — спросил священник.

— Буду искать помощи, — сказал К., поднимая

голову, чтобы увидеть, как священник воспримет его ответ. — Есть еще кое-какие неиспользованные возможности.

— Ты слишком рассчитываешь на чужую помощь, — сказал священник. — Особенно — и напрасно — со стороны женщин. Неужели ты не замечаешь, что это не настоящая помощь?

— Иногда, и даже часто, так оно и есть, — сказал К., — но не всегда. За женщинами большая сила. Если бы я мог уговорить некоторых моих знакомых женщин действовать на моей стороне сообща, я бы наверняка прорвался. Особенно в этом суде, который почти весь состоит из дамских угодников. Покажи следственному судье издали женщину, он опрокинет и свой стол, и обвиняемого, только чтобы поскорее до нее добраться.

Священник низко склонился к перилам — только теперь стало казаться, что низкий потолок кафедры давит на него. Интересно, что за непогода сейчас на улице? Хмурый день будто сменился глубокой ночью. Сквозь витражи на огромных окнах не проникало даже лучика света, так что стена казалась однородно темной. И именно сейчас служка начал гасить — одну за другой — свечи в главном алтаре.

— Ты рассердился на меня? — спросил К. свя-

щенника. — Ты, может, и не знаешь, какому суду служишь.

Ответа не было.

— Это только мой личный опыт, — сказал К.

Сверху по-прежнему не донеслось ни звука.

— Я не хотел тебя обидеть, — сказал К.

Тут священник закричал на него:

— Неужели ты не видишь дальше своего носа?

Это был гневный выкрик — но он походил и на непроизвольный возглас человека, напуганного чьим-то неожиданным падением~~, *и лишь ускоряющий это падение*~~.

После этого оба долго молчали. Наверняка священник с трудом мог разглядеть К. среди царившей внизу темноты — а вот К. ясно видел священника в лучах лампы. Почему он не сойдет с кафедры? Ведь он не проповедовал, а лишь сообщил К. нечто скорее вредное для него, чем полезное. Впрочем, его добрые намерения не вызывали у К. сомнений — он допускал, что, когда священник спустится вниз, они сумеют достичь согласия, допускал, что получит от него некий важный и полезный совет не о том, как повлиять на ход процесса, а о том, как из этого процесса вырваться, как его обойти, как выстроить жизнь вне процесса. Такой возможности не могло не

быть, часто думалось К. в последнее время. Да, священник — часть судебной системы, и, стоило К. высказаться о суде критически, он преодолел свое природное мягкосердечие и даже раскричался. Но вдруг священник знает, что делать, и поделится своим знанием, если его попросить?

— Не хочешь ли спуститься? — спросил К. — Ты же не собираешься проповедовать. Спускайся ко мне.

— Теперь уже можно, — сказал священник, возможно сожалея, что повысил голос. Он потянулся к лампе крюком, чтобы потушить ее, и добавил: — Сперва я должен был говорить с тобой издалека. Иначе я поддаюсь влиянию и забываю о службе.

К. ждал его у подножья лестницы. Священник, еще не до конца спустившись, протянул ему руку. К. ~~*поцеловал ее и*~~ спросил:

— Можешь уделить мне немного времени?

— Сколько захочешь, — сказал священник и протянул ему лампу, предлагая понести. Даже вблизи он излучал некую торжественность.

— Ты очень добр ко мне, — сказал К., прогуливаясь бок о бок со священником по темному нефу. — Не как все остальные из суда. У меня к тебе больше доверия, чем к любому их них, по

крайней мере из тех, с кем я уже имел дело. С тобой я могу говорить открыто.

— Не обманывай себя, — сказал священник.

— В чем же я себя обманываю? — спросил К.

— Насчет суда, — сказал священник. — Во введении к Закону говорится об этом заблуждении. У Врат Закона стоит стражник. Подходит к этому стражнику селянин и просит допустить его до Закона. Но стражник говорит, что сейчас не может дать ему разрешение на вход. Подумав, путник спрашивает, значит ли это, что он сможет войти позже. «Возможно, — отвечает стражник, — но не сейчас». Поскольку Врата Закона, как всегда, распахнуты, а стражник отошел в сторону, путник вытягивает шею, пытаясь разглядеть, что происходит за воротами. Заметив это, стражник ~~*отталкивает его жезлом и*~~ говорит: «Подглядывать тоже нельзя». И добавляет с улыбкой: «Если тебя туда так тянет, попытайся войти, несмотря на мой запрет. Но помни: за мной власть. К тому же я стражник низшего ранга. В каждом из следующих залов поставлен стражник, облеченный еще большей властью, чем предыдущий. Один только взгляд третьего из них неспособен выдержать даже я». Таких трудностей селянин не ожидал: Закон должен быть доступен всем и все-

гда, думает он, но, присмотревшись как следует к стражнику в меховой шубе, с большим острым носом и длинной, редкой, черной татарской бородой, решает, что лучше все-таки подождать разрешения, прежде чем входить. Стражник дает ему скамеечку и разрешает присесть сбоку от входа. Проходят дни, годы, а он все сидит. То и дело он пытается добиться, чтобы его впустили, и утомляет стражника своими просьбами. Стражник иногда ведет с ним недолгие беседы, расспрашивает его о доме и еще о чем-то, но все это равнодушные вопросы, какие задают важные господа, и под конец он всегда повторяет, что пока не может впустить путника. Тот, хоть и запасся основательно в дорогу, совсем издержался, а все сколько-нибудь ценное, что у него есть, предлагает стражнику, надеясь подкупить его. Стражник все берет, но при этом говорит: «Принимаю для того лишь, чтобы ты не думал, будто сделал что-то не так». Многие годы путник наблюдает за стражником почти неотрывно. О других он забывает и считает именно его своим единственным препятствием на пути к Закону. В первые годы он громко клянет свое невезение, потом, старея ~~*и слабея*~~, лишь ворчит себе под нос. Он впадает в детство. За долгие годы наблюдения

за стражником он познакомился с блохами в его меховом воротнике и уже упрашивает и блох, чтобы они помогли ему уговорить стражника. Наконец ему начинает отказывать зрение и он уже не знает, правда ли стемнело или глаза обманывают его. Однако он видит яркий свет, льющийся из Врат Закона. Жить ему остается недолго. Перед смертью все, что он испытал за все это время, сводится у него в голове к одному-единственному вопросу, который он еще не задавал стражнику. Он манит стражника пальцем, потому что тело его немеет и он больше не может подняться. Стражнику приходится низко над ним склониться — теперь он по сравнению с путником просто огромен. «Что еще ты хочешь знать? — спрашивает он. — Все-то тебе мало». «Все ведь стремятся к Закону, — говорит путник. — Почему же тогда за все эти годы никто, кроме меня, не требовал, чтобы его впустили?» Стражник понимает, что жизнь путника подходит к концу, и кричит ему, полуглухому: «Здесь никого, кроме тебя, впустить не могут, ведь эти Врата были предназначены для тебя одного. Пойду их закрою».

— Выходит, стражник обманул путника, — тут же сказал К.

~~*Он был благодарен за рассказ, и его приязнь к*~~

~~священнику укрепилась: тот не кичился, как другие, своим знанием суда, хотя явно им обладал. К тому же~~ притча его сильно тронула.

— Не спеши, — сказал священник. — Не принимай чужие слова на веру, не убедившись сам. Я рассказал тебе историю слово в слово, как она написана. Об обмане там ничего не сказано.

— Но все ведь ясно, — сказал К., — Ты же сразу все правильно объяснил. Стражник только тогда открыл путнику главное, когда ему уже нельзя было помочь.

— Раньше его не спрашивали, — сказал священник. — Не забывай и о том, что он был лишь стражником и свой долг как стражник он выполнил.

— Почему ты думаешь, что он выполнил свой долг? — спросил К. — Вовсе он его не выполнил. Он должен был, вероятно, отгонять чужих, но того, кому были предназначены Врата, он должен был впустить.

— Ты недостаточно внимателен к тексту и меняешь историю, — сказал священник. — В притче есть два важных объяснения стражника насчет доступа к Закону, одно в начале, другое в конце. Первое — что он сейчас не может дать путнику разрешение на вход, а второе — «эти Врата были

предназначены для тебя одного». Если бы эти объяснения противоречили друг другу, ты был бы прав: охранник обманул путника. Но противоречия нет. Напротив, первое объяснение даже указывает на второе. Можно даже сказать, что стражник выходит за рамки своих должностных обязанностей, давая путнику надежду на то, что в будущем он сможет войти. В этот момент, как представляется, обязанность его состоит лишь в том, чтобы отогнать путника. Вообще-то многие толкователи текста удивляются этим словам стражника — ведь он кажется человеком, который любит точность и подходит к своему делу со всей строгостью. Многие годы он не покидает свой пост и только в самом конце закрывает дверь; он отлично понимает важность своей работы, ибо говорит: «За мной власть»; он почитает вышестоящих, ибо говорит: «Я стражник низшего ранга»; он не болтлив, потому что за все годы задает лишь, как сказано в тексте, «равнодушные вопросы»; он неподкупен, ибо говорит о подарке: «Принимаю для того лишь, чтобы ты не думал, будто сделал что-то не так». На службе его не разжалобить и не разозлить, хотя о путнике сказано, что он «утомляет стражника своими просьбами». Наконец, о его педантичном характере говорит

его внешний вид: острый нос, длинная, редкая, черная татарская борода. Бывают же добросовестные стражники. Но образ этого стражника включает в себя и черты, весьма выгодные для того, кто ищет способ войти, и дающие намек, что в будущем он может немного превысить свои полномочия. Невозможно отрицать, что он несколько простоват и оттого чуть-чуть задается. Взять все эти высказывания про его собственную власть, про власть других стражников и про невыносимый даже для него взгляд одного из них — тон, которым он все это произносит, показывает, что его взгляд простодушен и затуманен сознанием собственной важности. Об этом толкователи говорят: верное представление о предмете и недопонимание этого самого предмета не вполне исключают друг друга. В любом случае, однако, надо понимать, что простодушие и зазнайство, как бы незначительны ни были их проявления, все же мешают охранять вход: это слабые стороны в характере стражника. К тому же стражник по натуре дружелюбен, он вовсе не бездушная функция. Уже в самом начале он подшучивает над путником, предлагая ему войти, несмотря на прямой и ясный запрет, а потом не отсылает его прочь, а дает ему, как

сказано в тексте, скамеечку и позволяет присесть сбоку от ворот. Терпение, с которым он долгие годы сносит просьбы путника, короткие беседы, готовность принимать подарки, благородство, с которым он позволяет путнику проклинать при нем судьбу, поставившую на его пути стражника, — все это позволяет увидеть в нем проблески сострадания. Не каждый стражник повел бы себя так же. Наконец, он откликается на жест путника и низко наклоняется к нему, чтобы дать возможность задать последний вопрос. Лишь легкое нетерпение — стражник знает, что дело идет к концу, — проявляется в его словах: «Все-то тебе мало». Некоторые заходят в своих толкованиях еще дальше, находя в словах «Все-то тебе мало» долю этого дружеского восхищения, пусть и не лишенного снисходительности. В любом случае образ стражника выглядит иначе, нежели тебе показалось.

— Ты знаешь эту притчу лучше и дольше меня, — сказал К. Они немного помолчали. К спросил:

— Так, значит, ты думаешь, что путник не был обманут?

— Не пойми меня превратно, — сказал священник, — я лишь рассказываю тебе о чужих

мнениях на этот счет. Тебе не обязательно с ними полностью соглашаться. Текст неизменен, а мнения часто лишь отражают заблуждения по поводу его смысла. Например, есть даже такое мнение, согласно которому сам стражник — обманутая сторона.

— Ничего себе мнение, — сказал К. — Чем ~~же~~ оно обосновано?

— Обоснование, — ответил священник, — связано с простодушием ~~и зазнайством~~ стражника. Предполагают — ему неизвестно, что внутри Закона он знает лишь дорожку, по которой каждый день ходит перед Вратами. Его представления о том, что внутри, считают по-детски наивными, и предполагают, что он сам боится того, чем хочет напугать путника. И боится сильнее, чем путник: тот ведь только и хочет, что войти, даже узнав об ужасных стражниках внутри; стражник же внутрь не заходит, или, по меньшей мере, нам об этом ничего не сообщается. Другие, впрочем, говорят, что наверняка он уже был внутри, — ведь его же когда-то приняли служить Закону, а это нигде, кроме как внутри, случиться не могло. На это можно ответить, что он мог получить приказ охранять ворота и в виде окрика изнутри или что, во всяком случае, в дальние залы ему нельзя,

поскольку он не может вынести даже взгляд третьего стражника. Кроме того, в тексте не упоминаются его рассказы о внутренних покоях, за исключением истории о стражниках. Возможно, ему это было запрещено, но он и о запрете ничего не рассказывал. Из всего этого делают вывод, что он не знает ни как выглядит, ни что означает находящееся внутри и сам обманывается на этот счет. И насчет путника он обманывается тоже: ведь он, стражник, по своему положению ниже путника и не понимает этого. То, что он обращается с путником как с нижестоящим, следует ~~*из решительности, с которой он его отгоняет, из того, как он с ним шутит в начале, и*~~ из многого ~~*другого*~~, что ты наверняка запомнил. Но, согласно этому мнению, должно читаться столь же ясно и то, что на деле стражник стоит ниже путника. Прежде всего — свободный выше подневольного. А ведь путник на самом деле свободен, он может идти куда угодно, только доступ к Закону ему запрещен, да и то одним лишь стражником. Проводить жизнь на скамеечке возле входа его никто, согласно притче, не заставляет, он делает это добровольно. Стражник, напротив, прикован служебным долгом к своему посту, он не смог бы ни уйти прочь, ни, судя по всему, войти

внутрь, даже если бы захотел. Кроме того, хотя он находится на службе Закона, его пост — лишь у этого входа, а значит, он служит Закону только ради этого путника, для которого вход и предназначен. И по этой причине тоже стражник стоит ниже путника. Выглядит так, что он много лет нес службу впустую: ведь путник пришел к воротам уже зрелым мужчиной, а это значит, что стражник ждал, прежде чем смог исполнить свое предназначение, — ждал столько, сколько угодно было путнику, который пришел к нему добровольно. И закончилась служба вместе с жизнью путника, так что стражник стоит ниже его до самого конца. И, говорят сторонники этой точки зрения, стражник опять-таки, похоже, об этом не подозревает. Поэтому нет ничего удивительного в том, что с этой точки зрения стражник пребывает в еще большем заблуждении — он заблуждается относительно своей службы. А именно — в конце он говорит о Вратах: «Пойду их закрою», но ведь в начале говорится, что Врата Закона открыты вечно, то есть никогда не закрываются вне зависимости от того, жив ли тот, для кого они предназначены, — а значит, и стражник не может их затворить. Здесь мнения расходятся: говоря, что закроет Врата, стражник просто

ссылается на свою служебную инструкцию или хочет вызвать у путника в его последние минуты сожаление и грусть? Многие, однако, сходятся на том, что он не сможет затворить Врата. Говорят даже, что, по крайней мере в конце, путник превосходит стражника знанием — ведь он видит свет, проливающийся из Врат Закона, тогда как стражник стоит к ним спиной и никак не выказывает, что заметил нечто необычное.

— Хорошее обоснование, — сказал К. Некоторые места из рассказа священника он даже повторял про себя, шевеля губами. — Хорошее обоснование, и теперь я тоже считаю, что стражник обманывается. Но я не отказываюсь и от прежнего своего мнения — обе эти точки зрения кое в чем совпадают. Дело не в том, заблуждается ли стражник или все видит ясно. Я сказал, что обманут путник. В том, что стражник заблуждается, можно сомневаться, но если это так, то его заблуждение непременно должно передаться путнику. Если стражник в этом случае и не обманщик, то он такой простак, что его давно должны были бы выгнать со службы. Подумай и о том, что заблуждение, в котором пребывает стражник, ему почти не вредит, а путнику — вредит тысячекратно.

— Здесь ты вступаешь в конфликт с противопо-

ложным мнением, — сказал священник. — Некоторые говорят, что притча никому не дает права судить о стражнике. Каким бы он ни представал перед нами, он все-таки служитель Закона и, следовательно, принадлежит Закону, а людской суд над ним не властен. В таком случае нельзя и заключить, что стражник стоит в иерархии ниже путника. Ведь даже служба у Врат Закона — это несравнимо больше, чем свободная жизнь во внешнем мире. Путник лишь приходит к Закону, а стражник уже там. Он призван на службу Законом, и сомневаться в его значимости — все равно что сомневаться в Законе.

— С этим мнением я совершенно не согласен, — сказал К., качая головой, — поскольку, соглашаясь с ним, надо все, что говорит стражник, считать правдивым. Но это невозможно — ты сам это подробно обосновал.

— Нет, — сказал священник, — не надо считать все~~, что говорит стражник,~~ правдивым, надо лишь считать это необходимым ~~и тем довольствоваться~~.

— Какая безрадостная точка зрения, — сказал К. — Ложь объявляется основой миропорядка.

Хоть он и сказал это в заключение разговора, но окончательного мнения у него не сложилось.

Он слишком устал, чтобы вдаваться во все, что следует из притчи. Она направила его мысли непривычными путями к далеким от реальности вещам, которые больше приличествовали для обсуждения судебным чиновникам, чем ему. Простая притча утратила форму, он хотел стряхнуть с себя ее чары, и священник, проявив недюжинную тактичность, не стал этому противиться и принял замечание К. молча, хотя оно явно противоречило его собственному мнению.

Некоторое время они молча шли рядом, причем К. держался как можно ближе к священнику, не понимая в темноте, где они находятся. Лампа у него в руке давно погасла. Однажды прямо перед ним блеснула серебром статуя какого-то святого — и снова погрузилась во тьму. Чтобы не следовать совсем уж бездумно за священником, К. спросил:

— Главный вход ведь совсем близко, верно?

— Нет, — сказал священник. — Мы от него далеко. Ты уже собираешься уходить?

Хотя К. в ту минуту ничего такого не думал, он тут же ответил:

— Вот именно, мне пора. Я старший управляющий в банке, меня ждут, я просто зашел, чтобы показать собор иностранному партнеру.

— Что ж, — сказал священник и протянул К. руку, — тогда иди.

— Только я в темноте не найду дорогу, — сказал К.

— Иди налево до стены, — сказал священник, — а потом все время вдоль нее, и найдешь выход.

Священник отошел на пару шагов, но К. громко крикнул ему вслед:

— Пожалуйста, постой!

— Стою, — сказал священник.

— Ты больше ничего от меня не хочешь? — спросил К.

— Нет, — сказал священник.

— Ты был так добр ко мне и все мне объяснял, а теперь отпускаешь, будто тебе до меня и дела нет.

— Тебе же нужно идти, — сказал священник.

— Ну да, — сказал К., — войди в мое положение.

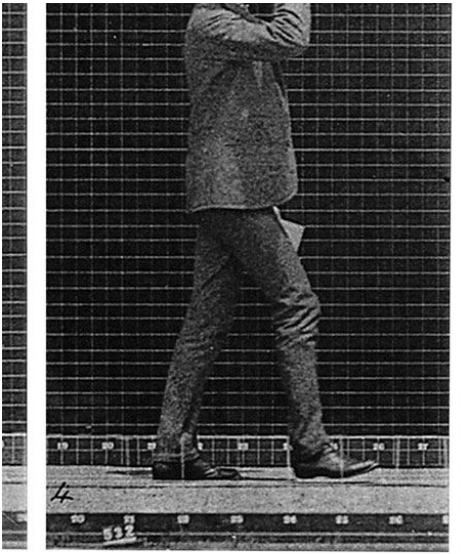
— Сперва ты войди в мое, — сказал священник. — По-твоему, я кто?

— Ты тюремный капеллан, — сказал К. и подошел к священнику поближе; ему уже не казалось, что необходимо срочно вернуться в банк, можно было и задержаться.

— Следовательно, я из суда, — сказал священ-

ник. — Чего же мне от тебя хотеть? Суд ничего от тебя не хочет. Приходишь — он принимает тебя, уходишь — отпускает.

Адвокат, фабрикант, художник


4
5

Однажды зимним утром — едва светало, шел снег — измученный К. сидел, несмотря на ранний час, в своем кабинете. Чтобы отгородиться хотя бы от подчиненных, он сказал клерку никого не впускать — мол, он занят очень важным делом. Но вместо работы он ерзал в кресле, переставлял предметы на столе, а потом, словно во сне, вытянул руку поперек стола, склонил на нее голову и так сидел без движения.

Мысли о процессе больше не оставляли его. Часто он обдумывал, не составить ли для суда ходатайство в свою защиту. Он хотел коротко изложить в нем свою биографию и против каждого сколько-нибудь значимого события написать, почему поступил так, а не иначе, насколько эти поступки заслуживали упрека или одобрения, согласно его сегодняшним представлениям, и чем он мог это обосновать. Преимущества такого ходатайства перед обычной защитой силами небезупречного адвоката были несомненны. К. вообще не знал, чем занят адвокат, но тот явно не слишком себя утруждал, потому что уже месяц не приглашал К. к себе, да и раньше, когда они еще виделись, у К. не складывалось впечатления, что адвокат может сделать для него нечто существенное. Он ведь даже почти не задавал вопросов. А

спросить-то было о чем! Вопросы в таком деле — самое важное. У К. возникало ощущение, что все необходимые вопросы ему приходится задавать самому~~, а с этим ощущением — заодно и жгучее желание на них отвечать~~.

Адвокат же, вместо того чтобы спрашивать, сам что-то рассказывал или сидел молча, немного наклоняясь к нему через письменный стол, — вероятно, потому что плохо слышал, — а попутно подергивал себя за бороду и то и дело посматривал на ковер, может быть, на то самое место, куда К. повалился вместе с Лени. Иногда он зачем-то поучал К., словно ребенка~~, — мол, надо пораньше ложиться спать, не носить такой дорогой одежды, составить завещание, дома пользоваться не электрическим светом, а лишь свечами, и так далее~~. Ни за эти бессмысленные поучения, ни за прочие скучные речи К. не собирался при окончательном расчете платить ни копейки.

Решив, что достаточно унизил К., адвокат обычно принимался его ободрять. Говорил, что выиграл полностью или частично много подобных процессов — пусть и не таких тяжелых, как нынешний, но внешне еще более безнадежных. Перечень этих процессов у него здесь, в ящике стола — тут он похлопывал по какому-нибудь

из ящиков, — но показать документы он, к сожалению, не может, служебная тайна. И все же огромный опыт, приобретенный в ходе этих процессов, разумеется, будет использован во благо К. Само собой, он, адвокат, сразу взялся за дело, и первое ходатайство уже почти готово. Оно играет очень важную роль, потому что первое впечатление, произведенное защитой, часто определяет весь ход процесса. К сожалению — и К. следует об этом знать — иногда случается, что суд вовсе не читает первые ходатайства. Их просто подшивают к делу и ссылаются на то, что в первое время допросы и наблюдение за обвиняемым важнее любой писанины. А если ходатай проявляет настойчивость, добавляют, что перед приговором рассматриваются в совокупности все собранные материалы, в том числе и эти первые ходатайства. Впрочем, к сожалению, это по большей части не так — первые ходатайства обычно подшивают не туда или вовсе теряют, и даже когда они сохраняются до самого конца, то, по слухам, их едва ли прочитывают. Все это достойно сожаления, но в чем-то оправданно: К. не стоит упускать из виду, что процесс непубличный, — суд может, если сочтет нужным, его открыть, но законом публичность не предписана.

Вследствие этого и материалы суда, в первую очередь обвинительное заключение, недоступны обвиняемому и его защите, так что им или по большей части, или вообще непонятно, против чего возражать в первом ходатайстве; в нем лишь случайно может обнаружиться нечто имеющее отношение к делу. По-настоящему существенные и подкрепленные доказательствами ходатайства можно составить разве что позже, по мере того как в ходе допросов обвиняемого выясняются или угадываются отдельные пункты обвинения и их обоснования.

При таких обстоятельствах защита, естественно, оказывается в крайне невыгодном и сложном положении. Но и это не случайно. Закон не столько разрешает, сколько терпит защиту, и даже о том, насколько то или иное положение закона можно истолковать в духе такой терпимости, идут споры. Поэтому, строго говоря, не существует адвокатов, признанных судом, — все, кто выступает перед судом в этом качестве, по сути, лишь стряпчие без всякого статуса. Это, конечно, сказывается на их положении. Когда К. в следующий раз окажется в судебной канцелярии, может сам ради интереса заглянуть в адвокатскую палату. Вид компании, которая там собирается,

наверняка заставит его содрогнуться.

Да и сама выделенная им тесная комната с низким потолком свидетельствует о презрении, которое питает к этим людям суд. Свет попадает в палату лишь через маленькое отверстие, расположенное к тому же так высоко, что даже если захочешь выглянуть, приходится договариваться с коллегой, чтобы тот подставил спину, — но и тогда только нанюхаешься дыма из выведенной поблизости каминной трубы, а все лицо заляпает сажей. Еще пример, свидетельствующий о состоянии этой палаты: в полу уже больше года дыра — целиком в такую не провалишься, но одной ногой запросто можно угодить. Адвокатская палата находится на втором чердачном этаже, и если случается такая неприятность, нога свешивается на первый чердачный этаж, прямо в коридор, где ждут просители. Так что если в адвокатских кругах такие условия называют постыдными, это вовсе не преувеличение. Жалобы в управление делами ни к чему не приводят, при этом адвокатам строжайше запрещено что-либо менять в комнате за свой счет.

Но и такое обращение с адвокатами имеет свои причины: защиту стараются, насколько возможно, исключить из процесса и все заботы

возложить на самого обвиняемого. В сущности, ничего страшного в этой позиции нет, главное — не делать из нее ложного вывода, что в этом суде адвокаты обвиняемым ни к чему. Напротив, ни в каком другом суде в них нет такой необходимости, как здесь.

В общем, процесс закрыт не только для общественности, но и для обвиняемого. Естественно, закрыт настолько, насколько это вообще возможно, — но на деле возможности весьма широки. Обвиняемый не имеет доступа к материалам суда, а разобраться в ходе допросов, на основании чего они ведутся, довольно трудно, особенно для обвиняемого — лица заинтересованного и постоянно отвлекаемого всевозможными заботами. Вот тут-то и берется за дело защита. На допросах защитнику обычно присутствовать не разрешается, поэтому он должен немедленно после допроса и, если это возможно, сразу за дверью кабинета следователя расспросить обвиняемого о ходе допроса и из его рассказов, зачастую запутанных, извлечь полезные для защиты сведения. Но это не главное — таким путем немногое можно выяснить, хотя, конечно, человек дельный и тут выяснит больше прочих. Самое главное — личные связи адвоката, в них-то и есть главная

ценность защиты.

Ведь К. и из собственного опыта уже знает, что низшие уровни судебной иерархии невозможно полностью очистить от недобросовестных и корыстных чиновников, вследствие чего в стене, которой ограждает себя суд, возникают проломы. В них-то и протискиваются самые разные адвокаты — подкупают, выведывают, в прежние времена, случалось, они и судебные дела воровали. Невозможно отрицать, что такими способами можно добиться весьма удивительных результатов для обвиняемого, и стряпчие хвастают успехами, заманивая новых клиентов, но для дальнейшего хода процесса успехи эти бесполезны, а то и вовсе вредны. Настоящую ценность имеют только честные личные отношения, причем исключительно с высшими чинами — конечно, тут имеются в виду высшие из низших. Только так можно повлиять на ход процесса, пусть поначалу и незаметно, но в дальнейшем все более явно. На это способны, естественно, лишь немногие адвокаты, и в этом смысле К. сделал удачный выбор. Может быть, от силы несколько других адвокатов могли бы похвастаться такими же связями, как у доктора Хульда. Их не интересует компания, которая собирается в адвокатской

палате, и они не имеют с ней никаких дел. Тем теснее их связь с судейскими чиновниками. Д-ру Хульду не обязательно ходить в суд, дожидаться в приемной случайной встречи со следственным судьей и, в зависимости от настроения последнего, добиваться лишь видимости успеха, да и то в лучшем случае. Нет, К. сам имел возможность убедиться, что чиновники, причем высокого ранга, приходят сами, добровольно — либо открыто, либо в форме ясных намеков — снабжают его сведениями, обсуждают дальнейший ход процесса, даже иногда позволяют себя переубедить и уж в любом случае с готовностью выслушивают чужое мнение. Впрочем, что касается последнего, не стоит им слишком уж доверять — сколь бы внятно ни была высказана их новая, выгодная для обвиняемого точка зрения, они, возможно, отправятся прямиком в канцелярию и на другой же день дадут противоположное заключение, даже более суровое к обвиняемому, чем их первоначальная позиция, от которой они якобы совершенно отошли. Тут уж никак не выкрутишься: ведь все, что они сказали с глазу на глаз, остается между нами и не может иметь никаких публичных последствий, даже если защита и не очень-то ищет благосклонности этих господ.

С другой стороны, верно и то, что эти господа имеют дело с квалифицированной защитой не только из любви к ближнему или из дружеских чувств к защитнику, а в гораздо большей степени заботятся о себе самих. Здесь проявляется недостаток суда, основополагающий принцип которого — закрытость. Чиновникам не хватает связи с населением. Они хорошо подготовлены к рядовому, среднему процессу, такой процесс у них сам собой катится, как по рельсам, только иногда приходится его легонько подтолкнуть, — но в совсем простых случаях, как и в особенно сложных, они часто теряются. Из-за того, что они вечно сосредоточены на писаных законах, в области человеческих отношений чутье им отказывает, а в таких делах без него не обойтись. Тогда-то они и идут за советом к адвокатам, а за ними клерк несет бумаги, те самые, что обычно держат в секрете. Вот у этого окна иной раз можно увидеть самых неожиданных людей — стоят они и смотрят на улицу, скорбя, пока адвокат за письменным столом изучает дело, чтобы дать им хороший совет.

Кстати, именно при таких обстоятельствах можно увидеть, насколько серьезно эти господа относятся к своей работе и в какое отчаяние их

приводят препятствия, которые они по своему природному складу неспособны преодолеть. Их положение тоже непростое, не надо судить о них превратно — будто им приходится легко. Служебная лестница в суде бесконечно длинна, и никто, кроме посвященных, не видит ее полностью. Хотя судебное производство в целом скрыто от глаз нижестоящих чиновников, а потому они почти никогда не могут как следует разобраться в мелких деталях дел, над которыми работают. Когда дело попадает в их поле зрения, они не знают, откуда оно взялось, а когда исчезает — не знают куда. В результате от этих чиновников ускользает понимание, как из отдельных стадий процесса складываются окончательное решение и его обоснование. Они могут иметь касательство к той лишь части процесса, которая отведена для них законом, и часто знают о дальнейшем — в том числе о результатах своей работы — меньше, чем защита, которая, как правило, поддерживает связь с обвиняемым почти до самого завершения процесса. Так что и в этом смысле чиновники могут узнать от защиты много ценного.

Зная все это, заключал адвокат, стоит ли удивляться раздражению чиновников, которое — а такой опыт есть у каждого — часто проявляется в

форме, обидной для других участников процесса? Все чиновники раздражены, даже когда внешне кажутся спокойными. Конечно, больше всего от этого страдают мелкие адвокаты. Рассказывают, например, такую историю, весьма похожую на правду. Один старик-чиновник, добропорядочный, спокойный господин, весь день и всю ночь изучал сложное дело, которое особенно запутали ходатайства адвоката: эти чиновники на самом деле трудолюбивы, как никто. Ближе к утру, после двадцати четырех часов не слишком, вероятно, результативной работы, он пошел к главному входу, устроил там засаду и каждого адвоката, пытавшегося войти в здание, спускал с лестницы. Адвокаты собрались у нижней ступеньки и стали советоваться, что делать. С одной стороны, требовать, чтобы их впустили, они никакого права не имели, а потому юридически ничего против чиновника предпринять не могли — к тому же, как уже упоминалось, им следовало вести себя осторожно, чтобы не настроить против себя судейских. С другой стороны, каждый день, проведенный вне суда, для них потерян, так что им хотелось непременно пробиться внутрь. Наконец они договорились взять старика измором. Один за другим взбегали адвокаты по лестнице,

чтобы, оказав по возможности лишь пассивное сопротивление, снова скатиться вниз, где их подхватывали коллеги. Так продолжалось примерно час. Наконец старик — а он и так уже был утомлен ночной работой — и в самом деле устал и вернулся к себе в канцелярию. А там, внизу, поначалу не верили, что он и вправду ушел, и один адвокат отправился посмотреть, все ли чисто за дверью.

Только тогда все они зашли внутрь и, вероятно, не осмелились даже роптать. Потому что адвокаты — а даже самые мелкие из них хотя бы частично понимают, как все устроено, — совершенно не хотят ни добиваться каких-то улучшений в работе суда, ни сами их вводить; что же касается обвиняемых, тут немаловажно отметить: почти все они, даже люди совсем простые, с первого дня процесса начинают думать, какие бы предложить улучшения, и часто тратят на это время и силы, которые можно было бы использовать гораздо разумнее. Единственно правильный путь — приспосабливаться к имеющимся условиям. Даже если бы можно было улучшить какие-то мелочи — что, впрочем, не более чем нелепое прожектерство, — в лучшем случае этим можно добиться какой-то пользы для будущих обвиняемых, но себе навредить

неизмеримо больше, привлекая особое внимание злопамятных чиновников. Ни в коем случае не привлекать внимания! Вести себя спокойно, даже когда это противоречит твоему разумению! Надо попытаться понять, что весь этот огромный судебный организм всегда находится в движении и если человек самостоятельно что-то изменит на своем месте, то выбьет у себя почву из-под ног и упадет, а большая система легко исправит эту мелкую поломку, найдет замену где-то в другом месте — все ведь связано — и останется неизменной, а то и станет, что еще вероятнее, даже более закрытой, более бдительной, более строгой, более зловредной. Так что лучше предоставить возможность действовать адвокатам и не мешать им.

В упреках нет большого смысла, особенно если вся их подноготная недоступна пониманию упрекаемого, но все же стоит упомянуть, как сильно К. навредил делу своим поведением с директором канцелярии. Этого влиятельного человека можно, в сущности, уже вычеркнуть из списка тех, у кого стоит искать поддержки. Даже если мимоходом упомянуть при нем об этом процессе, он наверняка и слушать не пожелает. В чем-то чиновники — как дети. Что-нибудь безобидное — а поведение К. таковым, к сожалению, не

назовешь — может их так задеть, что они и со старым другом перестанут разговаривать, при встрече начнут отворачиваться и во всем ему будут противодействовать. А потом вдруг без особой причины улыбнутся какой-нибудь шуточке, на которую тот старый друг едва решился, потому что ему все казалось бесполезным, — и снова мир.

С ними одновременно и легко, и трудно иметь дело, правил тут почти никаких. Иногда поражаешься, как человеческой жизни хватает, чтобы разобраться во всем, что здесь нужно для успешной работы. Бывают, конечно, у каждого такие мгновения, когда руки опускаются, кажется, что вообще ничего не добиться и что лишь те процессы, которым с самого начала предопределен счастливый конец, заканчиваются удачно и закончились бы так без всякой посторонней помощи; другие же проигрываешь, несмотря на всю беготню, все старания, все мелкие вроде бы удачи, которым так радуешься. В такие моменты бываешь не уверен вообще ни в чем и в ответ на прямые вопросы не осмеливаешься даже отрицать, что своим участием пустил под откос процесс, который, казалось, идет отлично. И единственное, что остается, — верить в себя. Таким

приступам отчаяния — а это, конечно, всего лишь приступы, не более — адвокаты бывают подвержены в особенности тогда, когда у них из рук вырывают дело, которое они ведут давно и удачно. Это самое неприятное, что может случиться с адвокатом. И это не подзащитный увольняет адвоката — так вообще не бывает, обвиняемому, раз уж он взял себе защитника, приходится идти с ним до конца, что бы ни случилось. Единожды приняв помощь, как он может справиться сам? В общем, так не бывает, но случается иногда, что процесс принимает определенный оборот и адвокату в нем дальше участвовать нельзя. Тогда и дело, и подзащитного — все на свете у адвоката попросту отбирают; тогда и самые лучшие отношения с чиновниками уже не помогут, они и сами ничего не знают. И процесс переходит в такую стадию, на которой делу уже не поможешь: его рассматривает закрытый суд, и адвокату закрыт доступ к обвиняемому. Приходишь однажды домой и видишь на столе все многочисленные ходатайства, которые старательно и с самыми радужными надеждами подавал по этому делу: их вернули, потому что перенести их на новую стадию процесса невозможно, и теперь это лишь бесполезные бумажки. При этом процесс еще не

обязательно проигран, вовсе нет — во всяком случае, нет никакой веской причины так думать, просто о процессе больше ничего не известно и не будет известно уже никогда. Впрочем, к счастью, это лишь исключения, и даже если подобное случится с делом К., сейчас ему до такой стадии пока еще далеко. В его случае возможности для адвокатской работы пока весьма широки, и К. может быть уверен, что они будут использованы. Что до ходатайства, то оно, как уже упоминалось, пока не передано, но спешить некуда, намного важнее сейчас вводные разговоры с влиятельными чиновниками, и они уже состоялись. С переменным, как честно признался адвокат, успехом. Пока в подробности лучше не вдаваться, они лишь повлияют на К. не лучшим образом — либо чересчур обнадежат, либо напрасно напугают; стоит лишь сказать, что некоторые высказались весьма положительно и выразили готовность помочь, другие же высказались менее положительно, но отнюдь не отказали в помощи. Так что в целом результаты весьма благоприятные, из них просто не стоит делать никаких особенных выводов — ведь все предварительные переговоры начинаются примерно одинаково и только дальнейшее развитие событий покажет истинную цену этих

предварительных переговоров. Как бы то ни было, ничего еще не потеряно, и если к тому же удастся, несмотря на случившееся, заручиться поддержкой директора канцелярии — а кое-что для этого уже делается, — тогда перед нами будет, как говорят хирурги, чистая рана и станет можно с оптимизмом смотреть в будущее.

В подобных речах адвокат был неистощим. Они повторялись при каждой встрече. Всякий раз намечался прогресс, но сообщить, в чем он состоит, никогда не представлялось возможным. Работа над первым ходатайством продвигалась, но оно все не было готово, что при каждом следующем визите представлялось как большая удача: ведь в прошлый раз время для подачи ходатайства было крайне невыгодным, чего никак нельзя было знать заранее. И если К., вконец измотанный речами, осмеливался заметить, что дело, даже учитывая все трудности, продвигается очень медленно, ему возражали, что вовсе не так уж медленно, но, обратись он к адвокату своевременно, оно продвинулось бы гораздо дальше. Тут он оплошал, и эта оплошность будет стоить ему не только потерянного времени.

Приятное разнообразие в визиты к адвокату вносила лишь Лени, которая всегда исхитрялась

принести адвокату чай именно в присутствии К. Тогда она останавливалась позади К., будто бы наблюдая за адвокатом, который, наливая и отпивая чай, с какой-то жадностью склонялся над чашкой, и незаметно позволяла К. подержать ее за руку. Все молчали. Адвокат пил чай, К. сжимал руку Лени, а она иногда осмеливалась тихонько погладить его по волосам.

— Ты еще здесь? — спрашивал адвокат, допив.

— Я хотела унести посуду, — говорила Лени.

Последнее пожатие руки, адвокат вытирает рот и с новыми силами начинает забалтывать К.

Чего хотел адвокат — утешить или довести до отчаяния? К. этого не знал, но скоро укрепился во мнении, что его защита попала в плохие руки. Может, адвокат и говорил правду, но было столь же ясно, что сильнее всего он старается вылезти на передний план, ведь раньше он, похоже, никогда не вел такого крупного процесса, каким ему представлялся процесс К. Подозрения вызывали и его настойчивые ссылки на личные отношения с чиновниками. Неужели они используются исключительно во благо К.? Адвокат никогда не забывал упомянуть, что речь идет лишь о нижних чинах, то есть о служащих весьма зависимых, для чьего карьерного роста те или иные повороты

процесса, вероятно, могли иметь значение. Уж не используют ли они адвоката, чтобы добиться поворотов, совершенно невыгодных обвиняемому? Может быть, не в каждом процессе — бывают ведь наверняка и такие процессы, в ходе которых они подыгрывают адвокату в обмен на его услуги, им ведь тоже нужно поддерживать его репутацию. Но станут ли они так себя вести во время процесса К., сложного и важного, по мнению адвоката, а в суде сразу вызвавшего повышенное внимание? В том, что они будут делать, больших сомнений не было. Их поведение угадывалось уже по тому, что первое ходатайство до сих пор не было подано, хотя процесс шел уже не первый месяц. Из слов адвоката следовало, что разбирательство все еще на начальной стадии, что, конечно, походило на попытку усыпить бдительность обвиняемого, а потом огорошить его приговором или, во всяком случае, известием, что материалы расследования, завершившегося не в его пользу, передаются в вышестоящую инстанцию.

К. необходимо было браться за дело самому. Именно в моменты беспросветной усталости, как в это зимнее утро, когда мысли становились безвольно тягучими, никуда было не деться от этой уверенности. От его прежнего высокомер-

ного отношения к процессу ничего не осталось. Будь он один на свете, легко было бы не обращать внимания на процесс — но понятно, что тогда и самого процесса не случилось бы. Теперь же дядя потащил К. к адвокату, дело коснулось семьи, его положение стало в какой-то степени зависеть от хода процесса, сам он неосторожно, с непонятным удовольствием разболтал о нем знакомым, чужие люди неизвестно как о нем узнали, отношения с г-жой Бюрстнер менялись по ходу процесса… короче говоря, у К. больше не было выбора, участвовать или уклоняться от участия: он влип, и надо было защищаться. Устал — дело швах.

Впрочем, пока не было причин сильно беспокоиться. Ведь сумел же он за относительно короткое время достичь в банке довольно высокого положения и укрепиться в нем, добившись всеобщего признания, — теперь надо было те же способности применить к процессу, и тогда успех гарантирован. Первым делом, чтобы чего-то добиться, надо решительно отмести любые мысли о своей виновности. Он ни в чем не виновен. Процесс — не что иное, как крупное деловое предприятие, из тех, какие он много раз проворачивал к выгоде банка; это предприятие, чреватое,

как водится, разнообразными опасностями, от которых надо застраховаться. *~~С чего бы он должен потерпеть неудачу? Ведь он не утратил способности смотреть в корень, хоть в глазах и помутилось от усталости.~~*

В таком деле нельзя было размышлять ни о какой виновности, а стоило задуматься о собственной выгоде. С этой точки зрения неизбежным было решение как можно скорее, лучше прямо сегодня вечером, лишить адвоката доверенности. Хотя, если верить его рассказам, это нечто неслыханное и, вероятно, очень обидное — но К. не мог допустить, чтобы его личные усилия в рамках процесса натыкались на препятствия, созданные, возможно, его же адвокатом. Избавившись от адвоката, нужно было тотчас же подать ходатайство и, пожалуй, ежедневно настаивать на его рассмотрении. Разумеется, для этого недостаточно сидеть, как другие, в коридоре, положив шляпу под скамью. Он сам, или женщины, или еще какие-нибудь посланцы должны будут, что ни день, тормошить чиновников и заставлять их садиться за стол и изучать ходатайство К., вместо того чтобы таращиться на коридор сквозь решетку. Эти усилия должны быть неустанными и скоординированными, их надо постоянно

контролировать, и в кои-то веки суд должен столкнуться с обвиняемым, понимающим свое право на защиту.

Хотя К. чувствовал себя в силах все это провернуть, составление ходатайства было удручающе сложной задачей. Раньше, всего только неделей раньше, он умирал от стыда при одной мысли, что когда-нибудь придется писать такое ходатайство самому, но ему и в голову не приходило, что это может быть еще и трудно. К. вспомнил, как однажды утром, уже заваленный работой, он отпихнул все бумаги в сторону и взялся за записную книжку, чтобы набросать схему подобного заявления и предоставить ее в помощь неповоротливому адвокату. Как раз в этот момент открылась дверь дирекции и вошел, громко смеясь, заместитель директора. К. почувствовал себя униженным, хотя заместитель директора смеялся не над его ходатайством, о котором ничего не знал, а над биржевым анекдотом, который только что услышал. Для понимания анекдота требовался рисунок, и заместитель директора, наклонившись над столом К., выхватил у него карандаш и стал рисовать в блокноте, предназначенном для ходатайства.

Сегодня К. забыл о стыде; ходатайство сле-

довало составить. Если на работе для этого не найдется времени, что весьма вероятно, придется писать дома ночами, а не хватит и ночей — придется взять отпуск. Главное — не останавливаться на полпути, это самое неразумное, и в деловых предприятиях, и вообще. Составление ходатайства казалось делом практически бесконечным. Даже человек не робкого десятка легко мог прийти к выводу, что довести его до конца невозможно. Не из лености или коварства, которые только и мешали это сделать адвокату, а из-за недостатка сведений о предъявляемом обвинении и его возможном расширении: выходит, надо вспоминать всю жизнь вплоть до самых мелких происшествий, описывать и всесторонне проверять. И какая же это тоскливая работа! Подходит, пожалуй, лишь пенсионеру, чтобы занять впадающий в детство разум да заполнить дни, ставшие долгими. Но именно теперь, когда К. надо было всеми мыслями быть в работе, когда он еще находился на подъеме и уже представлял угрозу для заместителя директора, когда рабочие часы летели, а короткие вечера и ночи следовало посвятить наслаждениям молодости, — именно теперь К. приходилось браться за составление ходатайства.

Ему снова стало жаль себя. Почти непроизвольно, только чтобы с этим покончить, К. потянулся к кнопке электрического звонка, который был слышен в приемной. Нажимая на кнопку, он взглянул на часы. Одиннадцать! Целых два драгоценных часа потратил он на размышления и только сильнее прежнего отупел от усталости. Впрочем, время не пропало зря — он принял некоторые важные решения. Клерки, помимо всяческой корреспонденции, принесли две визитные карточки посетителей, уже давно дожидавшихся К. Это были весьма важные клиенты банка, которых, вообще говоря, ни в коем случае нельзя было заставлять ждать. Почему же, ну почему, словно спрашивали эти господа за закрытой дверью, обычно расторопный К. тратит лучшие часы рабочего дня на личные дела и зачем они явились в столь неудобное время? Утомленный и прежними мыслями, и тем, что ему предстояло, К. поднялся с места, чтобы принять первого клиента.

Это был невысокий, бодрый мужчина, фабрикант, К. хорошо его знал. Он извинился, что помешал К. закончить важную работу, а К., в свою очередь, извинился, что заставил фабриканта так долго ждать. Даже эти извинения К. произнес

настолько механически и с такой фальшивой интонацией, что фабрикант непременно это заметил бы, не будь он так озабочен делами. Вместо этого он стал вытаскивать из разных отделений портфеля счета и таблицы, раскладывать их перед К., объяснять различные позиции, исправил небольшую ошибку в расчетах, которую выловил даже при столь беглом просмотре, напомнил К. о похожей сделке, которую заключил с ним примерно год назад, упомянул вскользь, что сделкой интересуется другой банк, готовый взяться за нее себе в убыток, и наконец замолчал, чтобы узнать мнение К. Тот поначалу внимательно слушал фабриканта, мысль о важной сделке захватила и его, но, к несчастью, ненадолго — его внимание переключилось, и он лишь кивал, когда фабрикант повышал голос, а потом перестал и кивать, ограничившись разглядыванием склоненной над бумагами лысины и прикидывая, когда же собеседник поймет, что его речи совершенно бесполезны. Теперь, когда фабрикант замолк, К. поначалу показалось, что таким образом ему предлагают сознаться в неспособности сосредоточиться. Но, как он с сожалением понял по напряженному лицу фабриканта, явно готовому к любому ответу, нужно было продолжать деловой

разговор. Будто выполняя приказ, он наклонился и стал водить карандашом по строчкам, иногда останавливаясь и всматриваясь в какую-нибудь цифру. Фабрикант, предчувствуя возражения — может, с цифрами и правда было что-то не так, а может, дело было не в них, — прикрыл бумаги рукой и, подступив к К. совсем близко, заново начал описывать сделку в общих чертах.

— Непросто, — сказал К., поджал губы и бессильно поник в кресле, раз уж бумаги, единственное, на чем можно было сосредоточить внимание, были теперь от него скрыты.

Он лишь слегка приподнял голову, завидев, как приоткрылась дверь дирекции, за которой возник, словно в дымке, заместитель директора. Потом К. уже ни о чем не думал, а лишь любовался зрелищем, вдруг сделавшимся для него весьма приятным. Фабрикант тут же вскочил с кресла и поспешил навстречу заместителю директора. К. хотелось, чтобы он двигался еще в десять раз быстрее, ведь заместитель директора мог снова скрыться из виду. Но страхи его были напрасны: заместитель и фабрикант встретились, пожали друг другу руки и вместе двинулись к столу К. Фабрикант жаловался на недостаточный интерес старшего управляющего к сделке и указал на К.,

под взглядом заместителя директора снова склонившегося над бумагами. Теперь склонились над ними и остальные двое; фабрикант принялся перетягивать на свою сторону заместителя директора, а К. казалось, будто они раздулись до огромных размеров и теперь через его голову ведут переговоры о нем самом. Сперва он пытался, осторожно косясь по сторонам, понять, что происходит там, наверху, потом не глядя взял со стола одну из бумаг, положил ее себе на ладонь, приподнялся с места и предъявил обоим господам. При этом он не думал ни о чем определенном — просто чувствовал, что должен вести себя именно так, если подготовит длинное ходатайство, полностью его оправдывающее. Заместитель директора, принимавший заинтересованное участие в разговоре, лишь бегло взглянул на бумагу, но не стал вчитываться — что было важно для старшего управляющего, для него интереса не представляло, — а лишь забрал ее у К. со словами «Спасибо, я уже все понял» и спокойно вернул ее на стол. К. обиженно посмотрел на него. Заместитель директора, однако, этого совершенно не замечал, а если и замечал, то лишь радовался этому, часто разражался громким хохотом, резким выпадом совершенно смутил

фабриканта, но тут же разрядил обстановку, сам себе возразив, и наконец пригласил его в свой кабинет, чтобы там поставить точку в деле.

— Дело очень важное, — сказал он фабриканту. — Это для меня совершенно очевидно. А господину старшему управляющему, — и даже эти слова он адресовал только фабриканту, — наверняка только того и хочется, чтобы мы у него это дело забрали. Тут нужно все спокойно обмозговать, а он сегодня, похоже, перегружен работой, вот и в приемной у него люди ждут часами.

У К. еще хватило самообладания, чтобы отвернуться от заместителя директора и с застывшей вежливой улыбкой посмотреть на фабриканта. Больше он ничем себя не выдал, оперся, слегка ссутулившись, обеими руками на стол, как продавец за прилавком, и лишь смотрел, как его собеседники, продолжая разговаривать, собирают со стола бумаги и направляются в кабинет заместителя директора. В дверях фабрикант обернулся, сказал, что не прощается и что, конечно, доложит г-ну старшему управляющему, насколько удачно прошли переговоры, а заодно сообщит ему кое-что еще.

Наконец К. остался один. Ему даже не пришло в голову пригласить кого-нибудь еще из посетите-

лей, и он лишь смутно задумался, как это удобно, что люди в приемной убеждены, будто он до сих пор ведет переговоры с фабрикантом, а потому никто, даже клерк, не может к нему войти. Он подошел к окну, уселся на подоконник, крепко держась за оконную ручку, и стал смотреть вниз, на площадь. По-прежнему шел снег, ~~*небо*~~ еще совсем не просветлело.

Так он просидел долго, не понимая, что его, собственно, беспокоит, просто время от времени бросая тревожные взгляды через плечо на дверь приемной, за которой ему мерещились шорохи. Никто не заходил, и он успокоился, подошел к умывальнику, умылся холодной водой, в голове у него немного прояснилось, и он вернулся на свое место у окна. Взять защиту в свои руки — это выглядело теперь труднее, чем поначалу. Пока ему удавалось переложить защиту на адвоката, процесс, по сути, мало его касался: он наблюдал за всем издалека, и суд практически не мог дотянуться до него напрямую. Можно было при желании поинтересоваться, на какой стадии находится дело, но и — опять же, при желании — вновь отстраниться. Но теперь, когда он решил сам себя защищать, требовалось, по крайней мере временно, полностью посвятить

себя суду — конечно, ради полного и окончательного освобождения; но для достижения этой цели приходилось подвергать себя еще большей опасности, чем прежде. Даже если бы он в этом сомневался, сегодняшнее происшествие с заместителем директора и фабрикантом должно было убедительно доказать ему необоснованность сомнений. Не утратил ли он способности действовать из-за одной лишь неотвязной мысли, что придется защищать себя самому? Что же дальше-то будет? Ну и деньки ему предстоят! Найдет ли он дорожку, которая приведет его сквозь эти дебри к благополучному исходу? Не повлечет ли за собой тщательная защита — а любая другая не имеет смысла, — не повлечет ли она за собой необходимость устраниться по возможности от всего остального? Как он это переживет? И как вообще это провернуть в банке? Речь ведь не только о ходатайстве, для которого достаточно отпуска, хотя просить сейчас отпуск — уже большой риск, речь обо всем процессе, которому не видно конца. Вот какое препятствие выросло у К. на пути!

И как ему сейчас работать на банк? Он взглянул на письменный стол. Как впустить контрагентов и вести с ними переговоры? Как заниматься банковскими делами, когда процесс катится

вперед, когда на чердаке чиновники корпят над бумагами по его делу? Не назначено ли это ему судом как своего рода пытка, сопутствующая процессу? И станут ли в банке, оценивая его работу, делать скидку на особые обстоятельства? Никто и никогда не станет. О процессе не то чтобы совсем не знали, просто К. было не вполне ясно, кто и сколько знает. Он надеялся, что хотя бы до заместителя директора слухи еще не дошли, иначе тот наверняка бы использовал услышанное против К. и было бы бессмысленно ждать от него человеческого отношения или хотя бы уважения к коллеге. А директор… Конечно, он был расположен к К. и, вероятно, если бы узнал о процессе, захотел бы, насколько это от него зависит, облегчить его положение, но едва ли успешно, потому что директор в последнее время все больше подпадал под влияние своего заместителя: ведь противовес, который раньше создавал К., стал уменьшаться. А заместитель к тому же использовал болезнь директора для усиления своих позиций. На что же К. оставалось надеяться? ~~*Кто бы ни примерил судейскую мантию, чтобы слепо и скоро вынести приговор, постарается по меньшей мере унизить приговоренного — ведь это теперь так легко.*~~ Возможно, такими размышле-

ниями он лишь подрывает свою способность к сопротивлению, но ведь нельзя и обманывать себя — нужно смотреть на вещи настолько трезво, насколько это сейчас возможно.

Без особой цели, только чтобы подольше не возвращаться к столу, К. открыл окно. Отворилось оно с трудом, ручку пришлось повернуть обеими руками. Но когда оно распахнулось, в кабинет ворвался смешанный с дымом туман и принес с собой легкий запах костра.

— Противная осень, — сказал за спиной у К. фабрикант, незаметно вошедший в кабинет по пути от заместителя директора.

К. кивнул и бросил беспокойный взгляд на портфель фабриканта, из которого тот, наверное, собирался вытащить бумаги, чтобы рассказать об исходе переговоров с заместителем. Фабрикант, однако, уловил взгляд К., хлопнул по портфелю и сказал, не открывая его:

— Хотите услышать, как все прошло? В целом неплохо. Одобрение сделки у меня почти что в кармане. Молодец ваш замдиректора, хоть и совсем не прост.

Он улыбнулся и потрепал К. по руке, стараясь и у него вызвать улыбку. К., однако, показалось подозрительным, что фабрикант не хочет показать

ему бумаги, а в замечании фабриканта он ничего веселого не нашел.

— Господин старший управляющий, — сказал фабрикант, — это вы из-за погоды так мучаетесь. Вы сегодня как пришибленный.

— Да, — сказал К., прижимая пальцы к виску. — Голова раскалывается, семейные хлопоты.

— Такие дела, — сказал фабрикант, человек торопливый и не склонный никого спокойно выслушивать. — У каждого свой крест.

К. невольно сделал шаг к двери, будто собираясь выпроводить фабриканта, но тот сказал:

— У меня, господин старший управляющий, есть для вас еще одно маленькое сообщение. Очень не хочется вас сейчас этим утруждать, но я в последнее время уже дважды побывал у вас и запамятовал сказать. Отложу опять — пропадет, пожалуй, всякий смысл. А это было бы жаль, потому что, в сущности, мое сообщение не лишено ценности.

Прежде чем К. успел ответить, фабрикант подступил к нему, ткнул легонько согнутым пальцем в грудь и тихо произнес:

— У вас сейчас идет процесс, верно?

К. отступил на шаг и воскликнул:

— Вам это сказал заместитель директора!

— Ах, нет, — сказал фабрикант. — Откуда заместителю директора об этом знать?

— А вам? — спросил К., уже овладев собой.

— Я, бывает, слышу всякое из жизни суда, — сказал фабрикант. — Об этом-то я и хочу вам сообщить.

— Сколько народу, оказывается, связано с этим судом! — сказал К. и подвел фабриканта к столу.

Они уселись, как сидели прежде, и фабрикант сказал:

— К сожалению, я немногое могу вам рассказать. Но в таких делах ни одной мелочи упускать не стоит. К тому же мне хочется вам хоть как-то помочь, пусть моя помощь и будет весьма скромной. Мы ведь были раньше добрыми партнерами, верно? Ну так вот.

К. хотел было извиниться за свое поведение на сегодняшних переговорах, но фабрикант не позволил себя перебить, сунул портфель под мышку, чтобы показать, что спешит, и продолжал:

— О вашем процессе я узнал от некоего Титорелли. Он художник. Титорелли — это псевдоним, настоящего его имени я не знаю. Он уже много лет время от времени заходит ко мне в контору и приносит картинки, за которые я ему — он почти что попрошайка — подаю что-то вроде ми-

лостыни. Картинки, кстати, недурные, пейзажи, природа и всякое такое. Эти его визиты для нас обоих дело уже привычное, все идет по накатанной. Но тут он что-то зачастил, я попрекнул его, мы разговорились — мне было интересно, как он ухитряется зарабатывать на жизнь одной только живописью, — и я узнал, к своему удивлению, о его главном источнике дохода: портретах. Он сказал, что работает в суде. Я спросил, в каком. Он и рассказал мне про суд. Можете представить, как меня поразили эти рассказы. С тех пор всякий раз, как он заходит, я выслушиваю новости из суда и постепенно начинаю разбираться в этих делах. А Титорелли болтлив, мне все время приходится от него отбиваться, и не только потому, что он привирает, — деловому человеку вроде меня свои-то заботы, того и гляди, хребет сломят, не до чужих. Но это я отвлекся. Я тут подумал, может, Титорелли будет чем-то вам полезен, он ведь знает многих судей; сам он вряд ли пользуется большим влиянием, однако он мог бы вам посоветовать, как подступиться к разным влиятельным людям. И даже если эти советы сами по себе не сыграют решающей роли, они могли бы вам принести большую пользу. Вы ведь почти что адвокат. Так я всегда и говорю: старший управляющий К. почти

что адвокат. А насчет вашего процесса я вовсе не беспокоюсь. Но все же не зайти ли вам к Титорелли? По моей рекомендации он, я уверен, сделает все, что сможет. Я и в самом деле думаю, что вам стоит к нему зайти. Не обязательно сегодня — когда-нибудь, как сможете. Но, конечно же, вы вовсе не обязаны идти к Титорелли лишь потому, что я вам это советую. Нет, если вы считаете, что можете обойтись без Титорелли, то забудьте про него. Может быть, у вас уже есть подробный план действий, а Титорелли вам только помешает — тогда, конечно, ни в коем случае не ходите. Это ведь надо еще пересилить себя, чтобы у такого, как он, просить совета. Только если надумаете. А вот и рекомендательная записка, и адрес.

Разочарованный, К. взял записку и сунул ее в карман. Даже в лучшем случае те преимущества, которые сулила ему рекомендация, были незначительны по сравнению с вредом: фабрикант знает о его деле, а художник, видимо, продолжает распространять эти сведения. Он едва заставил себя сказать какие-то слова благодарности фабриканту, уже направившемуся к выходу.

— Я схожу к нему, — сказал он, прощаясь с фабрикантом у двери. — Или напишу ему, чтобы зашел ко мне на работу, я сейчас очень занят.

— Я так и знал, — сказал фабрикант, — что вы найдете наилучший выход. *Если будете ему писать, скажите, что хотите купить картину, и он явится на следующий же день.* Только я думал, что вам лучше не приглашать таких людей, как этот Титорелли, в банк для обсуждения процесса. Да и письма им посылать не всегда стоит. Но вы, конечно же, все обдумали и знаете, что вам делать, а что нет.

К. кивнул и проводил фабриканта до выхода из приемной. Но, несмотря на внешнее спокойствие, он только что сам себя порядком напугал. Ведь он сказал, что напишет Титорелли, лишь затем, чтобы как-то показать фабриканту, что ценит его совет и немедленно обдумает возможность встречи с Титорелли. Но если бы знакомство с Титорелли показалось ему перспективным, он, не колеблясь, и в самом деле написал бы ему. А о сопутствующих опасностях он задумался лишь после слов фабриканта. Неужели до такой степени нельзя положиться на собственный здравый смысл? Если он готов недвусмысленным письмом пригласить в банк темную личность и советоваться с этой личностью о своем процессе в кабинете, где лишь одна дверь отделяет его от заместителя директора, то не упускает ли он из

виду — и даже весьма вероятно, что упускает — и другие опасности, которым сам бежит навстречу? Не всегда кто-то будет рядом, чтобы предупредить. И как раз сейчас, когда нужно собрать все силы, чтобы взяться за дело, К. одолевают такие не свойственные ему прежде сомнения в собственной бдительности. Неужели трудности, которые он испытывает в банковской работе, начнутся теперь и на процессе? Так или иначе, он уже не понимал, как мог даже помыслить о том, чтобы написать Титорелли и пригласить его в банк.

Он еще качал головой, обдумывая все это, когда подошел клерк и указал ему на тех троих, что сидели на скамье в приемной. Они уже давно дожидались, когда же их впустят. Теперь, когда клерк заговорил с К., все трое встали — каждый хотел воспользоваться удобным моментом и раньше остальных привлечь его внимание. Раз уж в банке с ними обошлись невежливо, заставив терять время в приемной, они тоже решили не проявлять вежливости друг к другу.

— Господин старший управляющий, — начал говорить один из них.

Но К. уже послал за своим пальто и, одеваясь с помощью клерка, сказал, обращаясь ко всем

троим:

— Прошу меня извинить, господа, но сейчас у меня, к сожалению, нет времени вас принять. Приношу глубочайшие извинения, но я должен сейчас же отлучиться по срочному делу. Сами видите, как надолго меня задержали. Не будете ли вы так добры зайти в другой день, например завтра? А может быть, обсудим все по телефону? Или попробуйте прямо здесь коротко мне объяснить, о чем речь, и я дам исчерпывающий письменный ответ. Впрочем, лучше приходите в другой раз.

Эти предложения К. вызвали у посетителей, прождавших так долго совершенно без толку, такое недоумение, что они лишь безмолвно переглянулись.

— Ну что, договорились? — спросил К., снова повернувшись к клерку, который теперь принес ему и шляпу.

Через открытую дверь кабинета видно было, что снегопад за окном заметно усилился, так что К. поднял воротник пальто и застегнулся до самого горла.

Тут из соседней комнаты вышел заместитель директора и, увидев, как К. в пальто разговаривает с посетителями, спросил с улыбкой:

— Уходите, г-н старший управляющий?

— Да, — сказал К. и выпрямился. — У меня деловая встреча в городе.

Но заместитель директора уже обернулся к посетителям.

— А вы, господа? — спросил он. — Мне показалось, вы уже давно ждете.

— Мы уже обо всем договорились, — сказал К.

Но тут уж посетители утратили сдержанность и окружили К., объясняя, что не стали бы ждать часами, если бы их важные дела не требовали обстоятельного обсуждения наедине. Заместитель директора послушал некоторое время, посмотрел на К., стряхивавшего тем временем пылинки со шляпы и сказал:

— Господа, есть простой выход из положения. Если пожелаете, я с удовольствием проведу переговоры вместо г-на старшего управляющего. Ваши вопросы, естественно, требуют немедленного обсуждения. Мы, как и вы, деловые люди и знаем, насколько ценно время делового человека. Пожалуйста, заходите!

И открыл дверь в свою приемную.

Вот с какой готовностью подхватывал заместитель директора все, что К. был вынужден выпустить из рук! Стоит ли так сдавать позиции? Направляясь с неопределенными и, положа руку

на сердце, не очень-то серьезными надеждами к незнакомому художнику, К. нанес непоправимый урон работе. Было бы, наверное, куда правильнее снять пальто и постараться перетянуть к себе хотя бы тех двух посетителей, которым все равно пришлось ждать дальше. К., возможно, так и сделал бы, если бы не увидел в своем кабинете заместителя директора, который рылся в его шкафу с папками как в своем собственном.

— А, вы еще здесь, — громко сказал заместитель, завидев К., встревоженно подошедшего к двери, и на секунду обратил к нему лицо, резкие складки которого выдавали не столько возраст, сколько властность, а затем тотчас же вернулся к поискам. — Не могу найти копию контракта, — продолжал он. — Представитель контрагента говорит, что она у вас. Помогите-ка мне искать.

К. сделал шаг в его сторону, но заместитель директора остановил его:

— Спасибо, уже нашел, — сказал он и вернулся к себе в кабинет с большим пакетом документов, в котором явно была не только копия контракта, а еще много всякого.

«Сейчас я для него ничто, — сказал себе К. — Но как только разделаюсь с нынешними личными трудностями, именно он первым почувствует

на своей шкуре, что я вернулся». Немного успокоенный этими мыслями, он поручил клерку, уже давно державшему для него дверь открытой, при первой возможности доложить директору, что он на встрече в городе, и покинул банк, даже в чем-то довольный возможностью полностью посвятить некоторое время своему делу.

Он сейчас же поехал к художнику, жившему в предместье на противоположном от судебной канцелярии конце города. Этот район был еще беднее, дома еще темнее, в переулках грязь смешивалась с тающим снегом. В доме, где жил художник, была открыта только одна створка большой двери, а в другой внизу зияла дыра, из которой, как только К. подошел ближе, хлынула струя отвратительной жидкости — желтой, дымящейся, — от которой прыснула в ближайшую канаву крыса. На нижней лестничной площадке лежал ничком маленький ребенок и плакал, но его было почти не слышно из-за оглушительного шума слесарной мастерской в другом конце подъезда. Дверь мастерской была открыта, три работника колотили молотками по какой-то крупной детали. Большой лист жести, висевший на стене, отбрасывал бледные отсветы, сквозившие между двумя работниками и освещавшие

лица и фартуки.

К. лишь окинул все это беглым взглядом — он хотел побыстрее все здесь закончить: просто расспросить художника в двух словах и тотчас же вернуться в банк. Даже малейший успех мог благотворно повлиять на его сегодняшнюю работу. На четвертом этаже ему пришлось замедлить шаг — он совсем запыхался, ступеньки были слишком высокие, лестничные пролеты длинные, а художник, видимо, жил на чердаке. Да еще спертый воздух — лестничная клетка как таковая в доме отсутствовала, узкую лестницу с обеих сторон обрамляли стены с редкими маленькими окошками. Как только К. остановился передохнуть, из какой-то квартиры выскочили несколько девчонок и побежали смеясь вверх по лестнице. К. медленно пошел за ними, задержал одну из девочек, которая споткнулась и отстала от других, и спросил ее, поднимаясь рядом с ней по ступенькам:

— Здесь живет художник по фамилии Титорелли?

Девочка, почти горбунья, — ей едва можно было дать тринадцать — пихнула его локтем и скосила глаза. Ни возраст, ни телесный недостаток не скрывали ее явной распущенности. Она

уже не улыбалась, а мерила К. острым, вызывающим взглядом. Он притворился, что не замечает в ее поведении ничего необычного, и спросил:

— Знаешь художника Титорелли?

Она кивнула и ответила вопросом на вопрос:

— Зачем он вам?

К. счел полезным немного выведать у нее о Титорелли.

— Хочу, чтоб он меня нарисовал, — сказал он.

— Нарисовал? — она широко разинула рот, словно он сказал что-то особенно удивительное или неловкое, шлепнула К. ладошкой, подобрала обеими руками и без того коротенькую юбчонку и побежала так быстро, как только могла, за другими девчонками, чьи крики едва слышались откуда-то сверху.

Но уже за следующим поворотом лестницы К. снова встретил всех девочек. Очевидно, горбунья разболтала о его намерениях и они решили его дождаться — теперь девочки стояли по обе стороны лестницы, прижимаясь к стенам, чтобы К. легко мог пройти между ними, и разглаживали переднички. Глядя на эти два тесных ряда, К. видел лица одновременно детские и порочные. Когда ряды сомкнулись за спиной у К., впереди оказалась горбунья — уже она вела за собой

остальных. Это ей К. был обязан тем, что быстро нашел дорогу. Он хотел было подниматься дальше, но она показала ему ответвление лестницы, на которое надо было свернуть, чтобы попасть к Титорелли. Лестница, что вела к его жилью, была особенно узкой и очень длинной, без изгибов и поворотов — она вся просматривалась снизу доверху и заканчивалась у самой двери Титорелли. Дверь эта, освещенная чуть лучше лестницы — на нее падал свет из расположенного прямо над ней окошка в крыше, — была сколочена из некрашеных досок, на которых широкими мазками красной краски была начертана фамилия Титорелли. К. со своей свитой добрался лишь до середины лестницы, когда дверь приоткрылась и из нее выглянул мужчина, одетый, кажется, лишь в ночную сорочку.

— Ой! — вскрикнул он, увидев толпу гостей, и исчез. Горбунья захлопала в ладошки от радости, а остальные девчонки сгрудились за спиной у К., подталкивая его вперед.

Но не успели они подняться, как художник распахнул дверь настежь и с низким поклоном пригласил К. войти, а девчонок прогнал, не желая впускать ни одну из них, как они ни умоляли и как ни пытались протиснуться внутрь

если не с его разрешения, то против его воли. Только горбунье удалось проскользнуть под его вытянутой рукой, но художник погнался за ней, ухватил за юбки, развернул и выставил за дверь к остальным, все же не осмелившимся перешагнуть порог, пока художник бегал. К. не знал, что и подумать, — у него, пожалуй, создалось впечатление, что все это разыгрывается, беззлобно и по взаимному согласию. Девчонки у дверей попеременно вытягивали шеи и кричали художнику явно что-то шутливое — К. не понимал, что именно, — художник же смеялся, а горбунья норовила вырваться у него из рук. Наконец он закрыл дверь, еще раз поклонился К., протянул ему руку и представился:

— Живописец Титорелли.

— Вы, похоже, весьма популярны в этом доме, — сказал К., указывая на дверь, за которой шептались девочки.

— Ох уж эти мартышки, — сказал художник, тщетно пытаясь застегнуть ночную сорочку у горла. Он был босиком и успел лишь натянуть желтоватые и широкие холщовые штаны, державшиеся на тонком ремешке, длинный конец которого не был закреплен и болтался. — Эти мартышки вечно меня донимают, — продолжал

он, перестав возиться с рубашкой, на которой как раз оторвалась верхняя пуговица, и подтаскивая кресло, чтобы уговорить К. присесть.

— Однажды нарисовал одну их них — сегодня ее тут даже нет — и с тех пор они все до единой бегают за мной. Когда я дома, заходят, если я им разрешаю, но если меня нет, обязательно хоть одна да торчит в квартире. Сделали себе ключ от двери и передают между собой. Вы даже не представляете, как они надоели. Прихожу я, к примеру, с дамой, которую собираюсь писать, открываю дверь своим ключом и застаю ту горбатую — сидит тут за столиком и красит себе губы кистью, а ее младшие братья и сестры, за которыми она должна присматривать, бегают по комнате и разносят грязь. Или, бывает, прихожу — как раз вчера так вышло — поздно вечером, вы уж извините и за мой внешний вид, и за беспорядок, — так вот, прихожу я домой поздно вечером и хочу лечь в постель, как вдруг кто-то щиплет меня за ногу! Заглядываю под кровать и нахожу там одну такую. И чего они ко мне лезут, ума не приложу — я их не приманиваю, вы только что это могли заметить. Работать они, конечно, мешают. Если бы эту мастерскую не предоставляли мне бесплатно, я бы давно уже переехал.

Тут из-за двери послышался голосок, нежный и робкий:

— Титорелли, можно, мы теперь зайдем?

— Нет, — ответил художник.

— И мне одной тоже нельзя? — последовал вопрос.

— Тоже нет, — сказал художник, подошел к двери и запер ее на ключ.

К. тем временем осмотрелся в комнате. Ему бы никогда не пришло в голову назвать эту жалкую комнатенку мастерской. Ни вдоль, ни поперек здесь было не сделать больше двух широких шагов. И пол, и стены, и потолок были деревянные, между досками виднелись узкие щели. Напротив, у стены, стояла кровать, заваленная разноцветным бельем. В центре комнаты на мольберте стояла картина, накрытая рубашкой; ее рукава свисали до самого пола. За спиной К. — окно, за которым в тумане можно было различить лишь засыпанную снегом крышу соседнего дома.

Звук ключа в замочной скважине напомнил К., что он собирался скоро уходить. Он вынул из кармана письмо фабриканта, протянул его художнику и сказал:

— Я узнал о вас вот от этого господина, вашего знакомого, и пришел к вам по его совету.

Художник пробежал глазами письмо, ~~смял~~ и бросил его на кровать. Если бы фабрикант не высказался о Титорелли в самых ясных выражениях как о бедняке, зависевшем от его подаяния, можно было бы подумать, что Титорелли вовсе его не знает или, во всяком случае, с трудом припоминает. Вдобавок художник спросил:

— Вы хотите купить картины или заказать ваш собственный портрет?

К. удивленно посмотрел на художника. Что же, собственно, было сказано в письме? К. даже не сомневался, что фабрикант разъяснил художнику его единственную цель — выяснить подробности о своем процессе. Все-таки напрасно он сюда поспешил, ничего как следует не обдумав! Но нужно было что-то отвечать художнику, и он сказал, бросил взгляд на мольберт:

— Вы ведь как раз работаете над картиной?

— Да, — сказал художник и швырнул рубашку, висевшую на мольберте, на кровать вслед за письмом. — Портрет. Хорошая работа, но пока не совсем законченная.

И вот, как по заказу, удобнейший предлог, чтобы заговорить о суде: перед К. был портрет судьи, весьма, кстати, похожий на тот, что висел в кабинете у адвоката. Судья, однако, был совсем другой

— толстяк, заросший по самые щеки кустистой черной бородой, к тому же у адвоката картина была написана маслом, а здесь пастелью, легкими нечеткими штрихами. Но все прочее было похоже — здесь судья тоже угрожающе привставал с трона, крепко сжимая руками подлокотники.

— Это и вправду судья, — хотел сказать К., но удержался и приблизился к картине, словно хотел разглядеть детали.

На верхушке трона виднелась какая-то крупная непонятная фигура, и К. спросил о ней художника.

— Над ней надо еще немного поработать, — ответил художник, взял со столика пастельный мелок и сделал несколько штрихов по краям фигуры, отчего она не сделалась четче.

— Справедливость, — сказал, наконец, художник.

— А, теперь узнаю ее, — сказал К. — вот повязка на глазах, а вот и весы. Но ведь у нее крылья на пятках и она куда-то бежит, верно?

— Да, — сказал художник. — Так мне заказали. Это Справедливость и богиня победы в одном лице.

— Не очень хорошее сочетание, — сказал К. с улыбкой. — Справедливости нужен покой, ина-

че весы закачаются, а справедливый приговор станет невозможным.

— В этом деле я повинуюсь заказчику, — сказал художник.

— Конечно, — сказал К., который никого не хотел обидеть своим замечанием. — Вы нарисовали и трон, и фигуру с натуры.

— Нет, — сказал художник. — Ни фигуры, ни трона я никогда не видел, это все выдумано, но мне сказали, что и как рисовать.

— Как это? — К. притворился, будто не совсем понимает художника. — Но судья-то в судейском кресле настоящий.

— Да, — сказал художник. — Но он судья невысокого ранга и на таком троне он никогда не сидел.

— И все же хочет быть изображенным в таком парадном виде? Восседает прямо как верховный судья!

— Да, тщеславия этим господам не занимать, — сказал художник. — Но у них есть разрешение сверху на такие портреты. Каждому строго предписано, как его можно изображать. Только на этом портрете детали платья и кресла оценить, к сожалению, невозможно — пастель для этого не годится.

— Да, — сказал К., — необычно, что он выполнен пастелью.

— Так судья захотел, — сказал художник. — Портрет написан для одной дамы.

При виде картины ему, похоже, захотелось поработать, он закатал рукава, взял в руки мелки, и на глазах у К. из мелких штрихов за головой судьи образовалась красноватая тень, распространяясь лучами к краю картины. Из-за этой игры теней голова становилась похожа на украшение или медаль. Однако вокруг фигуры Справедливости фон оставался светлым: художник лишь чуть изменил его оттенок, и на этом фоне фигура как бы выдвигалась на передний план, напоминая уже не богиню справедливости или победы, а скорее богиню охоты, причем вполне явственно. Работа художника затягивала К. сильнее, чем ему самому хотелось. В конце концов он рассердился на себя за то, что провел здесь так много времени и не извлек из визита никакой особой пользы для дела.

— Как фамилия этого судьи? — спросил он неожиданно.

— Этого я вам сказать не могу, — ответил художник, рассматривая картину вплотную и явно пренебрегая гостем, которого поначалу принял

так радушно.

К. счел это капризом и начал злиться — ~~*в первую очередь*~~ потому, что время уходило впустую.

— Вы, значит, доверенное лицо в суде? — спросил он.

Художник тут же отложил мелки, выпрямился, потер ладони и посмотрел с улыбкой на К.

— Что ж, давайте уже начистоту, — сказал он. — Вы хотите выяснить что-то о суде, как и сказано в вашем рекомендательном письме, а о моих картинах заговорили, чтобы вызвать у меня симпатию. Но я зла не держу, откуда вам знать, что со мной это лишнее. Да ладно вам! — отмахнулся он, когда К. хотел что-то возразить, и продолжал: — Вообще говоря, вы совершенно верно заметили, я в суде доверенное лицо.

Он умолк, словно давая К. время свыкнуться с этой мыслью. За дверью снова послышались голоса девочек. Они, вероятно, припали к замочной скважине или, может, подглядывали в щелочки. К. оставил попытки извиниться, потому что не хотел отвлекать художника, а еще меньше хотел, чтобы художник слишком зазнался и начал изображать неприступность. Вместо этого он спросил:

— А это официально признанная позиция?

— Нет, — сказал художник коротко, будто это замечание отбило у него охоту говорить дальше.

Но К. не хотел, чтобы он замолчал, и сказал:

— Что ж, иногда такие неофициальные позиции дают больше влияния, чем официальные.

— Это как раз мой случай, — кивнул художник, нахмурив брови. — Я вчера разговаривал с фабрикантом о вашем деле, он спрашивал меня, не хочу ли я вам помочь, и я ответил — пусть зайдет. Рад видеть вас здесь так скоро. Похоже, вы очень беспокоитесь, что, конечно, совсем меня не удивляет. Не хотите ли снять пальто?

Хотя К. совсем не собирался оставаться надолго, это предложение художника пришлось кстати. В каморке становилось все тяжелее дышать, и он дивился, почему здесь так душно, хотя чугунная печурка в углу явно не топится. Пока он стаскивал пальто и уж заодно расстегивал пиджак, художник сказал извиняющимся тоном:

— Не переношу холода. Тут жарковато, верно? В этом смысле комната очень удачно расположена. ~~*К тому же я зимой не проветриваю.*~~

К. ничего на это не сказал, хотя неуютно ему было не из-за жары, а из-за спертого воздуха: дышать было почти невозможно, комнату и вправду, похоже, очень давно не проветривали. Стало еще

неуютнее, когда художник попросил К. пересесть на кровать, а сам уселся в единственное в комнате кресло перед мольбертом. Неправильно поняв, почему К. примостился на краешке кровати, он стал уговаривать его устраиваться поудобнее, а потом, поскольку К. колебался, сам подошел к нему и заставил угнездиться поглубже среди перин и подушек. Затем он вернулся к мольберту и задал первый вопрос по делу, от которого К. забыл обо всем остальном.

— Вы невиновны? — спросил он.

— Да, — сказал К.

Отвечать на этот вопрос ему было приятно — в первую очередь потому, что его задавало частное лицо и, следовательно, никакой ответственности на К. не лежало. Никто еще не спрашивал его об этом столь прямо. Чтобы растянуть удовольствие, К. добавил:

— Я совершенно невиновен.

— Вот как, — сказал художник, опустил голову и, казалось, задумался. Вдруг он снова поднял голову и сказал: — Если вы невиновны, то, значит, дело совсем не сложное.

К. нахмурился. Доверенное лицо суда, а рассуждает как наивное дитя.

— Моя невиновность совершенно не упрощает

дела, — сказал К. Несмотря ни на что, он вдруг усмехнулся и покачал головой. — В нем полно тонкостей, и суд в них путается. А в итоге он раздувает несуществующее и делает вывод о какой-то ужасной виновности.

— Да, да, конечно, — сказал художник, словно К. от нечего делать сбил его с мысли. — Но вы все-таки невиновны?

— Ну да, — сказал К.

— Это главное, — сказал художник.

Ему были ни к чему любые дополнительные доводы — то ли в силу убежденности, то ли из-за равнодушия. Именно это К. и хотел прояснить, а потому сказал:

— Вы, конечно же, знаете суд гораздо лучше меня; я-то слышал о нем лишь краем уха, пусть и от совершенно разных людей. Но все сходятся на том, что обвинения просто так не выдвигаются и что суд, выдвигая обвинения, твердо убежден в виновности обвиняемого и в этом убеждении его трудно поколебать.

— Трудно? — переспросил художник и махнул рукой. — Да суд невозможно поколебать. Если бы я написал всех судей рядышком на одном холсте, вы могли бы защищать себя перед этим холстом даже с большим успехом, чем перед настоящим

судом.

— Да, — сказал К. себе под нос и забыл, что собирался лишь расспросить художника.

Из-за двери снова раздался девичий голос:

— Титорелли, а он скоро уйдет?

— Молчи! — крикнул художник в сторону двери. — Вы что, не понимаете, что у меня с этим господином разговор?

Но девочка на этом не успокоилась, а спросила:

— Будешь его рисовать?

А когда художник не ответил, добавила:

— Пожалуйста, не рисуй его, он такой уродливый.

Последовала какофония непонятных, но явно солидарных выкриков. Художник подскочил к двери, слегка приоткрыл ее — в щель стали видны молитвенно сложенные девичьи руки — и сказал:

— Не замолчите сейчас же — с лестницы спущу. Сидите тут на ступеньках и ведите себя смирно.

Видимо, они не сразу послушались, так что ему пришлось скомандовать:

— А ну-ка сели на ступеньки!

Только тогда наступила тишина.

— Прошу прощения, — сказал художник, вер-

нувшись в комнату.

К. лишь на мгновение обернулся к двери, полностью предоставив художнику решать, защищать ли его, и если да, то как. Поэтому он почти не шелохнулся, когда художник наклонился к нему и прошептал на ухо, чтобы снаружи никто не услышал:

— Эти девчонки — тоже из суда.

— Как вы сказали? — К. снизу вверх посмотрел на художника.

Тот уселся в кресло и объяснил полушутливо:

— Да здесь все принадлежит суду.

— Что-то я не заметил, — резко сказал К.

Такое обобщение сняло тревогу, вызванную словами художника о девочках. Но К. еще некоторое время смотрел на дверь, за которой девочки теперь тихо сидели на лестнице. Только одна просунула соломинку в щель между досками и медленно водила ею туда-сюда.

— Похоже, вы пока ничего не поняли про суд, — сказал художник. Он расселся в кресле, широко расставив ноги и постукивая пятками по полу. — Но раз вы невиновны, это вам и ни к чему. Я вас сам вытащу.

— Как же вы это сделаете? — спросил К. — Вы же только что сами сказали, что никакие свиде-

тельства на суд совершенно не действуют.

— Не действуют свидетельства, представленные в суд, — сказал художник и поднял указательный палец, словно К. упустил из виду какую-то важную тонкость. — Другое дело — то, что можно попытаться сделать непублично, в совещательной комнате, в кулуарах или здесь, в мастерской.

Теперь К. был более готов поверить словам художника, чем раньше, — они не расходились с тем, что он слышал и от других. Больше того, они пробуждали надежду. Если на решения судей, как утверждал адвокат, было настолько легко повлиять с помощью личных связей, то связи художника с тщеславными судьями были особенно важны, и уж точно недооценивать их не стоило. Значит, художник был важным пополнением армии помощников, постепенно собиравшейся вокруг К. Когда-то он славился в банке организаторскими способностями и теперь, оставшись без поддержки, получил хорошую возможность проверить себя в деле вне банковских стен.

Художник заметил, как подействовали его слова на К., и сказал с некоторой робостью в голосе:

— Вы замечаете, что я говорю почти как юрист? Это постоянное общение с господами из суда

накладывает свой отпечаток. Это мне, конечно, очень выгодно, только вот творческий размах по большей части теряется.

— Как вам удалось свести знакомство с судьями? — К. хотел вызвать у художника доверие, прежде чем положиться на его помощь.

— Очень просто, — сказал художник. — Я это знакомство унаследовал. Еще мой отец был судебным рисовальщиком. Это место всегда наследуется. Новые люди тут не нужны. В изображении разных чинов есть столько тонкостей и, главное, столько секретных правил, что все они известны только небольшому числу избранных семей. Вот в том ящике, например, хранятся записи моего отца, которые я никому не показываю. Лишь тот, кто с ними знаком, способен писать судей. Но даже если я их потеряю, я держу в голове столько условий, что никто не сможет претендовать на мое место. Ведь каждого судью следует писать только так, как писали великих судей прошлого, а это могу только я.

— Вам можно позавидовать, — сказал К., думая о своей должности в банке. — То есть ваше положение непоколебимо?

— Именно так, непоколебимо, — сказал художник и гордо расправил плечи. — Потому-то я

изредка и позволяю себе помочь какому-нибудь бедняге с процессом.

— И как вы это делаете? — спросил К., словно это не его художник только что назвал беднягой.

Художник, однако, не давал сбить себя с мысли и продолжал:

— В вашем случае, к примеру, поскольку вы совершенно невиновны, я бы предпринял следующее…

Постоянные упоминания о его невиновности уже надоели К. Ему начинало казаться, что этими замечаниями художник делает успешный исход процесса непременным условием своей помощи, отчего возникает внутреннее противоречие. Однако, несмотря на эти сомнения, К. сдерживался и не перебивал художника. Отказываться от его помощи он не хотел и уже решил ее принять — ведь она казалась ему ничуть не более сомнительной, чем помощь адвоката. К. даже отдавал ей предпочтение: ведь она была предложена более открыто и, пожалуй, к ней не прилагалось никакого вреда.

Художник придвинул кресло поближе к кровати и, слегка понизив голос, продолжал:

— Забыл вас спросить, как именно вы хотите отделаться от суда. Есть три возможности: истинное

оправдание, мнимое оправдание и затягивание. Истинное оправдание, конечно, лучше всего, но я не имею никакого влияния на такого рода решения. По моему мнению, нет ни одного человека, который мог бы устроить истинное оправдание. Тут имеет значение только невиновность обвиняемого. Поскольку вы невиновны, существует возможность положиться на одну лишь вашу невиновность. Но тогда вам не нужна ни моя, ни чья бы то ни было еще помощь.

Такое железное построение поначалу сбило К. с толку, но потом он ответил — тихо, в тон художнику:

— По-моему, вы сами себе противоречите.

— В чем же? — терпеливо спросил художник и, улыбнувшись, откинулся в кресле.

Эта улыбка оставила у К. впечатление, что не стоит больше искать противоречий ни в словах художника, ни в судопроизводстве.

— Вы сперва сказали, что на суд не действуют никакие свидетельства, потом пояснили, что только публичные, а теперь вообще говорите, что невиновному не нужна помощь в суде. В этом и противоречие. Кроме того, вы говорили, что на судью можно повлиять через личные связи, но теперь утверждаете, что истинное оправдание, как

вы его называете, не может быть достигнуто через личное влияние. Вот и второе противоречие.

— Эти противоречия легко объяснить, — сказал художник. — Речь о двух разных вещах — о том, что написано в законе, и о том, что я знаю по опыту. Не стоит их смешивать. Да, в законе, который я, впрочем, не читал, говорится: с одной стороны, невиновный должен быть оправдан, а с другой — на судей невозможно повлиять. Так вот, мой опыт говорит об обратном. Мне не известен ни один случай истинного оправдания, зато известны многие случаи влияния. Конечно, возможно, что ни в одном из известных мне случаев не осудили невиновного. Но разве так бывает? Столько дел и ни одного невиновного? Еще ребенком я слушал рассказы отца о процессах, рассказывали о них и сами судьи, приходившие в его мастерскую, — в наших кругах вообще больше ничего не обсуждают. Как только у меня появилась возможность самому приходить в суд, я ею сразу воспользовался. Я наблюдал бессчетное множество процессов в решающих стадиях, следил за ними, насколько мог, — и, надо признаться, ни разу не видел истинного оправдания.

— Ни одного, значит, истинного оправдания, — сказал К., будто беседуя сам с собой и своими

надеждами. — Это, однако, подтверждает мнение, которое уже сложилось у меня о суде. Значит, и с этой стороны заходить бесполезно. Один-единственный палач мог бы заменить весь суд.

— Не надо обобщать, — сказал художник. — Я говорил лишь о своем опыте.

— Этого довольно, — сказал К. — Или вы слыхали, что в прежние времена оправдания случались?

— Такие оправдания, — сказал художник, — наверняка бывали. Просто это трудно выяснить точно. Решения суда не публикуются, даже судьи не имеют к ним доступа, а потому старые судебные дела — лишь достояние легенд. В них говорится даже о многочисленных истинных оправданиях. Но в это можно только поверить — доказательств нет никаких. Впрочем, совсем отмахиваться от легенд не стоит, в них есть доля правды, к тому же они очень красивые, у меня есть несколько картин по их мотивам.

— Какие-то легенды моего мнения не изменят, — сказал К. — Ведь перед судом на эти легенды не сошлешься, верно?

Художник улыбнулся.

— Не сошлешься, это так.

— Тогда и говорить о них нет смысла, — ска-

зал К.

Он ~~*не верил художнику, но*~~ собирался временно соглашаться со всеми его высказываниями, даже если они вызывали сомнения или противоречили рассказам других людей. Сейчас у него не было времени проверять его слова или опровергать их, наивысшим достижением было бы сподвигнуть художника на какую бы то ни было помощь, пусть и не решающую. Поэтому он сказал:

— Довольно об истинном оправдании — вы ведь упомянули еще две возможности.

— Мнимое оправдание и затягивание. Только о них и можно говорить, — сказал художник. — Сейчас мы их обсудим, а пока не хотите ли снять пиджак? Вам ведь жарко.

— Верно, — сказал К., до сих пор не обращавший внимания ни на что, кроме объяснений художника. Теперь, когда ему напомнили о жаре, пот еще сильнее выступил у него на лбу. — Почти невыносимо жарко.

Художник кивнул, словно хорошо понимал, насколько К. неуютно.

— Нельзя ли приоткрыть окно? — спросил К.

— Нет, — сказал художник. — Рама закреплена намертво, не открывается.

К. наконец осознал, что все это время мечтал,

как кто-то из них двоих вдруг подходит к окну и распахивает его. Он готов был глотать разинутым ртом даже туман. От чувства, что ему полностью перекрыли воздух, кружилась голова. Он шлепнул ладонью по лежавшей рядом перине и сказал слабым голосом:

— Это же неудобно и для здоровья вредно.

— Вовсе нет, — возразил художник, встав на защиту своего окна. — Тут всего одно стекло, но оно сохраняет тепло лучше двойного, поскольку окно не открывается. А если понадобится проветрить, хоть это, в общем-то, и ни к чему, потому что воздух и так идет через все щели, можно открыть дверь или даже обе.

Несколько успокоенный этим объяснением, К. огляделся в поисках второй двери. Заметив это, художник сказал:

— Она у вас за спиной, мне пришлось заставить ее кроватью.

Только теперь К. заметил в стене небольшую дверцу.

— Здесь вообще-то слишком мало места для мастерской, — сказал художник, словно пытаясь опередить К. — Уж как смог, так и обставился. Когда кровать загораживает дверь, ничего хорошего в этом нет. Вот, к примеру, судья, которого я сей-

час пишу, всегда заходит через ту дверь, что возле кровати, я ему и ключ дал, чтобы он мог дожидаться меня в мастерской, если не застанет. Но он обычно приходит рано утром, когда я еще сплю. А как бы крепко ты ни спал, если прямо у кровати откроется дверь, волей-неволей проснешься. Вы бы потеряли всякое почтение к судьям, если б услыхали ругательства, которыми я его встречаю, когда он по утрам перелезает через мою кровать. Я бы отобрал у него ключ, да ничего из этого не выйдет, кроме неприятностей. Здесь двери такие: чуть поднажми — слетят с петель.

В продолжение этой тирады К. раздумывал, стоит ли снимать пиджак, но в конце концов понял, что больше просто не может. Поэтому он стянул пиджак и положил на колени, чтобы сразу надеть, если беседа подойдет к концу. Как только он это сделал, одна из девчонок закричала:

— Во, пиджак снял!

Было слышно, как все они приникли к щелям, чтобы не пропустить зрелище.

— Решили, что я буду вас писать, поэтому вы и раздеваетесь, — сказал художник.

— Вот как, — сказал К. чуть веселее: в одной рубашке он почувствовал себя намного лучше. И добавил почти сердито: — Так как вы назвали

две другие возможности?

Он опять забыл термины, которые употребил художник.

— Мнимое оправдание и затягивание, — сказал художник. — Вам выбирать. Я могу помочь и с тем и с другим. Конечно, не без труда; разница тут в том, что мнимое оправдание требует больше усилий в течение недолгого времени, а затягивание — меньше, но зато оно надолго. Так вот, сперва о мнимом оправдании. Если выберете его, я напишу на листке бумаги расписку в вашей невиновности. Текст такой расписки оставил мне отец, к нему придраться невозможно. С этой распиской обойду знакомых судей. Тут я бы начал с того судьи, которого сейчас пишу: придет сегодня вечером позировать, я ему расписку и подсуну. Подсуну расписку, объясню, что вы невиновны, и поручусь за вашу невиновность. Причем это не формальное, а юридически обязывающее поручительство.

Во взгляде художника К. прочел нечто вроде упрека за то, что он собирается возложить на него такую ответственность.

— Это было бы очень любезно с вашей стороны, — сказал К. — И что же, судья поверил бы вам, но все равно не оправдал бы меня по-на-

стоящему?

— Да, как я вам уже говорил, — сказал художник. — Кстати, мне не обязательно все поверят, некоторые судьи захотят, чтобы я привел вас к ним лично. Тогда мы с вами к ним сходим. Впрочем, в таких случаях победа уже наполовину наша, да и я вам, конечно, заранее расскажу, как вести себя с тем или иным судьей. Хуже всего с теми судьями, которые мне с порога откажут, — будут и такие. Без них — конечно, после нескольких заходов — придется обойтись, потому что отдельные судьи тут решающей роли не играют. Когда я соберу на вашей расписке достаточно подписей, то пойду с ней к судье, который непосредственно ведет процесс. Возможно, получу и его подпись, и тогда все пойдет чуточку быстрее. Обычно после этого препятствий почти не остается и обвиняемый может чувствовать себя уверенно. Может показаться странным, но это факт — в этот момент люди чувствуют себя даже более уверенно, чем после оправдания. Дальше беспокоиться особенно не о чем. Располагая поручительством определенного числа других судей, судья может спокойно вас оправдать — и после выполнения определенных формальностей он так и сделает, чтобы оказать любезность мне и

другим своим знакомым. Вы тогда выйдете из зала суда свободным человеком.

— То есть я буду свободен, — сказал К. неуверенно.

— Да, — сказал художник, — но это будет только мнимая, или, лучше сказать, временная свобода. Судьи низшего уровня, к которым относятся мои знакомые, не имеют права оправдывать окончательно, такое право есть только у высшего суда, для меня, для вас и для всех нас совершенно недоступного. Как там все устроено, мы не знаем и, к слову сказать, не хотим знать. Так вот, права полностью очистить вас от обвинений наши судьи не имеют, зато имеют право их, обвинения, приостанавливать. Это значит, что после всего этого обвинения против вас не рассматриваются, но все равно висят над вами — и, если придет приказ сверху, могут снова вступить в силу. Поскольку у меня в суде хорошие связи, могу вам сказать, что в предписаниях для судебной канцелярии указана чисто внешняя разница между истинным и мнимым оправданием. При истинном оправдании полностью изымаются, исчезают из производства все материалы процесса — не только обвинительное заключение, но и все процессуальные документы и даже оправда-

тельный приговор уничтожаются, уничтожению подлежит абсолютно все. При мнимом оправдании все иначе. С материалами дела ничего не происходит, к нему лишь добавляются расписка в невиновности, оправдательный приговор и его обоснование. При этом дело остается в производстве и, как того требует канцелярская практика, отправляется в высший суд, снова спускается в низший — и так далее, как челнок, то ускоряясь, то натыкаясь на какое-нибудь препятствие и замедляясь. Дальнейшая его траектория ~~совершенно~~ непредсказуема. Со стороны может иногда показаться, что все давно забыто, дело утеряно, а оправдательный приговор окончателен. Но посвященные знают, что это не так. Ни одно дело не теряется, суд не знает забвения. Однажды, когда никто этого не ожидает, дело может попасть в руки к судье, который захочет разобраться повнимательнее, увидит, что обвинение еще актуально, и потребует немедленного ареста. Я до сих пор исходил из того, что между мнимым оправданием и новым арестом проходит много времени, — это бывает, мне известны такие случаи, — но точно так же возможно и обратное: возвращается человек домой из суда, а там уже ждут уполномоченные, чтобы снова его аресто-

вать. Тогда уж вольной жизни конец.

— И процесс начинается заново? — спросил К., не веря своим ушам.

— Именно, — сказал художник. — Процесс начинается заново — но снова, как и прежде, появляется возможность мнимого оправдания. Надо просто собрать все силы и не сдаваться.

Эти последние слова художника были, видимо, вызваны слегка поникшим видом К.

— Но разве, — сказал он, предупреждая новые откровения художника, — второго оправдательного приговора не труднее добиться, чем первого?

— Об этом, — ответил художник, — ничего определенного сказать нельзя. Вы имеете в виду, что второй арест может неблагоприятно повлиять на отношение судьи к обвиняемому? Это не так. Судья еще при первом оправдательном приговоре предвидел новый арест. Так что это обстоятельство не играет почти никакой роли. Но, естественно, и настроение судьи, и его правовая аргументация по делу могут измениться по множеству причин, так что хлопоты по поводу повторного оправдания должны будут соответствовать новым обстоятельствам и в целом потребуют столько же усилий, сколько и

в первый раз.

— Но ведь и это повторное оправдание тоже не окончательное, — мрачно сказал К. и понурился.

— Конечно, нет, — сказал художник. — За вторым оправданием следует третий арест, за третьим оправданием четвертый и так далее. В этом и состоит суть мнимого оправдания.

К. молчал.

— Мнимое оправдание явно не представляется вам удачным решением, — сказал художник. — Может быть, затягивание подойдет лучше. Объяснить вам суть затягивания?

К. кивнул. Художник вольготно развалился в кресле, запустил руку под расстегнутую ночную рубашку и почесал грудь и бока.

— Затягивание, — сказал он и какое-то время смотрел прямо перед собой, словно подыскивая самое точное объяснение. — Затягивание состоит в удержании процесса на низших процессуальных ступенях. Чтобы этого добиться, необходимо, чтобы обвиняемый и его помощник — особенно помощник — находились в непрерывном контакте с судом, чувствовали его. Повторю, что для этого не требуются такие усилия, как для мнимого оправдания, но нужно куда больше бдительности. Нельзя упускать из виду ход процесса,

нужно регулярно, а также в некоторых особых случаях навещать ответственного судью и стараться поддерживать с ним добрые отношения, а если вы его не знаете — влиять на него через знакомых судей, но при этом не сдаваться и искать возможности для личной встречи. Ошибиться тут невозможно, так что можно с определенной долей уверенности утверждать, что процесс никогда не выйдет из первой стадии. Пусть процесс и не заканчивается, но обвиняемый застрахован от приговора почти так же, как если бы был свободен. По сравнению с мнимым оправданием у затягивания есть одно преимущество: будущее обвиняемого не так неопределенно, он защищен от ужасов внезапного ареста и свободен от постоянного страха, что в самый неудобный момент от него потребуются хлопоты и труды, необходимые для кажущегося оправдания. Однако у затягивания есть, с точки зрения обвиняемого, и определенные недостатки, которые не следует недооценивать. Я имею в виду не то, что обвиняемый всегда остается несвободным, — ведь и при мнимом оправдании, собственно говоря, тоже так. Недостаток в другом. Процесс не может стоять на месте — по крайней мере без видимых на то причин. Так что, если смотреть

со стороны, в процессе все время должно что-то происходить. Время от времени должны приниматься постановления, обвиняемого следует допрашивать, нужны какие-то следственные действия и так далее. Процесс все время должен совершать тот малый круг, по которому он искусственно движется. Это, конечно, влечет за собой определенные неудобства для обвиняемого, которые, впрочем, не стоит преувеличивать. Это все только для вида — допросы, например, очень короткие; когда нет времени или желания на них ходить, можно отпроситься, а с некоторыми судьями можно даже договориться заранее на долгий срок о постановлениях, которые будут выноситься. В сущности, речь идет о том, что человеку, раз уж он в статусе обвиняемого, надо время от времени отмечаться у своего судьи.

Художник еще не договорил, а К. уже накинул пиджак на руку и встал.

— Встает! — раздался тут же возглас из-за двери.

— Уже уходите? — спросил художник, тоже вставая. — Это, конечно, из-за воздуха. Обидно. Мне есть еще что вам рассказать. Пришлось говорить совсем коротко. Но, надеюсь, все было понятно.

— О да, — сказал К.

Он с таким усилием заставлял себя слушать, что у него разболелась голова.

Несмотря на это подтверждение, художник еще раз резюмировал, словно желая на прощание утешить К.:

— Общее в обоих методах то, что они препятствуют вынесению обвинительного приговора.

— Но они также препятствуют и истинному оправданию, — сказал К. еле слышно, словно ему было стыдно признаться, что он это понял.

— Вы ухватили самую суть, — без всякой паузы ответил художник.

К. взялся за пальто, но все никак не решался его надеть. Больше всего ему хотелось схватить одежду в охапку и выбежать на свежий воздух. Даже девочки не могли сподвигнуть его одеться, хотя раньше, чем следовало бы, разразились воплями — мол, одевается! Художник почувствовал, что ему надо как-то разрешить сомнения К., и сказал:

— Вы еще ничего не решили по поводу моих предложений. Я это одобряю. Я бы и не советовал вам решать немедленно. Надо все обдумать. Преимущества и недостатки очень тонко сбалансированы. Однако времени на выбор не так

уж много.

— Я скоро зайду еще, — сказал К. и с внезапной решимостью натянул пиджак, накинул на плечи пальто и поспешил к двери, за которой поднялся девичий крик.

— Только держите слово, — сказал художник, который не пошел его провожать, — иначе сам наведаюсь в банк спросить, что вы решили.

— Отоприте же дверь, — сказал К., дернул за ручку и почувствовал по ее сопротивлению, что с другой стороны ее держат девочки.

— Хотите, чтобы к вам привязались девчонки? — спросил художник. — Лучше через этот выход.

И он указал на дверь за кроватью. К. с этим спорить не стал и отскочил назад, к кровати. Но вместо того, чтобы открыть дверь, художник заполз под кровать и спросил оттуда:

— Еще минутку. Не хотите ли посмотреть картину, которую я мог бы вам уступить?

К. не хотел быть невежливым: художник ведь принял его дело близко к сердцу и обещал помочь, а вознаграждение за эту помощь К. по забывчивости с ним не обсудил, так что теперь отказать ему было невозможно и пришлось смотреть на картину, хотя К. весь дрожал от нетерпения,

мечтая поскорее выбраться из мастерской. Художник вытащил из-под кровати целую стопку картин без рамок, донельзя запыленных: когда художник сдул пыль с верхней работы, она еще некоторое время клубилась перед глазами К., не давая вдохнуть.

— Пустынный ландшафт, — сказал художник, протягивая картину К.

На картине два хилых деревца торчали из темной травы поодаль друг от друга. На фоне красовался разноцветный закат.

— Красиво, — сказал К. — Я куплю.

К. не хотел никого обидеть такой краткостью и был рад, что художник не держит на него зла. Тот поднял с пола вторую картину:

— А вот и пара к вашей картине.

Можно было, наверное, назвать картины парой, но на деле между ними не было никакой разницы: вот деревца, вот трава, вот закат. Но К. это было неважно.

— Красивые пейзажи, — сказал он, — покупаю оба, повешу у себя в кабинете.

— Кажется, вам нравится этот сюжет, — сказал художник и вытащил третью картину. — Вам повезло, что у меня есть еще одна похожая.

Похожая — нет, это был во всех деталях тот же

самый пустынный ландшафт. Художник отлично использовал свой шанс сбыть старые картины.

— Возьму и эту, — сказал К. — *Только... можно я не буду сам забирать все три картины, а пришлю за ними клерка?* Сколько они стоят?

— Это мы позже обсудим, — сказал художник. — Вы сейчас торопитесь, а мы ведь еще увидимся. Но вообще я рад, что вам понравились картины, заберите с собой все, что у меня тут лежало. Там полно пустынных ландшафтов, я их много написал. Некоторые отказываются покупать — слишком, мол, мрачно, но другим, вот и вам в том числе, как раз мрачные пейзажи и нравятся.

Но К. было совершенно ни к чему знать, с чем сталкивается по работе художник-попрошайка.

— Упакуйте все картины, — сказал он, перебивая художника. — Завтра придет мой клерк и все заберет.

— Это не понадобится, — сказал художник. — Надеюсь, мне удастся организовать вам носильщика, который сейчас же пойдет с вами. — И он, наконец, перегнулся через кровать, чтобы отпереть дверь.

— Не робейте, полезайте прямо на кровать, — сказал художник. — Так все делают, кто сюда заходит.

К. и без этого приглашения не собирался церемониться: он уже встал одной ногой на перину, но тут взглянул в дверной проем и отдернул ногу.

— Что это там? — спросил он художника.

— А что вас поразило? — художник и сам выглядел удивленным. — Это судебная канцелярия. Вы разве не знали, что здесь помещения суда? Они почти на каждом чердаке, так почему бы и не здесь? Моя мастерская, собственно, тоже часть судебной канцелярии, суд мне ее и предоставил.

К. поразило не то, что он и здесь обнаружил судебную канцелярию, а собственное невежество в судебных вопросах. Став обвиняемым, он взял себе за первейшее правило всегда быть ко всему готовым, ничему не удивляться, не смотреть по наивности вправо, когда слева незаметно стоит судья, — и как раз это фундаментальное правило он всякий раз нарушал… Перед ним открывался длинный коридор, наполненный таким воздухом, по сравнению с которым воздух мастерской казался освежающим. По обе стороны были расставлены скамьи, точь-в-точь как в канцелярии, ответственной за дело К. Похоже, обстановка канцелярий подчинялась определенным правилам. Посетителей было немного. Один из них полулежал на скамье, положив голову на руки,

и, казалось, спал, другой стоял в полутьме в дальнем конце коридора. К. перелез через кровать; за ним следовал художник с картинами. Скоро им встретился судебный пристав — К. научился узнавать приставов по золотой пуговице, пришитой к цивильному платью ниже обычных пуговиц, — и художник поручил ему проводить К. и отнести картины. К. шатало, он прижимал ко рту носовой платок. Они были уже почти у выхода, когда навстречу им выбежали девчонки — нет, от них увернуться не удалось. Ясное дело: увидели, что дверь мастерской открылась, и пошли в обход, чтобы напасть уже отсюда.

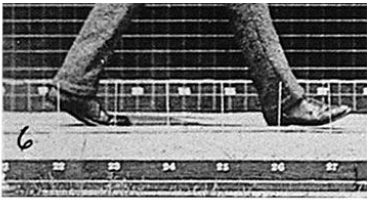
— Дальше провожать не могу! — смеясь, крикнул художник, окруженный девочками. — До свидания, и не раздумывайте слишком долго.

К. даже не оглянулся на него. В переулке он взял первую же попавшуюся пролетку. Ему очень хотелось избавиться от пристава, чья золотая пуговица жгла ему глаза, даже если больше никто ее не замечал. Услужливый пристав хотел было усесться рядом с извозчиком, но К. согнал его с козел.

Когда К. подъехал к банку, полдень давно миновал. Он бы с удовольствием оставил картины в пролетке, но опасался, не придется ли когда-

нибудь предъявить их художнику. Так что он позволил отнести их в кабинет и запер в самый нижний ящик стола, чтобы они, по крайней мере в ближайшие дни, не попались на глаза заместителю директора.

Борьба с заместителем директора


6

Как-то утром К. ощущал удивительную свежесть и готовность к борьбе. Мысли о суде почти не беспокоили его, казалось даже, что если нащупать какой-то рычаг, скрытый пока в темноте, и легонько потянуть за него, то вся эта необозримо огромная организация будет вырвана с корнем и уничтожена.

Такое необычное состояние вызвало у него соблазн пригласить к себе в кабинет заместителя директора и обсудить с ним одно слишком затянувшееся дело. Как обычно в подобных случаях, заместитель директора вел себя так, словно его отношения с К. в последние месяцы ничуть не изменились. Он спокойно вошел, как в прежние времена постоянной конкуренции с К., спокойно выслушал объяснения К., показал несколькими доверительными, даже товарищескими замечаниями свою заинтересованность и спутал карты К. лишь тем, что совершенно не отвлекался от сути, словно готов был всецело посвятить себя делу, тогда как на самого К. при виде этого образчика сознательности налетел со всех сторон рой посторонних мыслей и он вынужден был почти без сопротивления оставить дело в руках заместителя директора. В какой-то момент стало так худо, что К. вернулся к реальности, лишь

заметив, что заместитель внезапно встал с места и, не говоря ни слова, вернулся в свой кабинет. К. не знал, что случилось — то ли обсуждение само собой завершилось, то ли заместитель прервал его, потому что К., сам того не понимая, разозлил его или сказал какую-то чушь, то ли он заметил, что К. не слушает, а думает о своем. Нельзя было даже исключить, что К. принял дурацкое решение или что заместитель директора заманил его в западню и теперь поспешил воспользоваться этим, чтобы навредить К.

К этому разговору они больше не возвращались: К. не хотел первым о нем напоминать, а заместитель директора помалкивал, — но и никаких очевидных последствий тоже не было, по крайней мере пока. Так или иначе, этот случай не напугал К., и при первой же возможности, чувствуя в себе достаточно сил, он всякий раз шел к двери заместителя, надеясь зайти к нему или позвать его к себе. Не время было прятаться от него, как раньше. Он больше не надеялся на скорый и решительный успех, который разом освободил бы его от всех забот и восстановил бы его прежние отношения с заместителем директора. К. чувствовал, что сдаваться нельзя: стоит отступить, как того, вероятно, требуют обстоя-

тельства, — и, возможно, уже никогда не удастся шагнуть вперед. Нельзя дать заместителю директора поверить, что К. спасовал, нельзя позволить ему успокоить себя этой уверенностью, его нужно выводить из равновесия, постоянно напоминая ему, что К. жив и, как всякий, кто еще в строю, может в один прекрасный день удивить своими новыми возможностями, каким бы безвредным он ни казался сегодня. Иногда К. признавался себе, что таким образом борется лишь за свою честь, потому что выгоды тут ждать не приходится: постоянно выдавая заместителю директора всю свою слабость, он лишь укрепляет того в осознании собственной мощи, дает ему возможность наблюдать и принимать меры в полном согласии с обстоятельствами. Но вести себя иначе К. не мог. Он постоянно обманывал себя: иногда у него возникала ложная уверенность, что именно сейчас он способен потягаться с заместителем директора, и никакой неудачный опыт ничему его не учил; провалив десять попыток, он рассчитывал на успех одиннадцатой, хотя всякий раз дело принимало дурной для него оборот. После каждой такой встречи, весь разбитый, потный, опустошенный, он не понимал, что заставляет его лезть на рожон — отчаяние или надежда. Но

в следующий раз лишь одна надежда влекла его к двери заместителя.

Так было и сегодня. Заместитель директора зашел в кабинет, остановился у двери, протер, по недавно приобретенной привычке, пенсне, остановил взгляд на К., затем, чтобы не засматриваться на него слишком уж откровенно, оглядел весь кабинет. Он словно использовал эту возможность для проверки зрения. К. выдержал его взгляд, даже слегка улыбнулся и предложил ему сесть. Придвинувшись со своим креслом как можно ближе к заместителю, К. достал необходимые бумаги и начал свой доклад. Поначалу казалось, что заместитель совсем не слушает. На письменном столе К. столешницу обрамлял низкий резной бортик: искусный столяр, изготовивший стол, закрепил его прочно. Но директор, казалось, заметил в одном месте зазор и попытался подцепить бортик указательным пальцем. Тут К. хотел прервать доклад, но заместитель директора велел продолжать — он, мол, все слышит и запоминает. Но поскольку К. не сумел с ходу выдавить из себя ничего дельного, бортик удостоился дальнейшего особого внимания: заместитель вынул перочинный нож и стал орудовать линейкой К., словно рычагом, все еще

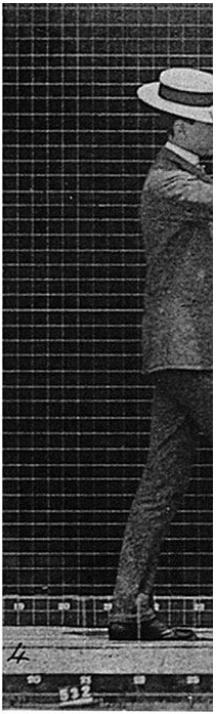
пытаясь поддеть бортик, — видимо, с тем, чтобы потом плотнее пригнать его к столешнице.

В свой доклад К. включил одно весьма новаторское предложение, которое, как он рассчитывал, должно было произвести впечатление на заместителя директора. Переходя теперь к этому предложению, он уже не мог остановиться — захваченный то ли рабочим пылом, то ли еще более редким чувством, что он все еще что-то значит в банке и что его идеи способны это подтвердить. А ведь такая стратегия отлично подходит не только для банка, но и для процесса, думал К., — возможно, этот способ защиты даже действеннее всего прочего, что он уже пробовал или планировал. Увлеченный речью, он не успевал отвлекать заместителя от бортика, лишь пару раз, читая с листа, как бы успокаивающе похлопал по нему свободной рукой, чтобы показать, что никакого изъяна не видит, а если его и удастся найти, сейчас важнее — и к тому же приличнее — прислушаться, чем пытаться исправить бортик. Но заместитель директора, как это часто бывает с людьми умственного труда, увлекся ручной работой; он уже отделил часть бортика от стола и теперь вставлял миниатюрные колонны в предназначенные для них отверстия. Это оказа-

лось сложнее, чем их вытащить. Заместителю директора пришлось встать и обеими руками придавить бортик к столешнице. Он давил изо всех сил, но у него ничего не выходило. К., то и дело переходивший от свободного изложения к чтению, не сразу заметил, что заместитель встал с кресла. Стараясь не терять из виду возню заместителя, он подумал было, что перемена позы как-то связана с докладом; сам К. тоже встал, и, указывая пальцем на одну из цифр, протянул заместителю лист, с которого читал. Тот, однако, как раз понял, что руками с бортиком не сладить, и попытался придавить его всем своим весом. На этот раз у него все получилось: колонны со скрипом вошли в отверстия, но одна из них надломилась, а тонкие перильца треснули.

— Дерево трухлявое, — в сердцах сказал заместитель и ~~устало~~ слез со стола.

Торговец Блок. Увольнение адвоката



К. наконец решился отказаться от услуг адвоката. Сомнения в правильности такого решения полностью искоренить не удавалось, но убежденность в его необходимости перевесила. В день, когда К. собрался с силами, чтобы пойти к адвокату, ему совершенно не удавалось работать: дело двигалось так медленно, что пришлось допоздна просидеть в кабинете, и пробило уже десять, когда он наконец добрался до дома адвоката. Прежде чем позвонить в дверь, он задумался, не лучше ли было уведомить адвоката об увольнении по телефону или письмом, ведь личное объяснение наверняка будет крайне неприятным. Но К. все же решил не избегать его: ведь расторжение договора в любой другой форме было бы встречено молчанием или формальным ответом в пару слов, и К. никогда бы не узнал — разве что Лени удалось бы что-то выведать, — как адвокат воспринял разрыв и какие последствия, по мнению адвоката, весьма в этом случае весомому, этот разрыв мог повлечь для К. А при разговоре лицом к лицу адвокат наверняка выкажет удивление своим увольнением, и даже если из него не удастся вытянуть ничего полезного, К. сможет легко понять все, что нужно, по его лицу и поведению. Впрочем, он не исключал, что, возможно, переду-

мает и решит все же доверить защиту адвокату и оставить договор в силе.

Первый звонок в дверь адвоката остался, как обычно, без ответа. «Можно бы и побыстрее, Лени», — подумал К. Но и то ладно, что никто больше не лез не в свое дело, как случалось раньше, — какой-нибудь, к примеру, надоедливый сосед в халате. Нажимая на кнопку звонка во второй раз, он кинул взгляд на другую дверь, но и она оставалась закрытой. Наконец в дверном глазке адвоката показались глаза, но это была не Лени. Кто-то отпер дверь, но, придерживая ее, крикнул так, чтобы было слышно и в глубине квартиры:

— Это он, — а затем уже распахнул дверь.

К. уже напирал на нее, потому что услышал, как за спиной у него в двери другой квартиры поворачивается ключ. Когда ему наконец отворили, он почти ввалился в переднюю и увидел, как по коридору между комнатами пробегает Лени в ночной рубашке, — ей-то и был адресован предупреждающий возглас того, кто открыл дверь. Это был невысокий, худой мужчина с густой бородой, в руке он держал свечу.

— Вы здесь работаете? — спросил К.

— Нет, — ответил мужчина. — Я только клиент адвоката, зашел по юридическому вопросу.

— Без пиджака? — спросил К. с выразительным жестом. Мужчина был полуодет.

— Ой, простите, — сказал тот, оглядывая себя в свете свечи, словно только что заметил, в каком он виде.

— Лени ваша любовница? — спросил К. резким тоном.

Он слегка расставил ноги, а руки со шляпой завел за спину. Сам факт обладания добротным пальто вызывал у него чувство превосходства над этим заморышем.

— О господи, — сказал тот и поднес руку к лицу, словно защищаясь. — Нет, нет, как вы могли подумать?

— Верю-верю, и все же… — сказал К., улыбаясь. — Пойдемте-ка.

И он махнул шляпой, предлагая мужчине пройти вперед.

— Так как вас зовут? — на ходу спросил К.

— Блок, торговец Блок, — сказал коротышка и, представляясь, обернулся к К., но тот не дал ему остановиться.

— Это ваша настоящая фамилия? — спросил К.

— Конечно, с чего бы вам сомневаться?

— Я подумал, у вас есть причины скрывать, как вас зовут, — сказал К.

Он чувствовал себя так уверенно с этим незнакомцем, как это бывает лишь в разговоре с низшими, когда все важное держишь при себе, а лишь благодушно обсуждаешь то, что интересно собеседнику, поднимая его тем самым до своего уровня, но прекрасно зная, что можешь в любой момент вновь принизить.

Перед дверью адвокатского кабинета К. остановился, отворил ее и позвал торговца, покорно двинувшегося было дальше:

— Куда вы так спешите? Посветите-ка.

Решив, что здесь спряталась Лени, К. заставил торговца обыскать все углы, но в комнате никого не оказалось. Перед портретом судьи К. придержал торговца за подтяжки.

— Знаете его? — спросил он, указывая пальцем вверх.

Торговец поднял свечу, посмотрел, моргая, на портрет и сказал:

— Это судья.

— Важный судья? — спросил К., обошел торговца и встал так, чтобы увидеть, какое впечатление производит на него портрет.

Торговец благоговейно смотрел снизу вверх.

— Да, очень важный, — сказал он.

— Не очень-то вы разбираетесь, — сказал К. —

Среди низших следственных судей этот — самого низкого ранга.

— Теперь припоминаю, — сказал торговец и опустил свечу. — Я тоже об этом слышал.

— Ну конечно же, — воскликнул К. — Я и забыл — конечно, вы слышали!

— Но в чем, собственно… В чем, собственно, дело? — вопрошал торговец, в то время как К. толкал его к двери.

В коридоре К. сказал:

— Вы ведь знаете, где прячется Лени?

— Прячется? — переспросил торговец. — Да нет же, она, наверное, на кухне, готовит адвокату суп.

— Что же вы сразу не сказали? — спросил К.

— Я хотел вас туда отвести, но тут вы меня окликнули, — ответил торговец, словно его сбили с толку противоречивые распоряжения.

— Хватит умничать, — сказал К. — Хотели — так ведите.

На кухне К. еще не бывал: она оказалась на удивление просторной и дорого обставленной. Даже плита была раза в три больше обычной. Других деталей К. рассмотреть не смог, потому что кухню освещала лишь одна маленькая лампа возле входа. У плиты стояла Лени в своем обыч-

ном переднике и разбивала яйца в кастрюлю, стоявшую на спиртовой горелке.

— Добрый вечер, Йозеф, — сказала она, оглянувшись.

— Добрый вечер, — сказал К. и указал торговцу на стоявшее неподалеку кресло, в которое он тотчас же сел.

К. подошел вплотную к Лени, наклонился над ней и спросил:

— Кто это такой?

Лени обняла К. одной рукой — другой она помешивала суп, — а затем притянула к себе и сказала:

— Это несчастный человек, бедный торговец, некий Блок. Только посмотри на него!

Торговец сидел в кресле, на которое ему указал К. Он задул свечу, ненужную теперь из-за лампы, и пригасил пальцами фитиль, чтобы не дымил.

— Ты была в ночной рубашке, — сказал К. и повернул ее снова лицом к плите. Она молчала.

— Он твой любовник? — спросил К.

Она хотела заняться кастрюлей, но К. схватил ее за руки и потребовал:

— Отвечай!

— Пойдем в кабинет, — сказала она, — я тебе все объясню.

— Нет, — сказал К. — Объясни здесь.

Она повисла у него на шее и хотела его поцеловать, но К. оттолкнул ее и сказал:

— Давай сейчас без нежностей.

— Йозеф, — сказала она умоляюще и посмотрела ему прямо в глаза. — Не станешь же ты ревновать меня к г-ну Блоку! Руди, — обратилась она к торговцу, — ну помоги же мне, видишь, меня подозревают? И оставь свечку в покое!

— Я тоже ума не приложу, с чего бы вам ревновать, — сказал он с некоторым вызовом.

— Да я и сам не знаю, — сказал К., с улыбкой глядя на торговца.

Лени громко рассмеялась. Воспользовавшись тем, что К. отвлекся, она крепко прижалась к нему и прошептала:

— Забудь про него, ты же видишь, что это за человек. Я немножко вошла в его положение, потому что он крупный клиент адвоката, вот и все. А ты? Хочешь успеть поговорить с адвокатом? Он сегодня очень плохо себя чувствует, но, если хочешь, я о тебе доложу. А на ночь, конечно, останешься у меня. Ты так давно к нам не заходил, даже адвокат о тебе спрашивал. Нельзя пускать процесс на самотек! А я, кстати, кое-что разузнала, надо бы тебе рассказать. Да сними же

наконец пальто!

Она помогла ему раздеться, взяла у него шляпу и пальто, сбегала в переднюю их повесить, вернулась тоже бегом и занялась супом.

— Доложить сначала о тебе или отнести первым делом суп?

— Сначала доложи, — сказал К.

Он был зол: ведь ему хотелось сперва обсудить с Лени свои обстоятельства, и в особенности возможное расторжение договора, но присутствие торговца отбило у него всякую охоту. Теперь, однако, его дело казалось ему слишком важным, чтобы позволить заморышу-торговцу оказать сколько-нибудь решающее влияние на его ход, так что он окликнул Лени, уже вышедшую в коридор:

— Нет, все-таки отнеси сперва суп. Ему надо подкрепиться перед разговором со мной — разговор предстоит тяжелый.

— Вы тоже клиент адвоката, — тихо сказал торговец из своего угла с интонацией скорее утвердительной, чем вопросительной.

— А вам-то какое дело? — сказал К.

— Сиди тихо, — сказала Лени. — Так я отнесу ему сперва суп. — И налила суп в тарелку. — Только, боюсь, он сейчас же заснет, он, как поест,

быстро засыпает.

— Как услышит то, что я собираюсь сказать, спать сразу расхочется, — сказал К.

Он хотел намекнуть, что намеревается обсудить с адвокатом некое важное дело, чтобы Лени сама начала его расспрашивать, — и только тогда попросить у нее совета. Но она лишь в точности исполняла указания. Проходя мимо К. с тарелкой, она нарочно чуть толкнула его и прошептала:

— Доложу ему о тебе прежде, чем он доест суп, тогда ты раньше ко мне вернешься.

— Делай свое дело, — сказал К.

— Не груби мне, — сказала она, поворачиваясь со своей тарелкой к выходу.

К. ~~*не хотел больше сердиться и*~~ проводил ее взглядом; теперь он окончательно решился уволить адвоката. Это даже к лучшему, что не вышло заранее обсудить это с Лени. У нее не было полной картины, она бы наверняка посоветовала этого не делать, возможно, даже удержала бы его от расторжения договора, оставив в сомнениях и тревоге, но в конце концов он все же вернулся бы к своему решению — ведь другого выхода не было. Чем раньше он выполнит задуманное, тем меньше будут потери. Кстати, может быть, и торговцу есть что сказать на эту тему.

К. обернулся к нему. Торговец не обратил на это внимания, потому что как раз поднимался с кресла.

— Не вставайте, — сказал К. и подвинул второе кресло поближе к торговцу. — Вы давний клиент адвоката?

— Да, — сказал торговец, — очень давний.

— Сколько лет он вас представляет? — спросил К.

— Смотря что вы имеете в виду, — сказал торговец. — Если по деловым вопросам — я торгую зерном, — то с тех пор, как у меня свое дело, то есть примерно двадцать лет, а если на процессе — вы, видимо, об этом хотели спросить, — то с самого начала, то есть уже больше пяти лет. Да, уже сильно больше пяти лет, — добавил он и вытащил на свет старый ~~*толстый*~~ портфель. — У меня здесь все записано, могу, если хотите, назвать вам точные даты. Но мой процесс идет, вероятно, даже дольше, он начался сразу после смерти жены, выходит, больше пяти с половиной лет назад.

— То есть адвокат занимается и обычным юридическим сопровождением?

К. придвинулся поближе к торговцу. Связь между судом и обычным правом показалась ему

добрым знаком.

— Именно, — сказал торговец и добавил шепотом: — Говорят даже, что в обычных юридических вопросах он проявляет больше рвения, чем в тех, других.

Похоже, он тут же пожалел о сказанном, поскольку положил руку К. на плечо и попросил:

— Прошу вас, не выдавайте меня.

К. ободряюще хлопнул его по коленке и сказал:

— Не выдам, я не такой.

— Он человек мстительный, — сказал торговец.

— Не станет же он мстить клиенту, — сказал К.

— Еще как станет, — сказал торговец. — Если его разозлить, он разбираться не будет, к тому же я ему не очень-то верен.

— Как это — не верны? — спросил К.

— Могу ли я вам довериться? — засомневался торговец.

— Думаю, можете, — сказал К.

— Что ж, — сказал торговец, — я вам расскажу, хоть и не все, но вам тоже придется доверить мне какую-нибудь тайну, чтобы нас обоих что-то сдерживало перед адвокатом.

— Вы очень осторожны, — сказал К. — Но я расскажу вам секрет, чтобы вас совершенно успо-

коить. Так в чем ваша неверность по отношению к адвокату?

— У меня, — неуверенно начал торговец таким тоном, словно признавался в каком-то бесчестном поступке, — есть, кроме него, и другие адвокаты.

— Но в этом же нет ничего ужасного, — слегка разочарованно сказал К.

— Очень даже есть, — сказал торговец, силясь отдышаться после такого признания. Впрочем, замечание К. придало ему чуть больше уверенности. — Это не разрешается. И уж тем более не разрешается брать вдобавок к адвокату еще и стряпчих. А я именно так и поступил, у меня, кроме него, еще пятеро стряпчих.

— Пять! — воскликнул К., пораженный этой цифрой. — Пять поверенных вдобавок к этому?

Торговец кивнул:

— Сейчас с шестым договариваюсь.

— Но зачем вам их столько? — спросил К.

— Без них никак, — сказал торговец.

— Не изволите ли растолковать поподробнее?

— Охотно, — сказал торговец. — Прежде всего, я не хочу проиграть процесс, это ясно и без слов. Значит, нельзя упустить из виду ничего важного. Даже если мало надежд извлечь выгоду из какой-то определенной ситуации, возможностями

разбрасываться нельзя. Я все, что имею, вложил в процесс. Изъял из дела все деньги, например. Раньше моя контора занимала целый этаж, теперь хватает одной комнатенки с выходом во двор, работаю там с мальчишкой-учеником. Ужаться пришлось, конечно, не только из-за денег — я больше не могу так много работать, как раньше. Хочешь чего-то добиться на процессе — все остальные дела придется отложить.

— То есть вы и сами работаете в суде? — спросил К. — Как раз об этом я хотел бы узнать побольше.

— А мне почти нечего рассказать, — ответил торговец. — Поначалу я очень старался, но скоро перестал. Это слишком утомительно, а результатов почти нет. Самому работать и вести все переговоры оказалось совершенно невозможно. Все время сидеть и ждать — уже тяжко. Вы ведь и сами знаете, какой тяжелый воздух в канцеляриях.

— Откуда вы знаете, что я там бывал? — спросил К.

— Я как раз сидел в коридоре, когда вы проходили мимо.

— Вот это совпадение! — воскликнул К., проникаясь приязнью к торговцу и забывая, каким жалким он только что был в его глазах. — Выхо-

дит, вы меня раньше видели! Сидели в коридоре, а я как раз мимо проходил. Я и вправду шел там как-то раз по коридору.

— Не такое уж и совпадение, — сказал торговец. — Я там почти каждый день.

— Мне тоже, наверное, надо бы почаще туда ходить, — сказал К., — но едва ли меня станут каждый раз принимать с таким почетом, как тогда. Все вставали. Думали, я какой-то судья.

— Нет, — сказал торговец, — мы тогда приветствовали судебного пристава. А что вы обвиняемый, мы знали. Такие новости распространяются мгновенно.

— Знали, значит, — сказал К. — В таком случае мое поведение, наверное, показалось вам высокомерным. Ругали меня потом?

— Нет, — сказал торговец. — Наоборот. Но это глупости.

— Что глупости? — спросил К.

— А почему вы об этом спрашиваете? — огрызнулся торговец. — Вы, похоже, совсем не знаете этих людей и неправильно поймете. Имейте в виду, что многое в судопроизводстве умом не понять — слишком сильно устаешь и много отвлекаешься, так что понимание заменяют суеверия. Я говорю о других, но и сам я не лучше.

Одно из этих суеверий состоит в том, что по лицу обвиняемого, особенно по рисунку губ, можно многое узнать об исходе процесса. Так вот, говорили, что, судя по вашим губам, вас наверняка приговорят, и очень скоро. Еще раз — это дурацкое суеверие, факты его, как правило, полностью опровергают, но, вращаясь в этом обществе, трудно не поддаться влиянию предрассудков. А это, поверьте, сильный предрассудок! ~~*Мы хоть и приветствовали пристава, но вряд ли поднялись бы все разом с мест без какого бы то ни было знака, — а*~~ вы ведь с одним из нас заговорили, верно? Но он вам ничего не смог ответить. У него, конечно, было много причин чувствовать себя не в своей тарелке, но одна из них — ваши губы. Он позже рассказывал, что увидел в ваших губах еще и предвестие своего собственного осуждения.

— Мои губы? — переспросил К., вынул карманное зеркальце и посмотрелся в него. — Не вижу в моих губах ничего особенного. А вы?

— Я тоже, — сказал торговец, — ровным счетом ничего.

— Какие все суеверные! — воскликнул К.

— А я о чем? — спросил торговец.

— И что же, вы много общаетесь, обмениваетесь мнениями? — спросил К. — Я до сих пор

держался совсем в стороне.

— На самом-то деле общения почти нет, — сказал торговец. — Оно и вряд ли возможно, слишком много людей в нашем положении. Да и общих интересов маловато. А если иногда и зарождается ощущение, что у какой-то группы есть общий интерес, быстро выясняется, что это заблуждение. Сообща против суда ничего не добьешься. Каждое дело расследуется отдельно, этот суд отличается тщательностью. Потому и не сделаешь ничего сообща, только одиночка может тайно чего-то добиться, и лишь тогда другим удается об этом узнать, но все равно никто не понимает, что именно произошло. Так что никакой общности нет, люди сидят, бывает, вместе в коридоре, но говорят между собой мало. А суеверия сложились в стародавние времена и множатся будто сами собой.

— Я видел этих господ в коридоре, — сказал К. — Их ожидание показалось мне совершенно бессмысленным.

— Ожидание не бессмысленно, — сказал торговец. — Бессмысленно лишь защищаться самостоятельно. Я уже вам сказал, что у меня, кроме этого адвоката, еще пять. Может показаться — я и сам так думал поначалу, — что достаточно

перепоручить им дело, и все. Ничего подобного. Я могу доверить им даже меньше, чем если бы нанял только одного адвоката. Вам это, наверное, не совсем понятно?

— Не совсем, — сказал К. и успокаивающе похлопал торговца по руке, чтобы приостановить этот словесный поток. — Большая просьба: говорите не так быстро, все это для меня важные вещи, а я никак за вами не успеваю.

— Спасибо, что напомнили об этом, — сказал торговец. — Вы ведь новичок, свежачок. Вашему процессу всего полгода, верно? Да, я об этом слышал. Совсем свежий процесс! А я уже все это столько раз в голове прокрутил, что мне кажется — очевиднее и быть не может.

— То есть вы рады, что ваш процесс уже настолько продвинулся? — спросил К., не желая задавать прямой вопрос, как у торговца обстоят дела.

— Да, я уже пять лет как затягиваю свой процесс, — сказал торговец и повесил голову. — Это немалое достижение.

Он помолчал. К. прислушался, не идет ли Лени. С одной стороны, ему не хотелось, чтобы она вошла, — у него оставалось еще много вопросов, и было бы неприятно, застань она его за таким

доверительным разговором с торговцем; с другой стороны, его сердило, что она, несмотря на его приход, так долго не покидает адвоката — гораздо дольше, чем нужно, чтобы поставить перед ним тарелку супа.

— Хорошо помню то время, — снова заговорил торговец, и К. навострил уши, — когда мой процесс был не длиннее вашего. На меня тогда работал только этот адвокат, но я был им не очень доволен.

Вот тут-то я все и узнаю, подумал К. и живо закивал, словно мог таким образом убедить торговца рассказать ему все, что стоило знать.

— Мой процесс, — продолжал торговец, — не двигался, хотя меня вызывали на допросы. Я всякий раз ходил, собирал документы, передал в суд всю мою деловую отчетность, в чем, как я потом узнал, не было никакой нужды, вечно бегал к адвокату, а он подавал всяческие ходатайства…

— Всяческие ходатайства? — переспросил К.

— Ну да, именно, — сказал торговец.

— Это для меня очень важно, — сказал К. — По моему делу он все еще работает над первым ходатайством. Он пока ничего не сделал. Теперь я понимаю, он мной постыдно пренебрегает.

— На то, что ходатайство еще не готово, могут

быть разумные причины, — сказал торговец. — Кстати, как позже выяснилось, мои ходатайства не имели никакого смысла. Одно я даже прочитал — судейский чиновник сделал мне такое одолжение. Оно было совершенно бессодержательным, хоть и написано ученым языком. Сперва много по-латыни, тут я ничего не понял, потом общие призывы к суду, потом лесть в адрес одного чиновника, хоть и не названного по имени, но посвященные должны были угадать, о ком речь, потом похвальбы адвоката и прямо-таки собачьи, самоуничижительные выражения почтения к суду, наконец, ссылки на прежние случаи, чем-то якобы похожие на мой. Впрочем, эти ссылки, насколько я мог понять, были очень тщательно проработаны. Ничего не хочу сказать о работе адвоката — я ведь видел только одно ходатайство из многих, но в любом случае — и об этом я сейчас расскажу подробнее — я не видел, чтобы мой процесс как-то продвигался.

— Какое же продвижение вы хотели увидеть? — спросил К.

— Очень разумный вопрос, — ответил с улыбкой торговец. — В таких делах прогресс заметен крайне редко. Но тогда я этого не знал. Я коммерсант, а в то время был еще больше коммерсантом,

чем теперь. Я хотел видеть ощутимый прогресс, дело должно было двигаться к концу или, во всяком случае, к какой-то кульминации. Вместо этого были только допросы, по большей части об одном и том же. Ответы я уже затвердил, как катехизис. Не по одному разу в неделю являлись посыльные из суда — в контору, домой, куда угодно, где бы я ни был. Они, конечно, мешали (теперь хотя бы в этом отношении стало полегче: телефонные звонки не так отвлекают), к тому же среди моих деловых партнеров и особенно среди родственников начали распространяться слухи о моем процессе, так что все пошло наперекосяк, но не было ни малейших признаков, что близится хотя бы первое рассмотрение дела в суде. Так что я пошел к адвокату и стал жаловаться. Он пустился в долгие объяснения, но решительно отказался предпринять для меня что бы то ни было: сказал, что никто не может повлиять на время рассмотрения, а требовать в ходатайстве назначить заседание, как я сделал, — просто неслыханно и равносильно погибели и для меня, и для него. Я подумал: чего не может или не хочет этот адвокат, сможет и захочет другой. И стал искать другого адвоката. Скажу, забегая вперед: ни один не потребовал назначить время

рассмотрения, даже не попытался об этом ходатайствовать, это оказалось возможным только при одном условии, о котором я сейчас расскажу, так что здесь этот адвокат меня не обманул. В остальном, однако, я не пожалел, что обратился к другим адвокатам. ~~*Послушайте меня!*~~ Вы ведь наверняка слышали от д-ра Хульда о ~~*мелких*~~ стряпчих: он, конечно же, отзывался о них презрительно, и они этого, в общем-то, заслуживают. Но, сравнивая их и своих коллег с собой, он допускает одну небольшую ошибку, о которой я вам вскользь упомяну. Он всегда называет адвокатов своего круга, в отличие от прочих, «крупными». Но это неверно, ведь любой может назвать себя «крупным», если захочет, но на деле все решает лишь судебная практика. Согласно этой практике, действительно существуют стряпчие, а еще мелкие и крупные адвокаты. Но этот адвокат и его коллеги как раз мелкие, а крупные адвокаты — о них я только слышал и никогда их не видел — настолько же выше их рангом, насколько они сами выше презренных стряпчих.

— Крупные адвокаты? — переспросил К. — Кто же они такие? И как до них добраться?

— Так вы о них никогда не слышали, — сказал торговец. — Нет ни одного обвиняемого, который

бы не мечтал о них какое-то время, узнав об их существовании. Не поддавайтесь лучше этому соблазну. Кто такие крупные адвокаты, я знать не знаю, а добраться до них никак нельзя. Ни об одном деле я не могу сказать с определенностью: да, они им занимались. Некоторых они защищают, но достучаться до них самостоятельно невозможно, они защищают лишь тех, кого сами захотят. Чтобы они взялись за дело, оно должно выйти из низшей инстанции. Так что лучше о них не думать, иначе разговоры с другими адвокатами, их советы и их старания вам помочь покажутся такими гадкими и бессмысленными — я и сам это пережил, — что захочется все бросить, лечь дома в постель и забыться. А глупее этого ничего не придумаешь, да и в постели покой найти не удастся.

— Значит, вы тогда не думали о крупных адвокатах?

— Только недолго, — сказал торговец и снова улыбнулся. — Совсем о них забыть, к сожалению, невозможно, особенно по ночам эти мысли так и лезут в голову. Но тогда я хотел немедленного успеха и потому пошел к стряпчим. ~~*Но и презираемые мелкие адвокатишки ничего не добились, они и в самом деле заслуживают презрения, так*~~

что даже обвиняемые, которые сначала питают к ним какое-то уважение, вскоре его теряют.

— Вот как вы тут рядком уселись, — воскликнула Лени, которая вернулась с тарелкой и остановилась в дверях.

Они и правда сидели так близко друг к другу, что непременно столкнулись бы головами при попытке повернуться. Торговец был не только маленького роста — он еще и горбился так, что К. пришлось к нему наклониться, чтобы все расслышать.

— Еще минутку, — нетерпеливо отмахнулся К. от Лени, убрав ладонь с руки торговца.

— Он захотел, чтобы я рассказал ему про свой процесс, — сказал торговец Лени.

— Рассказывай, рассказывай, — откликнулась она ласково, но снисходительно.

К. не нравилось, каким тоном она говорит с торговцем; как он теперь понимал, это был все же человек определенных достоинств: по крайней мере, он обладал опытом, которым к тому же умел поделиться. Похоже, Лени судила о нем несправедливо. К. злился, глядя, как она забирает у торговца свечку, которую он все это время сжимал в руках, вытирает ему руку передником, становится рядом с ним на колени, чтобы отко-

лупать капельку воска с брючины.

— Вы собирались мне рассказать про стряпчих, — сказал К. и оттолкнул руку Лени.

— Да что с тобой не так? — сказала она, легонько шлепнула К. и продолжала оттирать воск.

— Да, про стряпчих, — сказал торговец и задумчиво провел ладонью по лбу.

— Вам нужен был быстрый успех, и вы обратились к стряпчим, — сказал К., чтобы помочь торговцу собраться с мыслями.

— Именно так, — сказал он, но продолжения не последовало.

«Наверное, не хочет говорить об этом при Лени», — подумал К., подавил свербящее желание сейчас же узнать, что было дальше, и не стал больше настаивать.

— Ты доложила обо мне? — спросил он Лени.

— Конечно, — сказала она. — Он ждет. А Блока оставь пока в покое, с Блоком ты и позже сможешь поговорить, он же никуда не уходит.

К. колебался.

— Вы остаетесь? — спросил он торговца. Он хотел получить ответ от него самого, а не от Лени, говорившей о торговце, словно его здесь не было; он сегодня был очень зол на нее, хоть и скрывал это. Но ответила снова Лени:

— Он здесь часто ночует.

— Ночует? Здесь? — воскликнул К.

Он было подумал, что торговец подождет его, пока он быстро закончит разговор с адвокатом, а потом они вместе уйдут и все без помех основательно обсудят.

— Да, — сказала Лени, — не всех, как тебя, Йозеф, пускают в любое время к адвокату. Тебя, кажется, даже не удивляет, что адвокат, несмотря на болезнь, готов тебя принять в одиннадцать вечера. Твои друзья для тебя стараются, а ты принимаешь это как должное. Но твои друзья — я по крайней мере — делают это охотно. Я никакой благодарности не хочу и ни в какой не нуждаюсь, кроме твоей любви.

«Моей любви? — пронеслось в голове у К., и тут же мысль сменилась. — Ну да, я люблю тебя». Но вслух он сказал совсем другое:

— Он принимает меня, потому что я его клиент. Если бы и в этом требовалась посторонняя помощь, пришлось бы на каждом шагу кланяться и благодарить.

— Какой он сегодня противный, правда? — спросила Лени торговца.

«Теперь обо мне как об отсутствующем», — подумал К. и начал уже сердиться на торговца,

потому что тот ответил Лени в ее же невежливой манере:

— Адвокат принимает его и еще по одной причине. Его дело вообще-то интереснее моего. К тому же его процесс только начинается, он не слишком далеко зашел, потому адвокат пока и занимается им так охотно. После будет по-другому.

— Да полно тебе, — сказала Лени, глядя с улыбкой на торговца. — Вот болтать-то горазд! А ты, — тут она обернулась к К., — не верь ему. Он такой милый, но такой болтун. Может, и поэтому адвокат его терпеть не может. Принимает его, только если в настроении. Уж я старалась, как могла, все поменять, да все без толку. Представь себе, доложу ему, бывает, о Блоке, а он примет только на третий день. А если Блока здесь не случается, когда он зовет, все пропало, надо заново о нем докладывать. Вот я и разрешила Блоку здесь ночевать: бывало уже, что адвокат звонил ночью, чтобы я его впустила. Так что теперь Блок и по ночам готов. Правда, теперь адвокат, как узнает, что Блок здесь, свой вызов иногда отменяет.

К. посмотрел на торговца вопросительно. Тот кивнул; ему, похоже, стало стыдно, что он прежде был с К. так откровенен.

— Да, от своего адвоката со временем зависишь

все больше.

— Он только для виду жаловался, — сказала Лени ~~*и потрепала торговца по колену*~~. — Ему нравится тут ночевать, он не раз мне признавался.

Она подошла к маленькой дверце и толкнула ее.

— Хочешь взглянуть на его спальню? — спросила она.

К. подошел и заглянул с порога в каморку с низким потолком и без окна, которую полностью занимала узкая кровать. Нужно было перелезть через ее спинку, чтобы попасть в помещение. У изголовья в стене имелась ниша, где рядом со свечкой и чернильницей были аккуратно сложены перо~~*, очки*~~ и стопка бумаг — вероятно, материалы процесса.

— Вы спите в комнате служанки? — спросил К., снова поворачиваясь к торговцу.

— Лени ее для меня освободила, — ответил торговец. — Это очень удобно.

К. посмотрел на него долгим взглядом. Похоже, первое впечатление, которое сложилось у него о торговце, было все-таки верным: опыт-то у него был, ведь его процесс тянулся уже долго, но за этот опыт он дорого заплатил. К. вдруг почувствовал, что не может больше выдержать взгляд

торговца.

— Ну так уложи его в постель, — приказал он Лени.

Та непонимающе смотрела на него. Сам же он решил пойти к адвокату и, расторгнув договор, освободиться не только от него, но и от Лени с торговцем. Но не успел он подойти к двери, как услышал тихий голос торговца:

— Господин старший управляющий! — К. обернулся сердито. — Вы забыли о своем обещании, — сказал торговец, просительно склонившись в своем кресле. — Вы собирались рассказать мне секрет.

— Это правда, — сказал К. и смерил взглядом Лени, внимательно за ним наблюдавшую. — Ну так слушайте. Это в любом случае почти уже не секрет. Я иду сейчас к адвокату, чтобы его уволить.

— Он его увольняет! — воскликнул торговец, вскочил с кресла и забегал, воздев руки вверх, по кухне, то и дело повторяя: — Он увольняет адвоката!

Лени хотела наброситься на К., но под ногами путался торговец. Она оттолкнула его кулаками. Все еще сжимая кулаки, она кинулась в погоню за К. У него, однако, была большая фора. Он

уже вошел в комнату адвоката, когда Лени догнала его, и почти успел закрыть дверь, но она просунула в щель ногу, схватила его за рукав и попыталась вытащить обратно. Он сжал ее руку с такой силой, что она была вынуждена, вскрикнув от боли, отпустить его. Войти за ним в комнату она сразу не осмелилась, но К. все равно запер дверь на ключ.

— Заставляете ждать, — сказал адвокат с кровати, положил бумаги, которые читал при свече, на ночной столик, надел очки и строго посмотрел сквозь них на К. Но тот сказал вместо извинений:

— Я ненадолго.

Адвокат, ожидавший, что К. извинится, не отреагировал на эти его слова и сказал:

— В следующий раз не приму вас так поздно.

— Меня это устраивает, — сказал К.

Адвокат вопросительно взглянул на него.

— Садитесь, — сказал он.

— Как скажете, — сказал К., придвинул к ночному столику кресло и сел.

— Мне показалось, вы заперли дверь, — сказал адвокат.

— Да, — сказал К. — Это из-за Лени.

Никого щадить он не собирался. Но адвокат

спросил:

— Она к вам опять приставала?

— Приставала? — переспросил К.

— Да, — подтвердил адвокат, рассмеялся, закашлялся, а когда приступ прошел, продолжал смеяться.

— Не могли же вы не заметить ее прилипчивости, — сказал адвокат и похлопал К. по руке, которой тот оперся на ночной столик. К. отдернул руку. — Вижу, вы не придаете этому значения, — продолжал адвокат, не получив ответа. — Тем лучше, не то мне пришлось бы перед вами извиняться. Это одна из особенностей Лени, к которой я давно отношусь снисходительно: я даже не заговорил бы об этом, если бы вы не заперли дверь. Про эту особенность мне вообще-то не стоило бы перед вами распространяться, но вы смотрите на меня так изумленно, что я все же скажу: она состоит в том, что Лени находит большинство обвиняемых привлекательными. На всех вешается, всех любит и, похоже, у всех пользуется взаимностью. Она, когда я ей разрешаю, иногда рассказывает мне об этом для развлечения. Меня это не так поражает, как, мне кажется, поражает вас. Наметанный глаз сразу видит, что обвиняемые и правда часто привлекательны.

Это весьма интересное в некотором смысле явление природы. Из-за выдвижения обвинений происходит некое естественное, незаметное, но вполне определенное изменение внешности. Вообще-то большинству из тех, у кого есть хороший, старательный адвокат, процесс позволяет жить прежней жизнью. И все же опытный человек даже в большой толпе всегда распознает обвиняемого. Вы спросите — по каким признакам? Но мой ответ вас не удовлетворит. Обвиняемые выглядят лучше всех. *В определенном, конечно, смысле — и только для тех, кто о них профессионально и по собственной склонности заботится.* Привлекательными их делает отнюдь не виновность — ведь, скажу как адвокат, не все они виновны — и не будущее наказание, поскольку не все они будут наказаны. Так что остается лишь заключить, что на них отражается сам факт судебного разбирательства, которое против них ведется. Случаются среди обвиняемых и особенные красавцы, но привлекательны они все, даже Блок, этот жалкий червяк.

К. держал себя в руках. Он даже кивнул в ответ на последнюю фразу адвоката, лишь укрепившись в своем прежнем мнении, что адвокат своими общими рассуждениями, не относящимися

к сути дела, пытается рассеять его сосредоточенность и отвлекает от главного вопроса: что, собственно, он сделал для защиты К. Адвокат не мог не заметить, что К. сопротивляется ему сильнее, чем обычно. Он замолчал, давая К. возможность высказаться, но тот оставался нем, и адвокат сказал:

— Вы пришли ко мне сегодня с каким-то определенным намерением?

— Да, — сказал К. и поднес руку к свече, чтобы направить побольше света на адвоката. — Я хотел вам сообщить, что сегодня же отзываю у вас доверенность.

— Я не ослышался? — спросил адвокат, привстав в кровати и опираясь рукой о подушку.

— Думаю, нет, — сказал К. и выпрямился в кресле, словно готовясь отразить нападение.

— Что ж, можем обсудить и такой ваш план, — сказал, помолчав, адвокат.

— Это уже не план, — сказал К.

— Возможно, — сказал адвокат, — и все же нам не стоит принимать поспешных решений.

Это «нам» прозвучало так, словно он не собирался отпускать К. и хотел остаться если не его представителем, то советником.

— Решение не поспешное, — сказал К., медлен-

но поднялся и встал за спинкой своего кресла. — Оно хорошо обдумано и, возможно, даже немного запоздало. И это окончательное решение.

— В таком случае позвольте мне сказать всего несколько слов, — сказал адвокат, откинул перину и сел на край кровати.

Его голые, покрытые седыми волосками ноги чуть дрожали от холода. Он попросил К. передать ему одеяло с кушетки.

— Вы только напрасно простудитесь, ~~*господин доктор права,*~~ — сказал К., протягивая одеяло.

— Повод достаточно важный, — сказал адвокат, накидывая на плечи перину и кутая в одеяло ноги. — Ваш дядя — мой друг, и вы мне за это время тоже полюбились. Признаюсь в этом совершенно откровенно, здесь мне стыдиться нечего.

Эти трогательные стариковские речи были совершенно некстати, поскольку принуждали К. к подробному объяснению, которого он предпочел бы избежать, и подрывали его уверенность — в этом он полностью отдавал себе отчет, — хоть и ни в коей мере не могли заставить его изменить решение.

— Благодарю вас за доброе отношение, — сказал он. — Я готов признать, что вы занимались моим делом настолько плотно, насколько могли

и насколько считали выгодным для меня. Однако в последнее время у меня сложилось убеждение, что этого недостаточно. Конечно, я не стану и пытаться убедить в правильности моего мнения человека настолько старше и опытнее меня, и если я невольно попытался это сделать, простите меня, но дело, как вы сами сказали, достаточно важное и, по моему убеждению, процесс требует гораздо больших усилий, чем те, что прилагались до сих пор.

— Понимаю вас, — сказал адвокат. — Вам не хватает терпения.

— Дело не в нетерпении, — сказал К. немного нервно и уже меньше стесняясь в словах. — Вы могли бы заметить еще по первому моему визиту, когда я приходил с дядей, что процесс меня не очень интересует: если бы мне не напоминали о нем в достаточно грубой форме, я бы и вовсе о нем забыл. Но мой дядя настоял, чтобы я доверил вам меня представлять, и я согласился, чтобы сделать ему приятное. После этого я был вправе ожидать, что процесс будет давить на меня еще меньше, чем раньше, — ведь адвоката нанимают именно для того, чтобы в некоторой степени переложить на него бремя процесса. Но вышло все наоборот. С тех пор, как вы представляете

мои интересы, ход процесса тревожит меня, как никогда раньше. Пока я был сам по себе, я ничего не предпринимал, но и почти ничего не замечал, но теперь у меня появился представитель на случай, если события начнут как-то развиваться, и я непрерывно, с нарастающим напряжением ждал, что вы возьметесь за дело, но этого так и не произошло. Я, впрочем, получил от вас различные сведения о суде, которые, наверное, не смог бы получить больше ни от кого. Но я не могу этим довольствоваться, когда процесс тайно~~, словно дожидаясь от обвиняемого каких-то признаков жизни,~~ подбирается ко мне все ближе.

К. оттолкнул стул и стоял, сунув руки в карманы пиджака.

— Когда долго практикуешь, все начинает повторяться, — негромко, спокойно сказал адвокат. — Сколько клиентов стояли передо мной на той же стадии процесса, что и вы, и говорили что-то похожее!

— Значит, — сказал К., — они, как и я, не зря так говорили. Это вовсе не опровергает мои слова.

— Я и не собирался их опровергать, — сказал адвокат. — Я хотел только добавить, что ожидал от вас большего здравомыслия, чем от других, в первую очередь потому, что глубже посвятил

вас в судебную практику и собственную деятельность, чем обычно посвящаю других клиентов. И вот теперь выясняется, что вы, несмотря ни на что, все же недостаточно мне доверяете. Признавать это мне нелегко.

Надо же, какое смирение! Где же профессиональная гордость адвоката, которая как раз сейчас должна быть задета? И почему он так себя ведет? Ведь он, по всем внешним признакам, не испытывает недостатка в клиентах и к тому же богат, так что потерю гонорара от одного клиента вряд ли заметит. Кроме всего прочего, он нездоров и сам должен, если уж на то пошло, стараться снизить загруженность. И все же так держится за К. Почему? Из личного сочувствия к дяде — или потому, что считает процесс К. таким необычным, что надеется отличиться участием в нем на стороне К. или — такую возможность никак нельзя исключать — на стороне своих друзей в суде? По его виду было ничего не понять, сколько К. ни разглядывал его, отбросив всякую учтивость. Можно было даже подумать, что он нарочно сделал непроницаемое лицо, дожидаясь, как подействуют его слова. Молчание К. он явно истолковал в свою пользу, потому что продолжал так:

— Вы наверняка заметили: хотя у меня большая практика, я обхожусь без помощников. Раньше было иначе — когда-то на меня работали несколько молодых юристов, ~~*машинисточки,* *человек десять,* *сновали здесь туда-сюда,*~~ а теперь я сам по себе. Отчасти это связано с тем, что моя практика меняется, — я теперь все больше ограничиваюсь делами вроде вашего, — а отчасти с моим углубившимся пониманием таких дел. Я нахожу, что не могу никому перепоручить мою работу, если не хочу навредить клиентам, которым взялся помочь. Однако решение делать все самому влечет за собой определенные последствия: я вынужден отказывать почти всем и берусь лишь за те дела, что мне особенно близки, — но это и не беда: кругом, в том числе и по соседству, полно всякой швали, кидающейся на любые крохи с моего стола. К тому же я слег от переутомления. Я о своем решении не жалею, — возможно, мне стоило бы брать еще меньше клиентов, но необходимость всецело посвящать себя тем процессам, которые веду, полностью подтвердилась, и мои успехи мне наградой. Я где-то прочел очень верное описание разницы между обычной адвокатской работой и такими делами. Мол, один адвокат доводит клиента на веревочке до самого решения

суда, другой же сажает клиента себе на плечи и так тащит, не снимая, не только до решения, но и дальше. Так и есть. Но я бы погрешил против истины, если бы сказал, что никогда не жалею о затраченных усилиях. Когда мои действия столь неверно истолкованы, как в вашем случае, — тогда почти жалею.

Все эти речи не столько убедили К., сколько усилили его нетерпение. Ему казалось, он слышит в интонациях адвоката предвестие того, что его ожидает, если он сдастся: новые отговорки, рассказы не только о продвигающейся работе над ходатайством и об улучшающемся настроении судейских, но и об огромных трудностях в работе… короче, все до изжоги знакомые К. средства снова будут пущены в ход, чтобы и дальше прельщать его туманными надеждами и изводить туманными угрозами. Пора было это прекратить раз и навсегда, и он сказал:

– *Вы со мной не вполне откровенны и никогда откровенны не были. Поэтому вам не стоит жаловаться, что вас якобы неверно понимают. А я откровенен и потому не боюсь быть неверно понятым. Вы взяли тяготы моего процесса на себя и якобы освободили меня от них, но мне все сильнее кажется, что вы не просто плохо его ве-*

ли, но, ничего всерьез не предпринимая, скрывали от меня его ход и мешали мне самому заняться делом, чтобы однажды меня попросту осудили в мое отсутствие. Впрочем, я не утверждаю, что именно таков был ваш план. Что вы предпримете, если я оставлю договор в силе?

Адвокат даже теперь не обиделся и ответил:

— Продолжу действовать в том же направлении, что и прежде.

— Так я и знал, — сказал К. — Тогда и говорить больше не о чем.

— Попробую еще раз, — сказал адвокат, словно он, а не К., был здесь пострадавшей стороной. — У меня сложилось ощущение, что ваша неверная оценка моей правовой помощи и ваше поведение в целом вызваны тем, что с вами как с обвиняемым обращались слишком хорошо, или, точнее говоря, с кажущейся снисходительностью. На то есть свои причины; иногда лучше быть в цепях, чем на свободе. Хочу показать вам, как обращаются с другими обвиняемыми, и, может, вам удастся извлечь из этого какой-то урок. Вызову-ка я Блока — отоприте дверь и присядьте здесь, у столика.

— Охотно, — сказал К. и сделал все, как потребовал адвокат. Учиться он был всегда готов. Впрочем, чтобы не возникло никаких двусмыс-

ленностей, он добавил:

— Так вы приняли к сведению, что я отзываю у вас доверенность?

— Да, — сказал адвокат. — Но сегодня вы еще можете передумать.

Он снова улегся в постель, натянул одеяло до подбородка и повернулся к стене. И только тогда позвонил.

Почти одновременно со звонком явилась Лени и быстро осмотрелась в надежде понять, что произошло. Увидев К., мирно сидящего у постели адвоката, она, казалось, успокоилась и с улыбкой кивнула К., который смотрел на нее без всякого выражения.

— Приведи Блока, — сказал адвокат.

Но вместо того, чтобы идти за ним, она подошла к двери, крикнула: «Блок! К адвокату!» — и скользнула за кресло К., потому, видимо, что адвокат лежал, отвернувшись к стене, и ни на что не обращал внимания. И тут началось — она не оставляла К. в покое, то наклоняясь к нему через спинку кресла, то гладя его нежно и осторожно по волосам и по щекам. Наконец, чтобы прекратить все это, он поймал ее за руку, которую она после некоторого сопротивления позволила ему удержать.

Блок тотчас же явился на зов, но остался стоять на пороге и, казалось, раздумывал, войти ему или нет. Подняв брови и наклонив голову, он словно ждал от адвоката повторного приказа. К. мог бы подбодрить его приглашением войти, но он решил порвать не только с адвокатом, но и со всеми в этой квартире, а потому оставался безмолвным наблюдателем. Молчала и Лени. Блок убедился, что его, во всяком случае, не прогоняют, и вошел на цыпочках, с напряженным лицом, судорожно стиснув руки за спиной. Дверь он оставил открытой на случай отступления. К. смотрел не на него, а на пышное одеяло, под которым адвоката стало совсем не видно, потому что он сильнее прижался к стене. Тут, впрочем, раздался его голос:

— Блок здесь? — спросил он.

Этот вопрос для Блока, уже достаточно далеко зашедшего вглубь комнаты, был равносилен тычку в грудь и одновременно в спину. Он покачнулся, замер в глубоком поклоне и сказал:

— К вашим услугам.

— Чего надо? — спросил адвокат. — Ты явился некстати.

— Но разве меня не вызвали? — спросил Блок скорее самого себя, чем адвоката, выставил вперед руки, как бы защищаясь, и приготовился к

бегству.

— Вызвали, — сказал адвокат, — и все же ты явился некстати. — И добавил: — Ты всегда являешься некстати.

С тех пор, как адвокат заговорил, Блок уже не смотрел на кровать, а уставился куда-то в угол, будто один вид собеседника грозил его ослепить, и лишь вслушивался. Но и это было нелегко, потому что адвокат говорил, обращаясь к стене, тихо и при том быстро.

— Хотите, чтобы я ушел? — спросил Блок.

— Ну раз уж пришел, — сказал адвокат, — оставайся.

Можно было подумать, что адвокат не выполняет желание Блока, а угрожает ему розгами, потому что Блока начала бить дрожь.

— Я вчера был, — сказал адвокат, — у моего друга, третьего судьи, и постепенно перевел разговор на тебя. Хочешь узнать, что он сказал?

— О, прошу вас, — сказал Блок.

Поскольку адвокат не ответил сразу, он повторил свое «прошу вас» и склонился так низко, будто собирался встать на колени. Тут уж К. вмешался:

— Да что ты такое делаешь! — воскликнул он.

Когда Лени попыталась заткнуть ему рот, он

схватил ее и за другую руку. Держал он ее без малейшей нежности — она тяжело дышала от боли и пыталась вырваться. Но за возглас К. наказан был Блок, и адвокат спросил его:

— Ну, кто твой адвокат?

— Вы, — сказал Блок.

— А еще кто? — спросил адвокат.

— Никто, кроме вас, — сказал Блок.

— Вот никого больше и не слушай, — сказал адвокат.

Блок явно был с этим полностью согласен — он смерил К. сердитым взглядом и замотал головой. На нормальный язык это можно было перевести лишь грубой бранью. И с этим-то человеком К. собирался по-дружески обсудить свое дело!

— Не буду тебе больше мешать, — сказал К., откинулся в кресле. — Хоть на колени встань или на четвереньках ползай, делай, что хочешь, мне все равно.

Но у Блока сохранилось еще чувство собственного достоинства — во всяком случае, перед К.: он шагнул к нему, размахивая кулаками, и закричал настолько громко, насколько осмеливался в присутствии адвоката:

— Вы не можете так со мной говорить, так не положено! Почему вы меня оскорбляете? Да еще

здесь, в присутствии г-на адвоката, который терпит здесь нас обоих, и вас, и меня, только потому, что у него доброе сердце! Вы меня ничем не лучше, вы тоже обвиняемый, и против вас тоже ведется процесс. А если вы при этом все равно важный господин, то и я такой же, а то и поважнее вас. И требую, чтобы со мной обращались соответственно, по крайней мере вы. А если вы предпочитаете сидеть здесь и спокойно смотреть, как я, по вашему выражению, ползаю на четвереньках, напомню вам одно старое юридическое правило: для обвиняемого движение лучше покоя, ибо покоиться можно, не подозревая того, и на чаше весов, которые взвешивают твои грехи.

К. молчал, лишь смотрел, не отводя глаз, на отчаяние этого человека. Каких только превращений не претерпел он в глазах К. за последние пару часов! Неужели это из-за процесса его так кидает из стороны в сторону, что он не в силах больше различить, где друг, а где враг? Неужели он не видит, что адвокат намеренно его унижает с единственной целью — похвастаться перед К. своим могуществом~~, ослепить его, возможно, этим зрелищем~~ и тоже подчинить себе? Если Блок неспособен это разглядеть или так боится адвоката, что, даже все понимая, ничего не мо-

жет с этим поделать, как же ему хватает ума или хитрости обманывать адвоката и скрывать от него свою возню с другими адвокатами? И почему он осмеливается нападать на К., хотя тот легко может выдать его тайну? А Блок позволил себе и не такое: он подошел к постели адвоката и начал уже ему жаловаться на К.:

— Господин адвокат, — сказал он, — слышите, как этот человек со мной разговаривает? Его процесс идет без году неделя, а он уж берется учить меня — и это после пяти лет моего процесса! Да еще оскорбляет! Я все силы положил на то, чтобы изучить, чего требуют от меня приличия, долг и судебная практика, — а этот невежда считает себя вправе меня оскорблять!

— Не обращай ни на кого внимания, — сказал адвокат, — и делай то, что тебе кажется правильным.

— Конечно, — сказал Блок, словно пытаясь набраться смелости, и, быстро покосившись на К., бухнулся на колени у самой кровати.

— Преклоняю колени перед моим адвокатом, — сказал он. Но адвокат молчал.

К. испытывал сильный соблазн сказать Блоку что-нибудь насмешливое. Лени воспользовалась тем, что он отвлекся, оперлась локтями о

спинку кресла и начала легонько раскачивать К., словно баюкая, хотя он продолжал держать ее за руки. К. поначалу не обращал на это внимания, а наблюдал за Блоком. Блок осторожно поглаживал краешек одеяла. В наступившей тишине Лени вдруг вырвала руки у К.:

— Ты делаешь мне больно. Пусти, мне надо к Блоку.

Она присела на край кровати. Блок очень ей обрадовался и, не говоря ни слова, но живо жестикулируя, стал подавать ей знаки, чтобы она вступилась за него перед адвокатом. Ему явно очень нужны были обещанные адвокатом сведения — но для того лишь, чтобы воспользоваться ими через других своих адвокатов. Лени, по-видимому, точно знала, как добиться от адвоката своего: она указала на его руку и сложила губы трубочкой, словно для поцелуя. Блок тут же припал к руке адвоката, потом, по знаку Лени, еще и еще раз. Но адвокат продолжал безмолвствовать. Тогда Лени склонилась над адвокатом, красиво изогнувшись, и, приблизив лицо к его лицу, стала гладить его по длинным седым волосам. Это сработало.

— Не уверен, что стоит ему это рассказывать, — сказал адвокат, и, насколько можно было

заметить, слегка покачал головой, возможно подставляя ее под поглаживания Лени.

Блок внимал, опустив голову, и даже в его молчании была мольба.

— Почему же не уверены? — спросила Лени.

У К. возникло ощущение, будто все произносят заученные реплики и этот разговор — уже не раз отыгранная сцена, которая не раз повторится и лишь для Блока никак не потеряет новизны.

— Как он себя сегодня вел? — спросил адвокат вместо ответа.

Прежде чем высказать свое мнение на этот счет, Лени посмотрела на Блока. Он молитвенно сложил руки и чуть потирал их, подняв на нее умоляющий взгляд. Наконец она кивнула с серьезным видом, повернулась к адвокату и сказала:

— Он был тих и прилежен.

Опытный торговец, мужчина с длинной бородой вымаливает у девушки школьную характеристику! Если бы он хоть на минуту задумался, то едва ли нашел бы себе оправдание. Его поведение выглядело унизительным даже в глазах безучастного свидетеля. К. не мог взять в толк, с чего адвокат решил, что такое зрелище вызовет у него соблазн остаться. Наоборот, одной этой

сцены было бы достаточно, чтобы его оттолкнуть. Вот, значит, каков метод адвоката, к счастью лишь недолго применявшийся в отношении К., — заставить клиента забыть обо всем на свете и брести по этой неверной дорожке в надежде, что она приведет к концу процесса. Это был уже не клиент, а пес адвоката. Прикажи ему адвокат заползти под кровать, словно в конуру, и оттуда лаять, он бы это с воодушевлением исполнил. К. продолжал внимательно слушать, осмысливая происходящее, словно ему поручили запомнить все в деталях, представить в некую высшую инстанцию жалобу и приложить к ней рапорт.

— Что же он делал весь день? — спросил адвокат.

— Я заперла его в комнате служанки, чтобы не путался под ногами, — сказала Лени. — Он ведь там обычно и сидит. Время от времени заглядывала в окошко и видела, что он делает. Он все время стоял на коленях на кровати, а бумаги, которые ты ему дал на время, разложил на подоконнике и читал. Это произвело на меня хорошее впечатление. Окно ведь ведет в вентиляционную шахту и света почти не дает. А Блок все равно старался читать, вот какой он послушный.

— Рад это слышать, — сказал адвокат. — Но

усваивал ли он прочитанное?

Блок в продолжение этого разговора беззвучно шевелил губами, видимо формулируя ответы, которые надеялся услышать от Лени.

— Этого, — ответила Лени, — я, само собой, точно сказать не могу. Как бы то ни было, я видела, что читал он внимательно. Весь день перечитывал одну и ту же страницу, водил пальцем по строчкам. И всякий раз, как я заглядывала, вздыхал, словно читать ему было очень трудно. Эти твои бумаги, наверное, сложно понять.

— Да, — сказал адвокат, — это точно. Вряд ли он что-то в них понял. Довольно и того, чтобы он почувствовал, какую тяжелую борьбу я веду, защищая его. И ради кого же веду я эту тяжелую борьбу? Ради — смешно сказать! — ради Блока. Это ему тоже надо усвоить. И что же, он занимался без передышки?

— Почти без передышки, — ответила Лени. — Только однажды попросил воды попить. Я ему просунула стакан в окошко. А в восемь выпустила его и дала немного поесть.

Блок покосился на К., словно столь положительная характеристика должна была произвести впечатление и на него. Торговец, казалось, преисполнился надежды, даже движения его сделались

свободнее — он начал ерзать на коленях. Тем заметнее было, как он замер при следующих словах адвоката.

— Ты хвалишь его, — сказал адвокат. — Потому я и не хотел рассказывать. Судья-то не сказал ничего обнадеживающего ни о самом Блоке, ни о его процессе.

— Ничего обнадеживающего? — спросила Лени. — Но как такое возможно?

Блок смотрел на нее так напряженно, будто верил в ее способность повернуть в его пользу давно произнесенные слова судьи.

— Ничего обнадеживающего, — сказал адвокат. — Ему даже было неприятно, что я заговорил о Блоке. Не надо о Блоке, сказал он. Но он мой клиент, сказал я. Напрасно тратите время, сказал он. Я не считаю его дело проигранным, сказал я. Напрасно тратите время, повторил он. Я так не думаю, сказал я. Блок очень старается и внимательно следит за ходом своего процесса. Он чуть ли не переехал ко мне, чтобы всегда быть в курсе. Не всякий проявляет такое рвение. Конечно, личность он неприятная, у него отвратительная манера говорить и он грязноват, зато в процессуальных вопросах безупречен. Я так и сказал — безупречен, нарочно преувеличил. На это он

сказал: Блок просто хитер. Набрался опыта и знает, как затягивать процесс. И все равно он скорее невежественен, чем хитер. Что бы он сказал, узнав, что его процесс даже и не начинался, что даже колокольчик еще не прозвенел к началу? Спокойно, Блок, — сказал адвокат, обращаясь к торговцу, попытавшемуся было подняться на нетвердых ногах, видимо чтобы попросить объяснений.

Это были первые его слова, адресованные напрямую Блоку. Он устало смотрел как бы сквозь Блока, вновь медленно осевшего на колени.

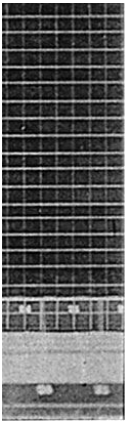
— Эти слова судьи не имеют для тебя ровным счетом никакого значения, — сказал адвокат. — Не вздрагивай при каждом слове. Если подобное повторится, не буду ничего больше рассказывать. Слова сказать невозможно, чтобы ты не пучил глаза, будто сейчас объявят твой окончательный приговор. И не стыдно тебе при моем клиенте! Ты, кроме прочего, подрываешь его доверие ко мне. Чего тебе еще надо? Ты жив пока, ты под моей защитой. Нелепые страхи! Вычитал где-то, что в некоторых случаях окончательный приговор объявляют неожиданно и что сделать это может кто угодно и когда угодно. С определенными оговорками это так и есть, но верно и то,

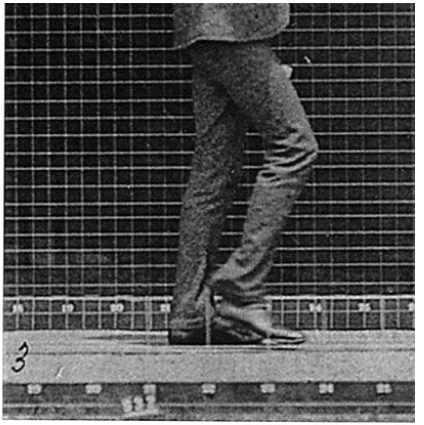
что мне твой страх отвратителен: я вижу в нем нехватку доверия, а оно необходимо. Что я такого сказал? Передал слова одного судьи. Ты ведь знаешь, вокруг процесса сталкивается столько разных точек зрения, что ничего не разберешь. Этот судья, к примеру, считает началом процесса один момент, а я — другой. Простое расхождение во мнениях, не более. На определенной стадии процесса по старому обычаю звонят в колокольчик. По мнению этого судьи, звонок дает начало процессу. Не могу тебе сейчас привести все возражения против этой точки зрения, тебе их и не понять, хватит с тебя и того, что возражений много.

Блок растерянно теребил пальцами шерстинки мехового прикроватного коврика. Слова судьи так его напугали, что он даже перестал пресмыкаться перед адвокатом: он, похоже, погрузился в себя, пытаясь рассмотреть сказанное судьей со всех возможных сторон.

— Блок, — предупреждающе сказала Лени и дернула его за шиворот. — Оставь шкуру в покое и слушай, что говорит адвокат.

Поездка к матери




3

Однажды за обедом К. вдруг пришло в голову, что надо бы навестить мать. Весна уже заканчивалась, а с ней подходил к завершению и третий год с тех пор, как он видел ее в последний раз. Она тогда просила, чтобы он приехал к ней на свой день рождения, и он, несмотря на множество препятствий, согласился выполнить эту просьбу и даже обещал проводить у нее каждый день рождения. С тех пор он уже дважды нарушил обещание. Так что теперь он собрался ехать, не дожидаясь праздника, хотя до него и оставалось всего две недели.

Для столь спешной поездки на самом-то деле не было особых причин — напротив, от кузена, владевшего торговой фирмой в городке, где жила мать, и распоряжавшегося деньгами, которые К. ей посылал, приходили в последнее время более обнадеживающие новости, чем раньше. Зрение матери постепенно ухудшалось, но об этом врачи предупреждали К. еще несколько лет назад, а в остальном ее здоровье укрепилось, всякие возрастные болячки даже пошли на убыль — по крайней мере, она стала меньше жаловаться. По мнению кузена, дело было в том, что в последние годы — К. и сам в прошлый приезд заметил с некоторым неудовольствием кое-какие призна-

ки — она сделалась чрезвычайно набожной. В письме К. кузен весьма ярко описал, как старушка, раньше едва волочившая ноги, теперь бодро шагает с ним под руку в церковь по воскресеньям. А кузену можно было доверять: он был человек мнительный и склонный преувеличивать в своих отчетах скорее дурное, чем хорошее.

Так или иначе, К. решил ехать теперь же; в последнее время, среди прочих неприятных изменений, он обнаружил в себе какую-то плаксивую слабость, а с ней — и неспособность сопротивляться собственным желаниям. По крайней мере в этом случае новый недостаток подталкивал его в правильную сторону.

Он подошел к окну, чтобы немного собраться с мыслями, приказал убрать тарелки, отправил клерка к г-же Грубах, чтобы уведомить ее об отъезде и забрать саквояж, в который г-жа Грубах сложит, что сочтет необходимым, а затем отдал поручения г-ну Кюне на время своего отсутствия. На этот раз его почти не злила дурная манера, которую его заместитель завел в последнее время, — выслушивать указания, глядя в сторону, словно он и так знал, что делать, и терпел инструктаж лишь как некий ритуал. Напоследок К. отправился к директору. Когда он попросил

двухдневный отпуск, чтобы съездить к матери, директор, конечно, осведомился, не больна ли она.

— Нет, — ответил К. и не стал пускаться ни в какие объяснения.

Он стоял посреди кабинета, заложив руки за спину, и морщил лоб в раздумьях. Не слишком ли скоропалительно он собрался ехать? Не лучше ли будет остаться? Зачем он едет — не из чистой ли сентиментальности? И не будет ли эта сентиментальность стоить ему чего-то важного, не упустит ли он какую-то возможность или зацепку, которая может представиться в любой день, в любую минуту: уже несколько недель, как процесс, кажется, затих и ничего внятного о нем не слышно? Да и не напугает ли он старушку, сам того не желая? Сейчас ведь многое происходит помимо его воли. К тому же мать его даже не звала. Раньше ее настойчивые приглашения постоянно повторялись в письмах кузена, но уже давно прекратились.

Конечно, не из-за матери собрался он в дорогу. Но если дело в каких-то надеждах, которые испытывает он сам, тогда он набитый дурак и, добравшись до места, заплатит за свою глупость кромешным отчаянием.

Но все эти сомнения были какие-то чужие — их будто внушал ему некто посторонний; так что К., словно пробудившись, остался при своем решении ехать. Директор тем временем — может быть, по случайному совпадению или, скорее, из особой деликатности — склонился над газетой. Наконец он поднялся и протянул К. руку и пожелал, не задавая больше никаких вопросов, счастливого пути.

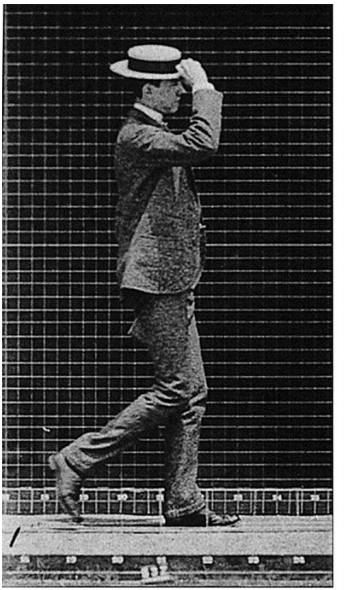
Расхаживая взад-вперед по своему кабинету, К. дожидался клерка. Почти не тратя слов, он отбился от заместителя директора, который несколько раз зашел к нему, чтобы расспросить о причинах отъезда. Получив наконец-то в руки саквояж, он поспешил к заранее заказанному авто. Он был уже на лестнице, когда в самый последний момент на верхней ступеньке появился служащий Куллих с незаконченным письмом в руке, желая спросить у К. совета. К. отмахнулся, но белобрысый, большеголовый Куллих был непонятлив, неверно истолковал его жест и, размахивая бумагой, пустился опасными для жизни прыжками. Это так разозлило К., что, когда Куллих нагнал его на крыльце, он выхватил у него письмо и разорвал.

К. развернулся и уселся в машину, а Куллих

все стоял на том же месте, все еще, похоже, не понимая, в чем ошибся, и провожал глазами отъезжающий автомобиль. Рядом с ним швейцар надвинул поглубже на уши фуражку. К. все еще занимал в банке одну из самых важных должностей, что бы он сам по этому поводу ни думал, и швейцар мог это подтвердить. А уж мать, невзирая на все возражения, и вовсе уже много лет считала его директором банка. Как бы ни пошатнулось его положение, в ее глазах он упасть не мог. Возможно, это даже был хороший знак, что перед самым отъездом он позволил себе выхватить из рук у служащего, причем связанного с судом, его письмо, разорвать в клочья и даже не извиниться. Но чего ему на самом деле хотелось, так это влепить Куллиху две звонкие пощечины — его бледные, круглые щечки так и напрашивались на это.

Да и нет ничего плохого в том, чтобы ненавидеть Куллиха, и не только его, но и Рабенштайнера с Каминером. Он подумал, что уже давно их ненавидит, их появление в комнате г-жи Бюрстнер лишь напомнило ему о застарелой ненависти. В последнее время эта ненависть его мучила, потому что он никак не мог ее насытить: слишком трудно досадить им, ведь

~~*они занимали совсем мелкие должности, эти посредственности, способные продвигаться лишь благодаря стажу, да и то медленнее остальных. Из-за этого было почти невозможно ставить им палки в колеса — тупость Куллиха, лень Рабенштайнера и отвратительное подхалимство Каминера были хуже любых рукотворных препятствий. Единственное, чем можно было им навредить, — это добиться их увольнения. Для К. это было нетрудно, достаточно было сказать пару слов директору. К., однако, остерегался. Возможно, он решился бы, если бы за троицу вступился заместитель директора, тайно или явно приветствовавший все, что не нравилось К. Но вот странное дело: в данном случае заместитель директора был согласен с К. Он и сам не раз подговаривал директора уволить кого-нибудь из троих.*~~


1
2

Здание

2

Без какой-либо определенной цели К. закинул удочку, чтобы выяснить адрес учреждения, откуда исходило заявление, положившее начало его делу. Это оказалось нетрудно: стоило ему задать вопрос, как и Титорелли, и Вольфхарт[1] тут же назвали улицу и номер дома. Титорелли сопроводил эту информацию улыбкой, которой всегда встречал планы К., не представленные ему заранее на рассмотрение, и замечанием, что толку от этого учреждения вовсе никакого: оно лишь облекает в слова чужие поручения и занимается внешними связями прокуратуры, недоступной для фигурантов. Если человек чего-то хочет от прокуратуры — а хотят, конечно, многие, пусть высказывать такие желания и не всегда разумно, — то следует обратиться в названное нижестоящее учреждение, однако ни получить доступ в саму прокуратуру, ни передать туда свой запрос таким образом не удастся.

К. уже хорошо изучил художника и потому не стал ни спорить, ни задавать дальнейших вопросов, а кивнул и принял услышанное к сведению. В последнее время ему нередко казалось, что по части издевательств Титорелли — полноценная

[1] Примечания: 1

В рукописи этот персонаж больше не упоминается. Его появление — одна из многочисленных загадок «Процесса». — *Прим. пер.*

замена адвокату. Отличий было лишь три: К. меньше зависел от Титорелли и мог в любой момент от него отделаться; Титорелли больше делился информацией, или, вернее сказать, разбалтывал ее, пусть и не так щедро, как раньше; наконец, К. и сам мог над ним издеваться.

Вот и сейчас, говоря о том здании, он делал вид, будто что-то скрывает от Титорелли: например, то, что он установил с расположенным там учреждением некие отношения, но что они еще недостаточно далеко зашли, чтобы без опаски говорить о них открыто; когда же Титорелли попытался его разговорить, К. внезапно замолк и еще долго не возвращался к теме. Его радовали такие маленькие победы, ему казалось, что теперь он лучше понимает людей, вращающихся в судебных кругах: ~~*да, его способность издеваться еще не означала, что он взял над ними верх, но все же*~~ он теперь мог играть с ними и чуть ли не бунтовать, мог в какие-то мгновения увидеть то, что видели и они со своей низшей ступени в судебной иерархии. А если он в конце концов проиграет — ну так что же? Ведь и тогда все равно остается возможность спасения — просочиться в ряды этих людей, и если они из-за своего низкого положения или по каким-то другим причинам не

могут помочь ему с процессом, то хотя бы могут принять как своего и спрятать, — да, если все хорошенько продумать и потихоньку исполнить, они не откажут ему в этой услуге, особенно Титорелли, чьим близким знакомым и благодетелем он теперь стал.

Такие вот надежды и питали К.: пусть не ежедневно — в целом он все еще старался замечать и принимать всерьез всяческие препятствия, — но иногда, особенно разбитый усталостью после работы, он находил утешение в мельчайших и все же значительных для него событиях дня. Обычно в таких случаях он лежал на диване в своем кабинете — теперь он не мог уйти отсюда, не отдохнув часок на диване, — и словно нанизывал на нитку одно наблюдение за другим. В полусне перед его мысленным взором проходили не только личности, прямо связанные с судом, ему мерещилось, что он — единственный обвиняемый, а все вокруг — чиновники и юристы в коридорах суда, и даже самые глупые ходят насупившись, выпятив губу и придав взгляду такое выражение, будто размышляют о судьбах мира. Отдельную группу составляли жильцы г-жи Грубах. Сомкнув головы и разинув рты, они играли роль обвиняющего хора. Со многими из

них К. был незнаком — происходящее в пансионе давно стало ему совершенно безразлично. Все эти чужие лица мешали ему сблизиться с группой, что было иногда необходимо, чтобы разыскать в ней г-жу Бюрстнер. Только он начинал присматриваться, как вдруг натыкался на совершенно чужие глаза и вынужденно отворачивался. Он не находил г-жу Бюрстнер, но снова начинал вглядываться, чтобы избежать ошибки, — и видел: вон она, в самом центре группы, положила руки на плечи стоящих по обе стороны мужчин. Это его не волновало — ~~*он искал ее лишь ради полноты и реалистичности картины и потому довольствовался лишь первым беглым взглядом на нее; к тому же*~~ в этом зрелище не было ничего нового — ему лишь вспоминалась фотография с пляжа, увиденная в комнате г-жи Бюрстнер. Увидев ее, он всегда спешил прочь от группы, и хотя потом часто проходил мимо, но уже в спешке, широко шагая по судебным коридорам. Здесь он отлично знал все помещения, даже неизвестные ходы, в которых он точно никогда не бывал, казались знакомыми, словно он жил здесь с незапамятных времен~~*, а когда за дверью зала вдруг обнаруживалась винтовая лестница, его подошвы бойко стучали по ней, словно он со всей тщательностью*~~

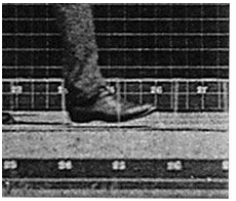
изучал маршрут, который ему предстояло когда-нибудь пройти без подготовки. Подробности врезались ему в мозг с болезненной ясностью. По приемной, к примеру, расхаживал иностранец, одетый тореадором, с осиной талией, в тесной короткой курточке из грубого желтоватого кружева. Он шагал и шагал, не останавливаясь ни на мгновение и не мешая К. рассматривать его долго, неотрывно. Ссутулившись и глядя во все глаза, К. обошел его. Он изучил рисунок кружева, подметил, где не хватает нитки в бахроме, какие на курточке образуются складки, и все не мог насмотреться. Или, вернее, давно насмотрелся, а еще вернее — никогда и не хотел всматриваться, но никак не мог оторваться. «Вот это маскарад, у нас такого не увидишь!» — думал он, еще сильнее тараща глаза. Так и следил за иностранцем, пока не переворачивался на диване и не вжимался лицом в кожаную обивку. *Так он чувствовал себя в безопасности и мог строить планы. Он обдумывал, просчитывал — но не знал, что именно обдумывает и просчитывает.*

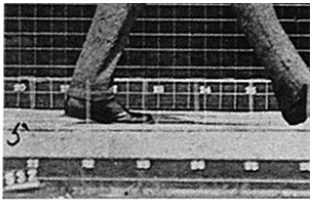
Так он лежал долго — и уже по-настоящему успокаивался. Поток мыслей не прекращался, но уже в темноте и без помех. Больше всего ему нравилось представлять себе Титорелли. Художник

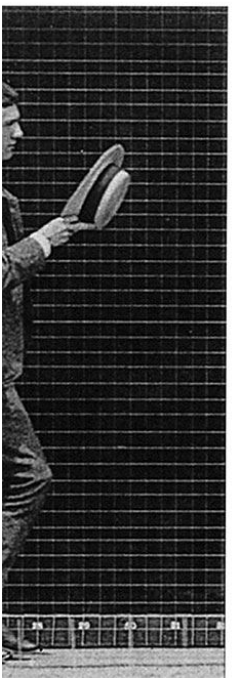
~~сидел в кресле, К. стоял перед ним на коленях, гладил ему руки и всячески его умасливал. Титорелли знал, чего добивается К., но притворялся, что не знает, чтобы его помучить. Но К. знал, что все у него получится, потому что Титорелли человек легкомысленный, податливый и не слишком совестливый, — непонятно, как вообще суд с таким связался. К. чувствовал: если где и возможен прорыв, то именно здесь. Его не сбивала с толку бесстыдная, устремленная в пустоту ухмылка Титорелли, он настаивал на своей просьбе и гладил Титорелли уже по щекам. Он не то чтобы очень старался, он был почти расслаблен и, уверенный в успехе, растягивал удовольствие. Вот как это просто — перехитрить суд! Словно повинуясь закону природы, Титорелли наконец нагнулся к нему и медленно, благосклонно прикрыл глаза, показывая, что готов исполнить просьбу, и крепко пожал К. руку. К. поднялся на ноги, ему, конечно, хотелось немного отпраздновать, но Титорелли было не до увеселений — он приобнял К. и бегом потащил за собой. Вскоре они оказались в здании суда и побежали по лестнице, но не просто вверх — а то вверх, то вниз, скользя, как легкие лодочки по воде. Глядя под ноги, К. пришел к заключению, что такое красивое движение~~

было бы непредставимо в его прежней, низменной жизни, и тут над его склоненной головой произошла метаморфоза. Свет, падавший до этого сзади, вдруг ослепительно засиял впереди. К. посмотрел вверх, Титорелли кивнул ему и развернул его в другую сторону. К. снова оказался в коридоре суда, но все здесь было мирно и просто, без режущих глаз деталей. К. охватил все одним взглядом, освободился от Титорелли и пошел своей дорогой. На нем было новое одеяние — темное и длинное одеяние, тяжелое, теплое и уютное. Он знал, что с ним случилось, но был так счастлив, что не хотел себе в этом признаться. В углу какого-то коридора, где вдоль одной стены были распахнуты большие окна, он нашел сваленную в кучу прежнюю свою одежду — черный пиджак, брюки в контрастную полоску и сверху рубашку с колышущимися на ветру рукавами.

Конец







Вечером перед тридцать первым днем рождения К. — было около девяти, тихое время на улицах города — в его квартиру явились два господина. Бледные, с одутловатыми лицами, в длинных сюртуках и сурово надвинутых на лбы цилиндрах. Перед входной дверью между ними произошел небольшой обмен любезностями — кому входить первым; у двери в комнату К. любезности повторились и даже умножились. К., не будучи предупрежден о визите, все равно сидел, одетый в черное, в кресле рядом с дверью и медленно натягивал новые, плотно облегающие перчатки, словно предчувствуя приход гостей.

Он тут же встал и с любопытством посмотрел на них.

— Вы ведь по мою душу? — спросил он.

Визитеры кивнули, и один указал на другого рукой, в которой держал цилиндр. Не такие гости должны были явиться, подумалось К. Он подошел к окну — снова взглянуть на темную улицу. Окна на другой стороне были по большей части темны, а многие и занавешены. В освещенном зарешеченном окне на нижнем этаже двое совсем маленьких детей играли в ладушки, не умея еще слезть со своих стульчиков.

«Прислали за мной каких-то старых актеров

из массовки, — подумал К. и оглянулся, чтобы еще раз в этом убедиться. — Хотят со мной разделаться, не сильно потратившись». Он вдруг резко развернулся к ним и спросил:

— Вы из какого театра?

— Театра? — один из визитеров — у него дергались уголки рта — недоуменно повернулся к другому, а тот напрягся, словно немой, силящийся выдавить из себя слова.

— Вы явно не готовились отвечать на вопросы, — сказал К. и пошел за шляпой.

Уже на лестнице визитеры хотели было схватить его, но К. сказал:

— Давайте на улице, я же не болен.

Они все же взяли его в тиски перед самой дверью. Так крепко его держали впервые. Плотно стиснув К. плечами, они, не сгибая локтей, прижали его руки к бокам, а кисти сдавили каким-то особым, натренированным захватом, исключавшим всякое сопротивление. Зажатый между ними, К. шел, вытянувшись по струнке. Втроем они составляли единое целое: если бы кто-нибудь сбил с ног одного, повалились бы все трое. Разве что неодушевленные предметы могут так сливаться воедино.

Проходя под фонарями, К. пытался, хоть это

было и непросто в таких тисках, получше рассмотреть своих конвоиров: в полутемной комнате ему это толком не удалось. Теноры, не иначе, догадался он по тяжелым двойным подбородкам. И с отвращением приметил, какие у них чисто умытые лица. Он так и видел заботливую руку, тщательно протирающую уголки глаз, смахивающую влагу с верхней губы, выскребающую складки под подбородком. ~~*Брови у них были словно наклеены и двигались вверх-вниз, не в такт шагам.*~~

Рассмотрев их, К. остановился, так что остановились и они — на краю безлюдного сквера.

— Ну почему прислали именно вас! — скорее воскликнул, чем спросил он.

Конвоиры, казалось, не знали ответа, они просто ждали, опустив свободные руки, как санитары ждут, чтобы пациент успокоился.

— Дальше не пойду, — наудачу сказал К.

На это конвоирам отвечать не понадобилось — они лишь, не ослабляя хватки, попытались сдвинуть К. с места. Он сопротивлялся. «Ни к чему больше экономить силы, лягу тут костьми, — подумал он. Ему представилась муха, пытающаяся ценой оторванных лапок отцепиться от клейкой бумаги. — Да, этим господам придется непросто».

Тут он увидел, как из расположенного под горкой переулка поднимается по лестнице в сквер г-жа Бюрстнер. Он не был уверен, что это она, хотя сходство казалось сильным. Впрочем, К. было все равно, действительно ли он видит именно г-жу Бюрстнер; он вдруг осознал всю бессмысленность сопротивления. Нет ничего героического в том, чтобы упираться, усложнять конвоирам работу, искать наслаждение в последних проблесках жизни. Он шагнул вперед, и часть того удовольствия, которое это доставило конвоирам, передалась и ему. Они не мешали ему задавать направление, а он шел следом за девушкой — не потому, что хотел догнать ее, и не ради возможности подольше на нее посмотреть, а чтобы не забыть то, что открылось ему при ее появлении. «Единственное, что я могу теперь сделать, — говорил он себе, в подтверждение своих мыслей шагая в ногу с конвоирами, — единственное, что я могу, — это сохранять до конца ясную голову. Вечно я хотел все взять в свои руки — ради чего, собственно? Это было неправильно, стоит ли сейчас показывать, что даже растянувшийся на год процесс ничему меня не научил? Стоит ли выставлять напоказ свою непонятливость? Стоит ли давать повод для упреков, что в начале про-

цесса я хотел его закончить, а в конце — начать его снова? Не хочу, чтобы обо мне так говорили. Я благодарен за то, что на этом пути приставлены ко мне эти два полунемых тупицы и что у меня есть возможность сказать нечто важное себе самому».

Тем временем девушка свернула в переулок, но К. уже мог без нее обойтись, а потому сдался на милость конвоиров. В полном согласии троица вступила на освещенный луной мост. Каждое движение К. конвоиры теперь с готовностью повторяли, а когда он чуть повернулся к перилам, повернулись с ним и они — как единое целое. Сверкая и дрожа в лунном свете, вода огибала островок, окутанный пышной зеленью деревьев и кустов. Вдоль посыпанных гравием тропинок, невидимых сейчас с моста, прятались скамейки, на которых К. раньше любил понежиться летом.

— Да я ведь не хотел останавливаться, — сказал он конвоирам, пристыженный их деликатностью.

Ему показалось, что один из них за его спиной тихо упрекнул другого за недоразумение с остановкой, и они двинулись дальше.

Они шли в гору переулками, по которым прохаживались — то вдалеке, то совсем близко

— полицейские. Один, с пышными усами, положил руку на эфес ~~*доверенной ему государством*~~ сабли и, казалось, нарочно подошел поближе к их довольно подозрительной компании.

~~*— Государство предлагает мне помощь, — прошептал К. на ухо одному из конвоиров. — Как будто процесс прошел за пределами государственной юрисдикции.*~~

~~*Может, еще придется этих господ защищать от государства, подумал он.*~~

Конвоиры споткнулись, полицейский, казалось, собрался открыть рот, но тут К. с силой потащили дальше. Несколько раз он осторожно оборачивался, чтобы посмотреть, не идет ли полицейский за ними. Но когда они свернули за угол, К. пустился бежать, так что конвоиры вынуждены были тоже, несмотря на одышку, перейти на бег. Так они вскоре оказались за городской чертой. С этой стороны за городом почти без перехода начинались поля. Рядом с одним из последних городских домов обнаружился небольшой карьер, пустынный и заброшенный. Здесь конвоиры остановились — потому ли, что с самого начала путь их лежал сюда, потому ли, что слишком устали, чтобы бежать дальше. К. отпустили, и он молча ждал, пока они, сняв ци-

линдры и вытирая вспотевшие лбы платками, осматривались в карьере. Кругом разливался лунный свет с природным спокойствием, не свойственным никакому другому свету.

После обмена любезностями о том, кому выполнять следующее задание, — похоже, они получили одно на двоих, — один из конвоиров подошел к К. и снял с него пиджак, жилет и, наконец, рубашку. К. непроизвольно содрогнулся, и конвоир успокаивающе похлопал его по спине. Затем аккуратно сложил одежду, словно она должна была еще понадобиться, пусть и не прямо сейчас. Чтобы К. не стоял неподвижно на ночном холоде, конвоир взял его под руку и прошелся с ним взад-вперед, пока второй осматривал карьер в поисках подходящего места. Найдя, махнул рукой, и другой конвоир подвел к нему К. У самой стены карьера лежал отколотый камень. Конвоиры усадили К. на землю, прислонили к камню, а голову закинули назад. Хотя они очень старались, а К. им совсем не препятствовал, поза получилась неестественной и подозрительной, так что один конвоир попросил другого не вмешиваться и сам занялся делом. Но и так вышло не лучше. Наконец они оставили К. не в самой лучшей позе из тех, что перепробовали. Один из

конвоиров распахнул сюртук и вынул из ножен, висевших на застегнутом поверх жилета ремне, длинный, тонкий, заточенный с обеих сторон мясницкий нож, поднял его к свету и попробовал лезвие пальцем. Снова начались отвратительные любезности — первый передал нож второму через голову К., тот, тоже через голову К., вернул.

К. понял со всей ясностью, что его обязанность — самому схватить нож, проплывающий у него над головой от одного конвоира к другому, и вонзить в себя. Но вместо этого он вертел свободной пока головой, оглядываясь по сторонам. Он не мог себя заставить сделать за чиновников всю работу; пусть за эту последнюю ошибку отвечает тот, кто лишил его необходимых сил. Его взгляд остановился на верхнем этаже дома над карьером. Мигнул свет, распахнулись оконные створки, какой-то худой, слабый человек там, вдали, в высоте, высунулся далеко из окна и еще вытянул перед собой руки. Кто он? Друг? Добрый человек? Участвует в действе? Предлагает помощь? Он один? Или, может быть, все заодно? Можно ли еще помочь? Найти возражения, о которых забыли? Ведь наверняка они есть! Пусть логика несокрушима, но человеку, который хочет жить, не может противостоять и она. Где здесь

судья? Ведь он ни разу его не видел! Где высший суд, до которого он так и не дошел? Я[2] поднял руки вверх и расставил пальцы.

Но руки одного конвоира легли на горло К., а второй воткнул нож ему в сердце и повернул дважды. Туманящимся взором К. увидел совсем близко перед собой, как оба они, щека к щеке, ждут развязки.

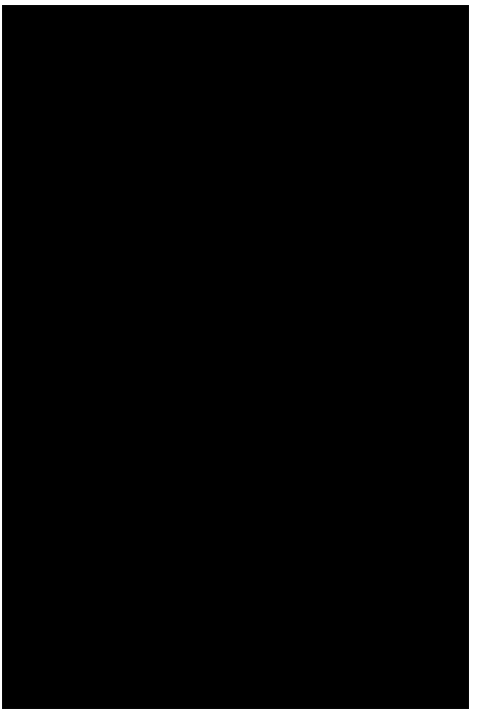
— Как собака! — сказал он.

~~*Последним чувством в его жизни был стыд. Даже в минуту смерти некуда деться от стыда.*~~ Стыд. И стыд этот, видимо, должен был его пережить.

---

[2] Примечания: 2

Так — от первого лица — в черновике Кафки. — *Прим. пер.*



Страницы черновика романа «Процесс»

K. bekam den Auftrag einen italienischen Geschäftsfreund der Familie, der Hund der für sie nichts war und sich zum ersten Mal in dieser Stadt am Hafen einige Kunststücke zu zeigen. Es war ihm Auftrag, den er in anderer Zeit für ehrend abgelehnt hätte den er aber jetzt, da er nur mehr ganz wenig Geld hatte, gerne ein Vergnügen in der Tasche noch wahren Sinne, widerwillig übernahm. Jede Stunde die er dem Hund entgegen wurde machte ihn kummer, indessen er [illegible] Kunststücke wie früher überdachte manche Stunden nur jener dem er dort dieses Vergnügen in Aussicht hier, aber dieses grosse, wären mir gegen wenn er nicht im Museum war. Er glaubte dann den Hund, herr je immer auf der Leine gehen war vom Tag zu Tag in sein Museum Kommen, sich [illegible] seine Geschäfte oder durchsuchte, Bankkonten, mit den [illegible] Jahren fast befreundet war, empfing und im absprechte, machte, Termine die mit Felder aufsuchte, von denen sich K. während der [illegible] jetzt immer mehr Tage sind Richtung bedrückt sah und die er nicht mehr vermeiden konnte. Wurde er daher einmal so es in noch in anderer Weise in einem [illegible] oder gar in einer kleinen Rose beantragt – solche Anträge hatten sich in der letzten Zeit sonderbar gehäuft – [illegible] nämlich die Kunstmuseum mehr, dass man ihm für ein Vergnügen entlernen, [illegible] seine Arbeit hintanstellen wollte oder sonst [illegible] für ihn leicht entbehrlich hatte. Sie pressten diesen Antrag hätte er ohne Skrupel ablehnen können, aber er wagte es nicht, denn seine Stellung

auch nur in geringsten begründet war, bedeutete die Ablehnung
des Antrages Oesterreichs seiner Zeit. Indessen dem Sinne
nahm er selber die Ferien scheinbar gleichmütig hin und ver-
schwieg wegen, als eine andauernde Tätigkeit Oesterreichs nahen
wollte, eine endliche Verständigung zu sich nur in nicht zu
fahler Aussicht stehen mit Genugtuung auf das gerade herrschende
Regenwetter, das Oesterreich von der Reise abhalten zu werden.
Als er von dieser Reise nicht unterlassen [illegible] zurückkehrte
erfuhr er dass er dort [illegible] sei am nächsten Tag den italie-
nischen Geschäftsfreund zu begleiten. Die Verbindung sich weiterhin
dieses sind Mal zu weigern war sehr gross, vor allem war das
was wenn ihm hier angebahnte Geschäft [illegible] dem Geschäfte zusammenhängende [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

im Anfang seiner Anfrage erhoben sich die mit Herren an den tiefen Fauteuils. Der Direktor schüttelte freundlich, offenbar war er sehr erfreut über K.'s Kommen, der Italiener verbeugte sich, er begrüßte zuerst die Vorstellung des Italiener schüttelte K. Richt die Hand und murmelte lächelnd irgendwas von einem Fach- empfehlen, K. verstand nicht genau was er meinte, schließlich war es wieder ein undeutbares Wort dessen sich K. mit nach einem Belieben erwies. Er antwortete mit einigen Worten die der Italiener wieder lachend hinnahm, wobei er sich mit seinem glänzenden Schnurrbart spielte. Dieser Bart war offenbar parfümiert, man roch fast manchmal, wenn man sich ihm näherte. Als sich nun alle gesetzt hatten und die Cigarren begannen bemerkte K. mit einem Unbehagen daß er den Italiener nur bruchstückweise verstand. Wenn jetzt die Geschäftssprache im fast vollständig, da waren aber nur seltene Ausnahmen, mit dem guten Tee am Mund, er schüttelte den Kopf wie vor Lust darüber [illegible] sprach [illegible] Italienisch. Jedenfalls aber verstand er sich reglementwidrig in jeder Hinsicht der für K. nicht Italienisches mehr hatte, denn aber Herr. nicht nur verstand sondern auch sprach, was K. allerdings hatte wenigstens einem der Italiener stammte aus Triest, wo auch der Direktor einige Jahre gewesen war. Jedenfalls konnte K. diesen Umstand nicht mit dem Italiener zu verständigen, nun gewissen Teil gemeinsam war. [illegible] Italiener [illegible] [illegible] [illegible]

„Warum denn zu den Damen?" wandte Leni K. ein, die in ihrer Kürze [illegible] erklären aber [illegible] war, sagte Leni [illegible] zu betreten „Ach" Unvermittelt Indem daß er nicht gehorsam gefordert und nicht erwartet hatte, verstand K. nicht, er wiederholte nur mit Worten sagte aber dabei, während er den Führer [illegible] an seinem Platz hängte halb zu sich, halb zu dem fernen Mädchen, das es nicht hören konnte: „Ja, wir betreten nicht."

Nun war es aber schon spät, es bestand schon [illegible] die Gefahr, daß er nicht rechtzeitig [illegible] zum Amt kommen würde, der Weg war schwierig geworden im letzten Augenblick hatte er sich noch an das Album erinnert, das er sich zu seinem Geburtstag gewünscht hatte und das er deshalb jetzt mitnahm. Er hielt es auf seinem Knie und trommelte darauf zärtlich während der ganzen Fahrt. Der Weg war schwierig geworden, aber es war [illegible] still und dunkel, man wurde im Dorf wenig gesehen, wohl aber wurde sich [illegible] der lange Gang auf den Bretten Flecken K. Verwunderung sehr verschiedenen.

Der Hauptlehrer, [illegible] im Unterricht war ganz leer K. erinnerte sich, daß er ihn schon als kleines Kind aufgefallen war, dann in den Stunden dieses Lehrers, wenn [illegible] alle Fenster [illegible] geöffnet waren. Bei dem [illegible] war es allerdings [illegible] als sonst. Auch heute gab [illegible] im Dorf schien es offen leer zu sein, es [illegible] natürlich niemand ein [illegible] kommen. K. draußen [illegible] er trug [illegible] sein altes Volk das [illegible] ein warmes [illegible] vor seinem Mantel [illegible] [illegible].